

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

Н.В. Лысак

**Должностные преступления
в потребительской кооперации России
(1845-1996 гг.)**

Монография

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2018**

УДК 343.3
ББК 65.03
Л 88

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина

Л 88 Лысак, Н. В.

Должностные преступления в потребительской кооперации России (1845-1996 гг.): монография. – Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. – 162 с.
ISBN 978-5-91776-264-7

Рецензенты:

Подчерняев А.Н., кандидат юридических наук (Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова);

Баранов Ю.Б., заместитель начальника УМВД России по Белгородской области;

Тычинин С.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет).

В монографии впервые в доктрине уголовного права комплексно исследуются проблемные вопросы ответственности служащих аппарата управления потребительской кооперации России за должностные преступления. В основу исследования положены разные исторические периоды, начиная с 1845 года и завершая 1996 годом.

Работа предназначена для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, а также для читателей, интересующихся проблемами кооперации.

УДК 343.3
ББК 65.03

ISBN 978-5-91776-264-7

© РИО Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. Потребительская кооперация в дореволюционной России и правовое регулирование ее деятельности.....	8
1.1. Возникновение и развитие потребительской кооперации в дореволюционной России.....	8
1.2. Правовое регулирование деятельности потребительской кооперации в дореволюционный период.....	14
ГЛАВА 2. Российское уголовное законодательство о служебных преступлениях второй половины XIX – начала XX века.....	21
2.1. Понятие должностного лица и служащего в уголовном законодательстве и в теории уголовного права России во второй половине XIX – начале XX века.....	21
2.2. Уголовная ответственность служащих потребительской кооперации по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовному уложению 1903 года.....	29
ГЛАВА 3. Уголовное законодательство об ответственности служащих потребительской кооперации за должностные преступления в первые годы советской власти.....	41
ГЛАВА 4. Потребительская кооперация в годы НЭПа: состояние, правовое регулирование ее деятельности, служащие аппарата и факторы, влияющие на совершение ими должностных преступлений.....	52
4.1. Потребительская кооперация в годы НЭПа и правовое регулирование ее деятельности.....	52
4.2. Служащие аппарата потребительской кооперации и факторы, влияющие на совершение ими должностных преступлений.....	61
ГЛАВА 5. Ответственность служащих потребительской кооперации за должностные (служебные) преступления по УК РСФСР 1922 года и УК РСФСР 1926 года.....	69
5.1 Служащий потребительской кооперации как субъект должностных преступлений по УК РСФСР 1922 года.....	69

5.2. Уголовная ответственность служащих потребительской кооперации за должностные преступления по УК РСФСР 1922 года.....	77
5.3. Дискуссии по вопросу о признании служащих потребительской кооперации субъектами должностных преступлений по УК РСФСР 1926 года.....	95
5.4. Уголовно-правовые нормы об ответственности за должностные преступления по УК РСФСР 1926 года и особенности их применения к служащим потребительской кооперации.....	100
5.5. Борьба с должностными преступлениями в потребительской кооперации в период с 1930 по 1940 год.....	110
5.6. Борьба с должностными преступлениями в потребительской кооперации в период с 1941 по 1960 год.....	118
 ГЛАВА 6. Должностные преступления в потребительской кооперации и субъект ответственности за них по Уголовному кодексу РСФСР 1960 года.....	 130
6.1. Должностные преступления в организациях потребительской кооперации в период с 1960 по 1996 год.....	130
6.2. Субъект должностного преступления в организациях потребительской кооперации и проблемы его определения по Уголовному кодексу РСФСР 1960 года.....	138
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 146
 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	 151

ВВЕДЕНИЕ

Российская кооперация прошла в своем становлении и развитии сложный исторический путь. Она испытала на себе эпоху возрождения капитализма, рамки огосударствленной экономики, процессы хаотического реформирования экономики¹.

Но в каких бы условиях ни находилось кооперация, она никогда не изменяла своему главному принципу – служению народу. Ведь основное ее природное предназначение заключается в защите интересов народа, нуждающегося в социальной поддержке.

За всю историю своего существования кооперативное движение как в мире, так и в России быстро разрасталось не по указам и приказам соответствующих властей, а самопроизвольно, в силу привлекательности таких изначально присущих кооперативному движению ценностей, как взаимопомощь, демократия, равенство, справедливость².

Участниками Всероссийской конференции «Кооперация России – социально ориентированный сектор экономики страны», которая состоялась 11 декабря 2006 года в Москве, отмечалось, что Россия – страна с сильными кооперативными традициями. В настоящее время она объединяет в той или иной мере 60 миллионов граждан нашей страны, занятых в сельском хозяйстве, в промышленности, торговле, в жилищном строительстве и в других сферах и отраслях. Кооперация вносит свой вклад в создание современной многоукладной экономики России, основанной на понимании и сотрудничестве между людьми на принципах экономической и социальной справедливости, что особенно актуально в период глобализации всех сфер жизни человека³.

Учитывая важность и социальную значимость кооперативного движения, сегодня все больше звучат слова о том, что кооперация в России должна стать третьим сектором экономики страны, способной конкурировать с предпринимательской средой. Для этого у российской кооперации есть все основания. В современной экономике страны кооперативный сектор представляет мощную экономическую силу, способную внести реальный вклад в реализацию приоритетных национальных проектов, обеспечение продовольственной безопасности страны, а в целом и ее национальной безопасности.

Одной из самых старейших кооперативных организаций страны является потребительская кооперация. Вот уже более 185 лет она продолжает занимать особое место в системе российской кооперации. Состоящая из потреби-

---

¹ См.: *Тычинин С.В.* Основы законодательного регулирования потребительской кооперации в России: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. С. 5.

² См.: *Клименко О.И.* Преимущество кооперации и их реализация в конкурентной среде / Самобытность потребительской кооперации: Опыт и проблемы управления: материалы Российской научно-практической конференции (сентябрь 2001 г.). – Белгород: Кооперативное образование, 2001. С. 28.

³ См.: Российская кооперация. 2006. 14 декабря.

тельских обществ и их союзов, она относится к социально ориентированной системе рыночной экономики, и подтверждением этому выступает главная цель – социальная миссия потребительской кооперации – удовлетворение материальных и иных потребностей ее членов»¹.

По статистическим данным, на 2012 год в России функционировало 2762 потребительских общества, в том числе 717 районных, 139 городских, 11 школьных и студенческих, 1895 сельских, которые объединены в 130 районных и окружных потребительских союзов. На базе потребительской кооперации действовало 1184 общества с ограниченной ответственностью. Численность пайщиков составляла 2879,9 тысяч человек².

В современных российских условиях потребительская кооперация – это активный субъект экономической деятельности, который вносит существенный вклад в развитие экономики страны. Она принимает участие в реализации многих национальных проектов, обеспечивает рабочими местами пайщиков, оказывает им медицинские услуги (свои поликлиники, санатории), осуществляет образовательную деятельность (в системе Центросоюза Российской Федерации находятся университеты, институты, колледжи), международное сотрудничество с кооперативными организациями других стран и т.д.

Деятельность потребительской кооперации всегда вызывала и вызывает неподдельный интерес у представителей науки. Проблемам этого вида кооперации посвящены многочисленные научные исследования, в которых в основном освещаются вопросы исторического, социально-экономического и реже правового характера.

Изучение многочисленных источников по уголовному праву дает основания утверждать, что должностные преступления в потребительской кооперации России не подвергались комплексному исследованию, и в этом смысле представленная монография является первой работой, в которой в строгой хронологической последовательности комплексно исследуются проблемные вопросы уголовной ответственности за должностные преступления служащих потребительской кооперации в разные исторические периоды (в дореволюционный, советский и постсоветский).

Следуя логике исследования, автор рассматривает в работе не только уголовно-правовые аспекты квалификации должностных преступлений, совершаемых служащими потребительской кооперации, но и дает характеристику исторических, социально-экономических и правовых условий, в которых осуществлялась деятельность потребительской кооперации в разные исторические периоды.

В представленной работе широко использовались труды известных ученых-теоретиков кооперации: И. Озерова, И.М. Кулишера, А.В. Меркулова, Н.П. Малицкого, В. Зельгейма, А.Н. Анцыферова, Б. Фрометта, М. Слобожанина, А.П. Корелина, Н.Г. Бердического, К.И. Вахитова, Г.Я. Бланка, Я.С. Глики-

---

¹ См.: Потребительская кооперация России: современные тенденции развития и перспективы (отечественный и зарубежный опыт): монография. – Москва: ГНХ ВНИ ИЭСХ, 2013. С. 4.

² См.: Там же. С. 119.

на, А.С. Меркуловой, Л.Е. Файна, Е.Ю. Болотовой, И.А. Корякова, А.П. Макаренко и других.

Проблемы квалификации должностных преступлений, в том числе совершаемых и служащими кооперации, рассматривались в работах известных ученых в области уголовного права В.Н. Ширяева, С.В. Познышева, В.В. Есипова, И.Я. Фойницкого, А. Лохвицкого, Л.С. Белогриц-Котляревского, Н.Н. Полянского, П.П. Пусторослева, И.И. Аносова, Я.Г. Северского, Г.К. Рогинского, М.С. Строговича, Б.С. Утевского, А. Стельмаховича, В.Г. Лебединского, А.Р. Гюнтера, М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина, Б. Змиева, Л.И. Поволотского, М. Кожевникова, Н. Лаговьера, А.Г. Бать, А.А. Иогансена, И.Г. Филановского, А.А. Жижиленко, А. Эстрина, А.А. Герцензона, А. Пионковского, М.Д. Шаргородского, Б.В. Волженкина, С.В. Изосимова и других.

При написании монографии использовалась судебная практика за разные исторические периоды, архивные материалы, а также материалы кооперативной и юридической печати.

ГЛАВА 1.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Возникновение и развитие потребительской кооперации в дореволюционной России

Среди множества политических и общественных организаций кооперация занимает особое место. Пройдя проверку временем, идеи, принципы кооперации нашли свое воплощение в различных политических системах. Рушились государства, создавались новые, менялись экономические связи, а кооперация продолжала существовать, раньше других восстанавливая порванные нити и сплетая их в новую экономическую сеть. Даже в условиях войн и революций, экономического хаоса кооперация не только выживала, но и увеличивала свою притягательную силу. Неслучайно именно в годы кризисов и военных лихолетий отмечался бурный рост и активизация деятельности кооперативных товариществ¹.

Возникновение кооперации в России было обусловлено, прежде всего, тяжелыми экономическими условиями жизни народа. После отмены крепостного права с ростом количества фабрик и заводов увеличивалась и численность рабочего класса. Обнищавшие крестьяне пополняли его ряды. Положение рабочих было крайне тяжелым. Низкая заработная плата часто выдавалась натурой из фабричных лавок, в которых товары были значительно дороже и худшего качества, чем у частных торговцев². Не лучшим образом обстояли дела и у русской интеллигенции. Повышение стоимости жизни в городах и распространение ростовщичества в сельских районах вынуждали ее искать выход из создавшегося положения. В этих тяжелых, непростых условиях взор русского народа был обращен на кооперацию. Не зря же говорят, что кооперация – это «дитя нужды». Поэтому широкие слои народных масс видели именно в ней реальный путь избавления от материальной нужды.

По мнению Е.Ю. Болотовой, кооперация в исследуемый период занимала особое место среди явлений социально-экономической жизни России. На фоне широкого общественного движения она выделялась сочетанием в своей деятельности хозяйственных и общественных функций. Объединяющие к началу 1917 года более 17 млн человек кооперативные организации являлись реальными защитниками интересов наиболее нуждающейся в поддержке части населения. В них видели не только средство смягчения существующих

---

¹ Коновалов И.Н. Правовое регулирование кооперативного движения в дореволюционной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 4. С. 135.

² См.: Меркулова А.С. История потребительской кооперации. – Москва: Экономика, 1970. С. 9-10.

противоречий, сопровождающих развитие рыночной экономики, но и один из путей обновления жизни общества на демократических началах¹.

По поводу даты зарождения потребительской кооперации в кооперативной литературе нет единой точки зрения. Есть исследователи, которые считают, что первым потребительским кооперативом на территории России было основанное в 1813 году в Риге общество взаимной помощи «Возобновленная дружба», имевшее письменный устав². Другие же полагают, что отсчет времени создания потребительских обществ следует вести со 2 марта 1831 года, когда ссыльными декабристами было создано потребительское общество «Большая Артель»³.

Однако в дореволюционной кооперативной литературе высказывались другие суждения. Например, теоретик кооперации И. Озеров связывал время возникновения потребительных обществ⁴ в России с 1865 годом, когда был утвержден устав первого потребительного общества в Риге⁵. С ним был солидарен и И.М. Кулишер.⁶ Другой позиции придерживался А.В. Меркулов. По его утверждению, еще до создания в Риге потребительного общества в 1864 году в Кыновском заводе Пермской губернии возникла достаточно определенная, хотя и не уставная потребительная организация (устав был утвержден спустя шесть лет), она и должна считаться началом нашей потребительной кооперации⁷.

При всех расхождениях во взглядах на время возникновения потребительских обществ началом их массового развития в России считаются 1860–1870 годы⁸. А.В. Меркулов, характеризуя тенденции развития потребительных обществ, отмечал, что быстрыми темпами они стали расти после 1864 года. В 1866 году возникает семь обществ, в 1867 году утверждено 6 уставов, в 1868 году – 23 устава, в 1869 году – 22 устава, в 1870 году – 13 уставов⁹. За-

¹ См.: *Болотова Е.Ю.* «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начала XX в.: монография. – Волгоград: Перемена, 2003. С. 4.

² См.: *Сахарова Д.Б., Котов И.С.* История и теория кооперативного движения: учебное пособие. – Минск: Новое знание, 2005. С. 155.

³ См.: *Теплова Л.Е.* Теория и история потребительской кооперации: учебник для вузов. – Белгород: Кооперативное образование, 2009. С. 41–43; *Коновалов И.Н.* Указ. соч. С. 135–136.

⁴ В этот период потребительские общества назывались потребительными.

⁵ См.: *Озеров И.* Общества потребителей. Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1899. С. 141.

⁶ См.: *Кулишер И.М.* Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. – Санкт-Петербург, 1906. С. 312.

⁷ См.: *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительной кооперации в России. – Иркутск: Сеятель, 1919. С. 10.

⁸ В кооперативной литературе есть и другая точка зрения. В 70-е годы XX в. к истории потребительской кооперации обратилась американская исследовательница К.Л. Салзман, написавшая диссертацию «Потребительские общества и потребительское движение в России (1897–1917)». Так вот она связывает начало массового развития потребительской кооперации с изданием в 1897 году нормального устава потребительских обществ и с созданием в 1898 году МСПО, ставшего идейно-организационным центром движения. Цит. по: *Болотова Е.Ю.* Указ. соч. С. 16.

⁹ См.: *Меркулов А.В.* Указ. соч. С. 38.

тем, по его утверждению, начался период упадка, который длился десятилетие, с 1871 года по 1880 год. Потом наступил период постепенного укрепления и роста потребительной кооперации, продолжавшийся 25 лет, с 1881 года по 1905 год. Наконец, с 1906 года начинается новейший период русской потребительной кооперации, когда она превращается в народное движение¹.

На 1 января 1917 года в России насчитывалось 23 500 кооперативов, из которых 9 000 потребительских обществ. В конце 1917 года численность кооперативов России достигла 25 000, в том числе 11500 потребительских обществ, среди которых преобладали сельские потребительские общества².

Таким образом, численность потребительских кооперативов в России имела тенденцию к росту. В период возникновения потребительские кооперативы делились на две группы: зависимые и независимые. Первые основывали владельцы заводов, они же управляли и финансировали кооперативы. В зависимых кооперативах членство было закрытым. Поэтому полноправными пайщиками были только представители администрации. Пользовавшиеся услугами кооперативов рабочие считались не пайщиками, а заборщиками товаров³.

В таких кооперативах ограничивались права рабочих и служащих. Система расплаты за товары устанавливалась хозяевами и осуществлялась через контору предприятия. Рабочий брал товары в кооперативной лавке, а контора фабрики расплачивалась за него в счет заработной платы, и получалось, что рабочий все равно был всегда в долгу у завода. Если рабочие и служащие меняли место работы, они автоматически исключались из членов кооператива⁴.

Одним из первых зависимых потребительских кооперативов было Кыновское потребительское общество, возникшее в 1864 году в поселке Кын Пермской области. Поселок Кын назывался Кыновским заводом, и все там принадлежало графу Строганову⁵. От него в зависимости и находился потребительский кооператив, поскольку он поддерживал его кредитами. Отсюда и вытекает, что Кыновский кооператив был зависимым и закрытым кооперативом⁶.

По мнению И.А. Корякова, принципы деятельности такого кооператива изначально противоречили самой природе кооперации. Это было зависимое кооперативное товарищество. Зависимость была экономическая. Кооператив пользовался услугами завода: брал кредиты, использовал заводское помещение, транспорт. Поэтому первый председатель был не избран, а назначен в соответствии с Уставом⁷.

---

¹ См.: Меркулова А.С. Указ. соч. С 11.

² См.: Теплова Л.Е. Указ. соч. С. 117.

³ См.: Сахарова Д.Б. Указ. соч. С. 156.

⁴ См.: Меркулова А.С. Указ. соч. С. 11.

⁵ Меркулова А.Е. История потребительской кооперации. – Москва: Экономика, 1970. С. 11.

⁶ См.: Теплова Л.Е. Указ. соч. С. 57.

⁷ См.: Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. – Чита: ЗИП Сибирского университета потребительской кооперации, 1998. С. 105.

Зависимые рабочие кооперативы возникали вместе с развитием промышленности в России. К началу 80-х гг. XIX в. их было всего 5, к концу 1890 года – уже 192¹.

Одним из первых независимых потребительских кооперативов в России был кооператив, организованный в 1864 году в Забайкалье на Петровском заводе декабристами И.И. Горбачевским и его другом кузнецом А.П. Першиным². Кооператив был создан в целях борьбы с местными торговцами, продававшими мясо по высокой цене. Устав общества был принят волостным сходом. На общем собрании избирали правление и ревизионную комиссию.

К ранним независимым рабочим кооперативам в России относится Спасско-Затонское потребительское общество (Казанская губерния). Устав этого общества был утвержден 30 октября 1868 года³.

В России за период с 1864 по 1870 годы появилось 73 независимых рабочих потребительских общества и 63 из них закрылось. Такие же общества создавались и в 90-х гг.⁴

В отличие от зависимых потребительских обществ, независимые были более демократическими. Это была подлинно общественная организация, созданная рабочими в интересах рабочих и интеллигенции⁵.

Наряду с рабочими потребительскими обществами возникали городские всесловные кооперативы. 25 октября 1865 года был утвержден Устав первого Рижского потребительского общества. Инициатором его образования был советник губернского правления и учитель гимназии, а членами – чиновники, служащие, ремесленники⁶. 22 июля 1866 года было создано петербургское общество потребителей «Бережливость», которое действовало на основании утвержденного Устава. Членами его были в основном купцы, священники, генералы, служащие и другие жители города⁷. Позднее к ним стали примыкать все граждане города, поселка и деревни. К концу 1900 года таких кооперативов в России насчитывалось около 180. Эти виды кооперативов были недолговечными. Слабость их деятельности можно объяснить тем, что членами обществ становились не в силу нужды, а по конъюнктурным соображениям⁸. Создавались и развивались потребительские общества и в сельских районах страны. Например, динамику роста числа потребительских кооперативов в сельских районах можно проследить на примере Курской губернии. Она там выглядела следующим образом: 1898 г. – 2 кооператива, 1901 г. – 5, 1902 г. – 10, 1903 г. – 16, 1904 г. – 20, 1905 г. – 34, 1906 г. – 50, 1907 г. – 76, 1908 г. – 96, 1909 г. – 101, 1910 г. – 116, 1911 г. – 127, 1912 г. – 149, 1913 г. – 172. Еще более быстрыми темпами развивалась потребительская кооперация в годы войны, но это был

---

¹ Там же. С. 108.

² См.: Меркулова А.С. Указ. соч. С. 12.

³ См.: Меркулова А.С. Указ. соч. С. 12.

⁴ См.: Коряков И.А. Указ. соч. С. 103.

⁵ Там же. С. 103.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Там же. С. 111.

«ненормальный рост», вызванный дефицитом и дороговизной потребительских товаров. К концу 1917 года общее число сельских потребительских кооперативов возросло в губернии до 1300, а количество пайщиков стало составлять около 350 тысяч¹.

Согласно классификации, предлагаемой Московским союзом потребительских обществ, в начале 90-х годов в Российской империи осуществляли свою деятельность следующие виды потребительских обществ:

- 1) городские всесловные;
- 2) фабрично-заводские;
- 3) железнодорожные;
- 4) сельские;
- 5) рабочие независимые потребительские общества².

Таким образом, к началу первой русской революции потребительская кооперация зародилась среди всех слоев населения. Общая ее сеть составляла примерно 950 обществ, в которых состояло около 350 тысяч членов. В хозяйственном отношении они были еще весьма слабыми. Потребительские общества не имели собственного производства и культурно-просветительных учреждений, занимались только торговой деятельностью. Общества действовали разобщенно, не оказывали поддержки друг другу и в случаях каких-либо неудачных операций гибли³. Но тем не менее, несмотря на сложности, потребительская кооперация росла численно и приобретала опыт на экономическом рынке России. Следует согласиться с мнением Л.Е. Файна, что государство, осуществляя надзорные функции, не преследовало цели экономического удушения кооперации, а носили они в основном политический характер⁴. Потребительская кооперация осуществляла свою деятельность на демократической основе, неукоснительно руководствуясь кооперативными принципами, и в этом была ее сила.

В кооперативных кругах России вынашивалась и зрела мысль о консолидации кооперативных сил, о создании союзов. Ведь было хорошо известно, что в одиночку многие потребительские общества погибали. Необходим был союз потребительских обществ, который выполнял бы «роль организационно-хозяйственного центра потребительской кооперации, ведя по поручению входящих в его состав обществ все операции, предусмотренные уставами, устраивая выставки образцов, коллекции, специальные библиотеки и кабинеты для чтения и т.д.»⁵.

---

¹ См.: *Филлипов О.Ю.* Сельская кооперация Курской губернии в конце XIX – начале XX веков / Методика и опыт изучения сельских поселений Центрального Черноземья. – Москва: Курский педагогический институт, 1990. С. 47.

² См.: *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861-1930. – Иваново: Ивановский гос. университет, 2002. С. 133.

³ Там же. С. 132-133.

⁴ См.: *Файн Л.Е.* Указ. соч. С. 272.

⁵ См.: *Макаренко А.П.* Теория и история кооперативного движения: учебное пособие. – Москва: Маркетинг, 1999. С. 199.

По настоянию кооператоров 16 июня 1898 года Министерством внутренних дел России было утверждено Положение о Московском союзе потребительских обществ (МСПО), состоящее из 4 разделов и 29 параграфов.

Однако не все потребительские общества России предпочли этот союз. Из действовавших к тому времени 307 потребительских обществ только 18 стали учредителями МСПО¹. Постепенно этот кооперативный союз пополнялся новыми потребительскими обществами. К 1904 году он объединял 131 общество (с 65 тысячами членов) из 950 потребительских обществ (с 350 тысячами членов), имевшихся в стране². Конечно, это был небыстрый рост, но тем не менее тенденции к объединению были очевидными, и уже к 1916 году союз объединял 3 012 потребительских обществ. Затем были образованы губернские (областные) и уездные (районные) союзы потребительских обществ. Многие из них стали членами МСПО³.

По инициативе МСПО в 1903 году стал издаваться журнал «Союз потребителей» и ряд других печатных кооперативных изданий. В том же году он вступил в члены Международного кооперативного альянса. Не без его участия создается в 1912 году Московский народный банк, основными акционерами и клиентами которого стали потребительские общества и их союзы.

При Московском городском народном университете имени А. Шанявского открываются трехмесячные курсы, а затем шестимесячные, и через несколько лет – школа для подготовки служащих потребительских обществ. Таким образом, Московский союз потребительских обществ действительно стал центром кооперативного движения в стране. В сентябре 1917 года решением Временного правительства он был преобразован во Всероссийский центральный союз потребительских обществ (Центросоюз России).

Изложенное позволяет заключить, что возникновение потребительных (потребительских) обществ в России стало возможным вследствие сложившихся тяжелых экономических условий жизни народа. Цель создания таких обществ заключалась в удовлетворении материальных потребностей ее членов. Совместными усилиями было легче обеспечить себе нормальное существование. Их поэтому и было много в России, и участие в их деятельности принимали все сословия: интеллигенция, чиновники, офицеры, студенты, рабочие, крестьяне и т.д.

Потребительская кооперация в своем развитии шла от создания отдельных обществ, вначале немногочисленных, к массовому их возникновению. А впоследствии, чувствуя необходимость в объединении, они стали создавать союзы, поскольку так легче было выживать. В конечном счете авторитет и притягательная сила потребительской кооперации настолько возросли, что к концу 1917 года она превратилась в массовое народное движение. Кооперированием были охвачены миллионы российских граждан.

---

¹ См.: *Вахитов К.И.* Теория и практика кооперации: учебник. – Москва: Дашков и К^о, 2010. С. 317.

² Там же. С. 318.

³ См.: *Теплова Л.Е.* Указ. соч. С. 68.

1.2. Правовое регулирование деятельности потребительской кооперации в дореволюционный период

Деятельность потребительских обществ в дореволюционной России строилась на основе Уставов. Это объясняется тем, что в то время не было единого общероссийского кооперативного закона. Поэтому каждый потребительский кооператив принимал свой устав, учитывая западный опыт и общероссийскую кооперативную уставную практику. Вот что по этому поводу писал Н.П. Малицкий: «Наиболее характерным признаком правового положения русской кооперации до революции нужно считать отсутствие какого-либо общего закона о кооперации. Закон не знал кооперации вообще. Он говорил об артелях, кредитных и ссудо-сберегательных товариществах, некоторых других видах кооперативных товариществ, но он не признавал ничего общего за этими организациями. Он стремился регулировать каждый их вид в отдельности, иногда без всякого к тому повода и без системы, а иногда сознательно стремясь путем такого подразделения поставить разные виды кооперативов в различные условия в зависимости от тех мер административного воздействия, которые старая власть считала необходимыми по соображениям полицейского характера»¹.

В стране в исследуемый период существовал концессионный (разрешительный) порядок открытия кооперативов², что, по мнению исследователей, значительно затрудняло образование потребительских обществ.

По выражению Н.П. Малицкого, «основным моментом, характеризующим этот разрешительный или концессионный порядок, являлось право администрации отказать в разрешении не только по основаниям законным, но и по соображениям целесообразности»³.

Вопрос о том, быть или не быть потребительскому обществу зарегистрированным, решался в Министерстве внутренних дел. На основании ст. 433 Устава об общественном призвании потребительные общества относились к категории благотворительных обществ, право утверждения которых принадлежало Министру внутренних дел⁴. Судя по сведениям отделения Министерства внутренних дел, в период с 1865 года до 24 марта 1894 года было утверждено 353 устава⁵.

По утверждению классиков кооперации, такой порядок настолько тормозил открытие новых обществ, что у лиц, желающих открыть общество,

---

¹ См.: Малицкий Н.П. Кооперативное законодательство. – Прага, 1924. С. 24.

² Разрешительный порядок утверждения уставов обществ потребителей существовал до июня 1915 года. После этого постановлением Совета министров был введен явочный порядок учреждения потребительных обществ, возникающих по образцовым уставам (См.: Малицкий Н.П. Указ. соч. С. 29).

³ См.: Малицкий Н.П. Указ. соч. С. 24.

⁴ См.: Кулишер И.М. Указ. соч. С. 317.

⁵ См.: Озеров И. Указ. соч. С. 141.

пропадала всякая охота¹. Нередко вопросы утверждения уставов решались годами². Конечно, такое положение не устраивало кооператоров, и они стали совместными усилиями разрабатывать приемлемый для них нормальный устав потребительского общества и добиваться изменения порядка его утверждения, чтобы облегчить создание новых кооперативов. В 1896 году в Нижнем Новгороде, где ежегодно проводились всероссийские ярмарки, состоялся торгово-промышленный съезд.

На этом съезде была создана комиссия из представителей 28 потребительских обществ и 9 от других видов кооперации, которая разработала проект типового устава потребительского общества и представила его на утверждение в Министерство внутренних дел.

13 мая 1897 года Нормальный устав потребительских обществ был утвержден Министерством внутренних дел России. По сути, этот устав был общекооперативным законом для потребительских обществ. Все уставы, разработанные кооперативами, должны были соответствовать Нормальному уставу потребительских обществ. Отступления от типового устава допускались впредь не иначе как с особого разрешения Министра внутренних дел³. Право разрешать существование тому или иному потребительскому обществу было предоставлено губернатору, который обладал правом и закрывать их. Однако, утверждая устав кооператива, губернатор должен был ставить в известность об этом Министра внутренних дел.

В Нормальном уставе была прописана цель создания потребительских обществ. Общества потребителей (потребительные общества) могли создаваться только с целью доставления своим членам по дешевой цене или по умеренным рыночным ценам различных предметов потребления и домашнего обихода и предоставления своим членам возможности из прибылей от операций общества делать сбережения⁴.

Из сказанного следовало, что основной целью создания потребительских обществ в России было удовлетворение материальных потребностей членов таких обществ. Только в их интересах должна была осуществляться деятельность потребительских кооперативов.

Управление делами общества строилось на демократической основе. Высшим органом управления являлось собрание, на котором избирались: Совет (или наблюдательный комитет) по мере необходимости, члены правления, ревизионная комиссия. Из числа членов правления избирался председатель (управляющий), а также казначей и секретарь. Должности казначея и секретаря могли быть совмещены в одном лице. Правление, в котором каждый его член имел определенные направления деятельности, распоряжалось всеми делами общества и его капиталами. Каждый член общества при вступлении обязательно платил вступительный взнос и пай. Все органы управления об-

---

¹ См.: Кулишер И.М. Указ. соч. С. 317.

² См.: Болотова Е.Ю. Указ. соч. С. 125.

³ См.: Болотова Е.Ю. Указ. соч. С. 126.

⁴ См.: Озеров И. Указ. соч. С. 291.

ществом были подотчетны общему собранию. Ревизионные комиссии осуществляли контроль за финансово-хозяйственной деятельностью.

В основе деятельности потребительских обществ лежали такие принципы, как добровольное и открытое членство, равноправие, демократичность, экономическое участие, самоуправление. Безусловно, принятие Нормального устава способствовало дальнейшему развитию кооперативного движения в России. В кооперативной литературе дореволюционного периода отмечается, что в течение шестилетнего периода со времени введения более упрощенного порядка учреждения потребительских товариществ число утвержденных коопераций этого рода возросло в три раза с 307 до 930¹.

Однако не все теоретики кооперации считали вновь принятый образцовый устав удобным для всех обществ². Во-первых, потребительские общества по-прежнему рассматривались правительством как благотворительные учреждения. Во-вторых, когда возникали проблемы с оборотом капиталов и для их решения требовались отступления от устава, надо было получить на это согласие Министерства внутренних дел, а это могло затянуться на длительное время. В-третьих, не устраивал и разрешительный порядок утверждения уставов. И, в-четвертых, усиливался надзор полиции за деятельностью обществ. Например, в уставе было записано, что губернатор и Министерство внутренних дел могли предложить рассмотреть на собрании потребительного общества и вопросы, являющиеся предметом их интереса. Правление общества перед собранием должно было поставить в известность начальника местной полиции о месте, времени проведения собрания и вопросах, подлежащих рассмотрению на нем³.

Чем же был вызван такой интерес полиции к деятельности потребительских обществ? Прежде всего тем, что правительство опасалось, что потребительские общества, особенно быстро возрастающие количественно рабочие кооперативы, могли выйти из-под контроля и содействовать общественно-политической организации населения, росту оппозиционных настроений. Эти опасения и нашли отражение в Нормальном уставе потребительских обществ⁴.

В жандармском ведомстве велся не только количественный учет потребительских обществ, но и учет каждого члена общества. Показательно в этом плане дело за 1912 год Курского губернского жандармского управления со списками обществ, товариществ и союзов, существовавших в Курской губернии. В деле указывается порядковый номер, место нахождения учреждений, характер деятельности учреждений, сведения о степени политической благонадежности учредителей. Например, в деле есть такая запись: общество по-

---

¹ См.: Кулишер И.М. Указ. соч. С. 318.

² Там же. С. 318-319.

³ См.: Зельгейм В. Организация и практика потребительных обществ в России. – 2-е изд. – Москва: Всероссийский центральный союз потребительных обществ, 1918. С. 22.

⁴ Корелин А.П. Кооперативное законодательство в России и западный опыт // Отечественная история. 1996. № 2. С. 185.

требителей Московско-Киево-Воронежской железной дороги, г. Курск и далее, преследует цели, указанные в уставе¹.

Когда стали разбирать дела бывшего охранного отделения в Москве, то участники были поражены масштабами политического сыска. Общее количество карточек лиц, заподозренных, состоявших под наблюдением, определялись в целый миллион.

При этом было установлено, что все участники, все работники потребительских обществ состояли на учете охраны. В одном из донесений по поводу попытки рабочих создать потребительное общество определенно указывалось, что всех членов необходимо взять под наблюдение, ибо кооперативное движение «является одним из обходных способов использовать легальные возможности»².

Нередко возникали ситуации, когда работники жандармерии бесцеремонно врываются в помещения, где проходили заседания правлений и учиняли обыски в помещении и досмотры в отношении участников.

Так, подверглись аресту члены правления потребительного общества «Труженик» в Иркутске (насчитывающего свыше четырех тысяч членов). На правлении решался вопрос о мясной торговле и видах борьбы с повышенными ценами, установленными местными мясоторговцами. В это время и явились представители жандармерии и городской полиции. Они произвели обыск и просмотр дел правления, а также обыск всех присутствующих. Длившийся в течение шести часов обыск и личное задержание членов правления не дали никаких результатов. Причины обыска сообщены не были. Вмешательство полиции во внутреннюю жизнь кооператива при столь необычных условиях вызвало недоумение среди членов правления³.

В то же время в условиях роста кооперативного движения все настойчивее на повестку дня выдвигался вопрос о создании в стране единого общесоюзного кооперативного закона. Начало этому процессу было положено на Московском кооперативном съезде в 1908 году.

Участники этого съезда категорически отвергли разрешительный порядок учреждения кооперативов и существующие образцовые уставы, которые ограничивали самостоятельность кооперативов. На съезде было принято решение создать рабочую комиссию и приступить к разработке общероссийского кооперативного закона.

Разработанный текст закона рассматривался и дорабатывался на последующих кооперативных съездах в Петербурге в 1912 году и в Киеве в 1913 году. В 1915 году проект закона был внесен в Государственную Думу. Однако власти всячески противились его принятию, поскольку боялись развития кооперативного движения в стране.

---

¹ См.: Фонд Курского Губернского жандармского управления / ГАКО. Ф. 1642. ОП. I. Д. 634. Л. 9.

² См.: Кооперативное дело под охранным надзором // Союз потребителей. 1917. № 9-10. С. 7-8.

³ См.: Раздел: Кооперация и администрация // Кооперативная жизнь. 1916. № 20. С. 946.

По этому поводу известный теоретик кооперации А.Н. Анцыферов писал: «Старый режим боялся, и со своей точки зрения вполне основательно, развития свободной кооперации. Поэтому кооперативное движение с самого начала было взято под подозрение и под опеку; поэтому его единое русло было искусственно разделено на отдельные, слабые ручейки, протекавшие в пределах владений разных «ведомств»; поэтому оно нормировалось различными законами и административными распоряжениями; поэтому старая власть до конца противилась изданию единого кооперативного закона»¹.

И пока шел процесс рассмотрения кооперативного закона, правительство в спешном порядке разрабатывало «сепаратные законы для потребительской кооперации и трудовых артелей с целью превратить их (наподобие кредитных кооперативов) в опекаемые товарищества, т.е. субсидированные, а значит, и контролируемые не только в сфере расходования выдаваемых по решению правительства денежных средств, но фактически и во всей деятельности кооперативов данных видов»².

Но все попытки склонить кооператоров к принятию этих законов оказались неудачными. Представители потребительских обществ и трудовых артелей, с которыми правительство вело переговоры, не желали иметь законы, направленные на лишение их самостоятельности.

В конечном счете правительство после Февральской революции вынуждено было пойти на уступки кооперативной общественности, и 20 марта 1917 года Закон о кооперации, получивший официальное название «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», был принят. Позднее, 21 июня 1917 года, Временным правительством был принят Закон «О регистрации товариществ, обществ и союзов», и 1 августа 1917 года – Закон «О съездах представителей кооперативных учреждений»³.

Новый общекооперативный закон призван был регулировать деятельность всех видов кооперации, но при этом «не стесняя их свободы излишними формальностями»⁴. Кооператоры добились явочного порядка открытия кооперативных товариществ, права объединяться в союзы, права на осуществление широкой культурно-просветительной работы.

Цель деятельности кооперативных товариществ заключалась в «содействии материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов»⁵. В том и проявлялась уникальность кооперации, что в основу деятельности был положен принцип обеспечения благосостояния своих членов, а не получение прибыли. Этими целями сегодня следует и современная потребительская кооперация России. По большому счету это ее при-

¹ См.: *Анцыферов А.Н.* Новый кооперативный закон и ближайшие задачи русской кооперации. – Москва: Народная свобода, 1917. С. 3.

² См.: *Кулаков В.В.* Закон 20 марта 1917 г. «О кооперации» и его место в истории кооперативного права в России // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 125.

³ См.: Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. – Москва, 1917.

⁴ См.: *Кулаков В.В.* Указ. соч. С. 129.

⁵ Сборник Постановлений Временного Правительства по кооперации. С. 3.

родное свойство, ибо она родилась для этих целей, и любое вольное изменение ее истинной природы приведет к ее гибели.

По новому закону исключалась возможность закрытия того или иного кооператива решением администрации власти или даже суда. Поэтому следует согласиться с мнением В.В. Кулакова, что «Закон о кооперации 1917 года стал важным правовым средством защиты кооперативного движения от административного произвола. Он обеспечил право на свободное открытие и независимое существование кооперативов, стал (хотя и не в полной мере) юридическим мерилom подлинной кооперативности того или иного товарищества, гарантировал главные начала кооперации – самостоятельность, самоуправление, самопомощь и самоответственность»¹.

Законом отменялись образцовые уставы, и кооперативы могли осуществлять свою деятельность на основе разработанных примерных уставов. Кооперативные товарищества получали право создаваться либо на основании устава, либо договора. В первом случае со дня внесения их в реестр они признавались юридическими лицами, во втором случае это исключалось. В Законе были прописаны и другие прогрессивные положения, способствующие развитию кооперативного движения. В кооперативной литературе отмечается, что при разработке и принятии кооперативного закона в основном учитывался опыт и интересы потребительской кооперации, поскольку она была одной из ведущих в стране². Безусловно, потребительская кооперация в своем развитии превзошла все другие виды кооперации, она стала самой востребованной среди населения России, и, как уже ранее отмечалось, действительно превратилась в народное движение. Отсюда и был востребован ее опыт, и учтены были ее интересы. Однако кооператорам так и не пришлось строить свою деятельность по новому кооперативному закону. Октябрьские события 1917 года кардинальным образом изменили общественно-политический строй России. На смену капитализму пришел социализм. Большевики, пришедшие к власти, стали рассматривать кооперативный аппарат как один из органов советской власти, и кооперация на долгие годы была лишена свободы и независимости.

Таким образом, потребительские общества в России были разобщены, у них не было единой правовой основы. Каждое общество разрабатывало свой Устав, учитывая при этом кооперативную уставную практику, как российскую, так и западных стран.

Долгое время в России существовал разрешительный порядок открытия кооперативов, что существенно затрудняло их образование. Бюрократический подход к решению вопросов, касающихся интересов кооперации, нередко на долгие годы затягивал процесс открытия кооперативов. И только с принятием Нормального устава потребительских обществ ситуация несколько улучшилась.

---

¹ См.: Кулаков В.В. Указ. соч. С. 129.

² Там же. С. 129.

По своей природе потребительские общества относились к частным организациям и в своей деятельности руководствовались частными интересами, интересами объединяемых ими лиц. Однако эти интересы органически вписывались и в интересы государства, так как эти общества вносили свой вклад в улучшение материального благосостояния определенной части российского общества, а в целом и в развитие экономики страны. Но тем не менее правительство необоснованно, на наш взгляд, относило потребительские кооперативы к благотворительным учреждениям. Такой статус этих обществ во многом ограничивал их возможности в правовой защите своих интересов, в том числе и в уголовно-правовой сфере, и в частности от различных злоупотреблений своих же служащих.

ГЛАВА 2.

РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СЛУЖЕБНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

2.1. Понятие должностного лица и служащего в уголовном законодательстве и в теории уголовного права России во второй половине XIX – начале XX века

Уголовно-правовое регулирование служебных отношений в Российской империи второй половины XIX – начала XX века осуществлялось на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1866 и 1885 гг.)¹.

В разделе пятом, который носил название «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной», устанавливалась ответственность за должностные преступления и проступки. Однако, устанавливая ответственность за преступления по службе, законодатель не определился в законе с понятием должностного лица. Между тем, как отмечается в юридической литературе, в теории дореволюционного уголовного права и практике его применения считалось, что субъектом преступлений, предусмотренных в разделе V Уложения о наказаниях, являлось должностное лицо². В самом же законе должностное лицо именовалось другими терминами. По этому поводу автор фундаментальной работы, посвященной исследованию должностных преступлений, В.Н. Ширяев писал, что «Уложение о наказаниях, чуждое вообще каких-либо теоретических определений, не знает и определения должностного лица; мало того, оно не имеет даже определенного термина и пользуется наименованиями самыми разнообразными для определения виновников должностных преступлений; число этих наименований достигает нескольких десятков. Наиболее часто для определения субъекта преступления закон говорит о «виновном», затем довольно часто закон употребляет выражение «должностное лицо». Этот термин заменяется и ставится иногда рядом с выражением «чиновник» (ст. 338-340, 343); другими более общими терминами, употребляемыми сравнительно реже, являются: «лицо, состоящее на службе государственной или общественной» (ст. 346, 372, 392), «вообще состоящее на службе» (ст. 354) и т.п.»³. Это означало, что законодатель «пошел

---

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / изд. Н.С. Таганцев. – 15-изд. – Санкт-Петербург, 1910. – 910 с.

² См.: Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – Москва: Юрид. лит., 1988. С. 364.

³ См.: Ширяев В.Н. Взяточничество и лиходейство в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование. – Ярославль – Москва: Тип. Губ. прав. 1916. С. 211-212; Он же. Субъект должностных преступлений. – Ярославль – Москва: Тип. Губ. прав., 1913. С. 27-28.

не по пути поиска общих юридических признаков различных субъектов, ка- раемых за преступления по должности (в том числе и взяточничество), и четко- го определения круга лиц, поддерживающих и охраняющих государственные и общественные интересы (а значит, отделения от них лиц, охраняющих и поддерживающих частные или частно-общественные интересы), а по пути, казалось бы, наименьшего сопротивления, путем построения в Уложении о наказаниях максимально возможного числа норм, предусматривающих ответ- ственность за преступления по должности, с выделением в тексте статьи в каждом случае определенного субъекта»¹.

Отсутствие в законе легального определения должностного лица созда- вало определенные проблемы для правоприменительной практики в аспекте квалификации преступлений, совершаемых по службе, а теоретики уголовно- го права, учитывая несовершенство в этой части уголовного законодательст- ва, предлагали различные формулы его дефиниции. Безусловно, они учиты- вали теоретические разработки по этому вопросу и сложившуюся судебную практику.

Так, В.Н. Ширяев, исходя из анализа действующего уголовного зако- нодательства и практики его применения, обращает внимание, что «должно- стным лицом – чиновником является не только человек, занимающий долж- ность государственной службы, но также и лицо, «служащее по определению от правительства», независимо от занятия какой-либо должности. Наиболее характерным моментом для понятия чиновника наше право признает, следо- вательно, состояние на государственной службе; свойство служебных обя- занностей и срок службы, условия вознаграждения не имеют решающего зна- чения»². В данном случае необходимым признаком должностного лица сле- довало считать, по его мнению, нахождение чиновника на государственной службе независимо от характера и объема служебных обязанностей.

С.В. Познышев утверждал, что должностные преступления могли быть совершены только должностными лицами, и полагал считать таковыми, тех лиц, которые по приказу или назначению компетентного органа государст- венной власти исполняют какие-либо обязанности, а также обязанности, оп- ределяемые законом, либо согласно закону, либо уставом³. К должностным лицам, по его мнению, могли быть приравнены в определенных случаях ди- ректора и члены правления частных кредитных установлений, железнодо- рожные агенты и вообще лица, от исполнения обязанностей которых зависела безопасность мореплавания, судоходства или железнодорожного движения, а также и другие лица⁴.

---

¹ См.: Полосин Н.В. Уголовно-правовая характеристика коммерческого подкупа: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2000. С. 30.

² См.: Ширяев В.Н. Указ. соч. С. 211.

³ См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права / Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1909. С. 473-474.

⁴ Там же. С. 474.

В.В. Есипов считал, что в отсутствие в Уложении о наказании легального определения понятия «должностного лица» при уголовно-правовой оценке действий служащего, главным образом следует исследовать существо его служебных прав и обязанностей и существо самого нарушения. Поэтому, – писал он – в законе должно быть обращено внимание не на именование виновного лица, а на служебный характер его проступка, что выражается в нарушении различных специальных прав и обязанностей, указанных в надлежащих уставах и учреждениях¹.

Таким образом, в данном случае акцент делался на содержании и объеме служебных полномочий того или иного служащего, наделенного ими в силу закона.

Следует отметить, что в Уложении о наказании отсутствовало не только определение должностного лица, но и определение служащего. И зачастую теоретики уголовного права не могли провести четкой границы между двумя этими понятиями.

Например, И.Я. Фойницкий предлагал в качестве субъекта преступлений по службе государственной и общественной рассматривать либо должностное лицо, либо лицо, состоящее на службе. Он писал следующее: «Лицом должностным или состоящим на службе признается всякое лицо, исполняющее или долженствующее исполнять обязанности по службе государственной или общественной (или в частных банках) в силу законно возложенного на него поручения. При этом безразлично, присваивается ли данной службе какой-нибудь чин или право на чинопроизводство или же нет. Безразлично также, соединяется ли исполняемая виновным служба с занятием должности или нет: субъектом должностного преступления могут быть как лица, занимающие определенную должность, так и лица, служащие по вольному найму. Не имеет значения и ранг занимаемой должности»².

Под общественной службой автор понимал службу в сословных, земских, городских или волостных установлениях по определению правительства или по выборам на таких постах, которые учреждены законом в значении должностей³.

Аналогичное определение общественной службе давал и С.В. Познышев. Кроме того, он, как и И.Я. Фойницкий, отмечал, что к государственной и общественной службе в определенных случаях приравнивалась служба в общественных и частных банках, то есть в учреждениях долгосрочного или краткосрочного кредита⁴.

По мнению А. Лохвицкого, под лицом, находящимся на общественной службе, следовало понимать такое лицо, должность которого устанавливалась

---

¹ См.: *Есипов В.В.* Уголовное право. Часть особенная. Книга первая. Преступления против государства и общества. – 2-е изд., переизд. и доп. – Москва: Правоведение, 1906. С. 85.

² См.: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. – 6-е изд. – Санкт-Петербург, 1912. С. 314.

³ См.: *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 314.

⁴ См.: *Познышев С.В.* Указ. соч. С. 181.

законом, хотя и замещалась по выбору. К существенному признаку, характеризующему лицо, состоящее на службе, он относил принятие им присяги¹. По его утверждению, лица, не приведенные к присяге, не могли быть на службе правительства, и это исключало возможность привлечения их к уголовной ответственности за взяточничество².

Однако, позиция А. Лохвицкого не нашла поддержки среди представителей дореволюционной науки уголовного права. Например, Н.С. Таганцев писал: «Непринятие присяги есть только несоблюдение форм и обрядов, установленных для вступления в должность, а посему и невыполнение присяги не делает служащего частным человеком»³.

При определении субъекта взяточничества А. Лохвицкий не употребляет термина «должностное лицо», а говорит, что таковым должно быть лицо, состоящее на государственной или общественной службе⁴.

Л.С. Белогриц-Котляревский, исследуя в своих работах состав должностного присвоения чужого имущества, отмечал, что «это преступление совершается по службе и выражается в противозаконном обращении в свою собственность должностным лицом вверенного ему по службе чужого имущества»⁵. Сущность этого вида деяния заключалась в особенностях субъекта. «Субъектом, – писал он, – должно быть лицо, состоящее на службе государственной или общественной; этой последней называется служба в земских или сословных, не исключая и волостных, учреждениях по назначению правительства или по выборам, безразлично – штатная или по вольному найму; к ней приравняется служба в общественных и даже частных банках, т.е. в учреждениях кредита (ст. 1153-1154). Лиц, состоящих на службе, не следует смешивать с теми, которые только исполняют поручения общественных учреждений, например, комиссионеры банков, подрядчики присутственных мест»⁶.

Известно, что в период действия Уложения о наказаниях велась большая работа по совершенствованию уголовного законодательства, а по большому счету по созданию нового уголовного закона. В этой связи представляют интерес замечания на проект Особенной части Уголовного уложения, сделанные Редакционным комитетом Уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества по разделу «Злоупотребления общественной и государственной службой». Одно из замечаний относилось к понятию службы и служащего. Авторами констатировалось, что «понятие службы неразрывно связано с понятием служащего. Как уполномочие на деятельность из-

---

¹ См.: *Лохвицкий А.* Курс русского уголовного права. – Санкт-Петербург: Изд. журнала Министерства юстиции, 1867. С. 406.

² Там же. С. 406.

³ См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. – Санкт-Петербург, 1904. С. 967.

⁴ См.: *Лохвицкий А.* Указ. соч. С. 407.

⁵ См.: *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. – Петербург – Харьков, 1903. С. 444.

⁶ Там же. С. 444.

вестного рода, служба необходимо предполагает лицо, снабженное полномочиями на эту деятельность. Для лица, неуполномоченного на деятельность в порядке государственного управления, нет государственной службы, и употребить во зло полномочия, которыми оно не снабжено, такое лицо, очевидно, не может»¹.

И далее следовало, что существенным признаком служебных преступлений остается все-таки субъект — «это лицо, уполномоченное на деятельность в порядке государственного управления; нет такого лица — нет и злоупотребления службой, подобно тому, как нет военнотружущего — нет и воинского преступления»².

Заслуживали, на наш взгляд, внимания и рекомендации по переименованию служебных преступлений. По мнению авторов, именовать их следовало бы не служебными, а должностными, поскольку понятия эти существенно различаются. Не всякий служащий мог занимать должность, должность можно было выполнять и, не состоя на службе, а по найму или даже как повинность³. Это предложение, на наш взгляд, является актуальным и сегодня. До настоящего времени в доктрине российского уголовного права не существует приемлемого определения как в отношении понятия должностного лица, так и в наименовании преступлений, совершаемых по службе. Одни авторы называют их, как прежде, должностными, другие — служебными, тем самым все больше «размывая» сущность и значение этих понятий. Но время настоятельно требует разработки более четких критериев, которые позволяли бы из общей массы чиновников выделять тех лиц, которые занимают особое положение по отношению как к государству, так и к его гражданам, то есть должностных лиц.

Таким образом, анализ различных точек зрения дореволюционных юристов показывает, что они расходились во взглядах по вопросу дефиниции должностного лица и его признаков. Одни полагали, что основным моментом следовало считать нахождение виновного лица на государственной или общественной службе, другие же, кроме этого, считали необходимым в каждой конкретной ситуации рассматривать круг служебных обязанностей (полномочий), предоставленных по службе. Но в любом случае субъектом служебных преступлений могли быть только служащие, находящиеся на государственной или общественной службе. Что касается общественной службы, то здесь вполне все было очевидно. Ученые-юристы в своих работах были солидарны в определении общественной службы, ее основных видов.

---

¹ См.: Замечания Редакционного комитета Уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на Проект особенной части Уголовного уложения. Злоупотребления государственной и общественной службой. — Санкт-Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1893. С. 52.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 49-50.

Служба в порядке государственного управления в широком смысле включала в себя законодательную, исполнительную и судебную деятельность¹.

Высшая законодательная власть принадлежала императору, совещательным органам, при котором был Государственный Совет. Его члены назначались царем. Высшей судебной инстанцией был Сенат, обладавший также правом толковать законы. Исполнительная власть была сосредоточена в одиннадцати министерствах и координировалась Комитетом министров. На местном уровне власть находилась в руках генерал-губернаторов, назначаемых из центра правительством. Большое количество чиновников в центре и на местах значительно усложняло управление огромной империей². Таким образом, весьма многочисленный отряд чиновников находился в России на государственной службе.

В юридической литературе отмечалось, что «правильная работа органов государства могла быть достигнута главным образом усиленной борьбой со служебной преступностью»³. Между тем в России начиная с 1909 года наблюдались тенденции ее роста. Так, С.С. Остроумов отмечал, что подкупы, взятки, ложные доносы, биржевые аферы должностных лиц, показывающие нравственный облик значительного числа «крупных и мелких» служащих в государственных и частных учреждениях, убедительно подтверждаются ростом служебных преступлений – с 13461 (1909 год) до 14501 уголовного дела (1913 год)⁴.

Очевидно, что причины преступности кроились не только в социальных и экономических условиях жизни народа, но и в какой-то степени в несовершенстве уголовного законодательства, в том числе и в борьбе со служебными преступлениями.

Отсутствие легального определения должностного лица в действующем уголовном законодательстве, наличие множества наименований субъектов преступлений по службе вели к тому, что понятие «должностное лицо» в теории уголовного права и судебной практике трактовалось весьма широко, что значительно затрудняло борьбу с должностными преступлениями. По выражению В.Н. Ширяева, «круг виновников должностных преступлений в настоящее время значительно разросся, выйдя далеко за пределы понятия должностного лица»⁵... С точки зрения нашего законодательства и судебной практики возможными субъектами должностных преступлений являются или

---

¹ См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. – Москва: Юрист, 2000. С. 15.

² См.: Щенетев В.И. История государственного управления в России: учебник. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. С. 307.

³ См.: Эстрин А.Я. Взятничество в доктрине и законодательстве / Труды кружка уголовного права при Санкт-Петербургском университете / под ред. М.М. Исаева. – Санкт-Петербург, 1913. С. 154.

⁴ См.: Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – Москва: Московский университет, 1960. С. 174.

⁵ См.: Ширяев В.Н. Указ. соч. С. 212.

специально указанные в самом тексте закона должностные лица, или лица, приравняемые должностными в силу характера отправляемых ими обязанностей»¹.

Последнее вело к тому, что при привлечении к уголовной ответственности за преступление по службе «не имело значения, состояло ли данное лицо на службе в государственном аппарате или в органах сословного, а в последствии земского или городского самоуправления. К числу должностных лиц относились как штатные, так и внештатные сотрудники, как получавшие, так и не получавшие вознаграждение за служебную деятельность, как чиновники, так и канцелярские служащие (писцы, сторожа, курьеры и т.п.)², занимающие должности как по назначению, так и по найму»³. Таким образом, несовершенство уголовного законодательства создавало широкие возможности для расширительного толкования понятия должностного лица.

В Уголовном уложении 1903 года (так и не вступившего полностью в действие) законодатель предпринял попытку дать общее понятие служащего, и на этой основе сгруппировать преступления по службе в главе тридцать седьмой «О преступных действиях по службе государственной и общественной»⁴.

В статье 636 Уголовного уложения 1903 года было сформулировано понятие служащего. Оно было следующего содержания: «служащим почитается всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица или полицейского, или иного стража или служителя, или лица, сельского или мещанского управления»⁵. Как утверждалось в уголовно-правовой литературе, «в основу понятия «служащего» было положено исключительно юридическое свойство правомочий виновного: если деятельность лица получала инвеституру от верховной власти или от установленных органов государственного или общественного управления и составляла участие в государствен-

---

¹ Там же. С. 219.

² Волостной писарь был признан виновным в совершении преступления по службе и привлечен к уголовной ответственности как должностное лицо за присвоение суммы страхового сбора. См.: *Белецкий В.П.* Сборник обвинительных пунктов по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных. 1885. — Житомир: Типография Дененмана, 1909. С. 59-60; Сельский староста И. был привлечен к ответственности как должностное лицо за растрату 25 рублей общественных денег; за преступление по должности был привлечен к уголовной ответственности волостной старшина крестьянин К. См.: Систематический сборник решений Правительствующего сената по вопросам об ответственности должностных лиц административного ведомства за преступления по должности (1868-1896 г.) / сост. В.И. Тимофеевский и С.П. Кузнецов. — Санкт-Петербург: Типография Правительствующего сената, 1896. С. 614-615.

³ См.: Российское законодательство X-XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века С. 364.

⁴ См.: *Маргулис М.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с постатейными выдержками из объяснительной записки и журналу Гос. Совета с подробными предметным и сравнительным указателями. — Санкт-Петербург, 1904.

⁵ См.: *Маргулис М.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С. 299.

ном управлении в обширном смысле этого слова, то и само отбывающее ее лицо должно было признаваемо органом власти, безразлично, принята ли она им на себя добровольно, или в смысле служебной повинности»¹. В приведенном определении законодатель так и не ответил на вопрос, что же следует понимать конкретно под должностным лицом. Оно было непоследовательным по содержанию и противоречивым по смыслу. И поэтому создавало широкий простор для расширительного толкования понятия субъекта должностных преступлений. Эта законодательная новелла была подвергнута критике со стороны теоретиков уголовного права.

Так, С.В. Познышев писал, что «определение это, с логической стороны, вряд ли выдержит критику, так как определяет служащего как должностное лицо, значит, вводит в определение под другим названием то же понятие. А говорить альтернативно о должностном лице или о полицейском страже — значит вызывать справедливый упрек: что же, разве чины полицейской стражи не должностные лица? Их положение на лестнице служебной иерархии невысоко, но они все же должностные лица»². Критически оценил он и попытки разработчиков этого положения дать разъяснения по более точному определению должностного лица³.

Между тем при подготовке Уголовного уложения 1903 года на страницах печати, в специальных пояснительных записках и других печатных изданиях ученые-юристы высказывали небезынтересные предложения по совершенствованию законодательства в аспекте борьбы с должностными преступлениями. Однако, как видно, они не нашли отражения в Уголовном уложении, что, разумеется, отразилось и на качестве этого законодательного акта.

Таким образом, поиск дореволюционными учеными наиболее оптимальной формулы должностного лица к успеху так и не привел. К тому же, по мнению некоторых из них, это было трудновыполнимой задачей, поскольку «понятия о государственной должности и должностном лице тесно связаны были со всем государственным укладом и подвержены изменениям в зависимости от политических и экономических условий социальной жизни, и потому трудно поддавались теоретическим обобщениям»⁴.

С тех пор прошло много лет, но до настоящего времени в доктрине уголовного права и в законодательстве нет определенности в отношении понятия должностного лица, признаки же, его определяющие, носят оценочный характер, что, собственно, и создает проблемы в квалификации должностных преступлений.

Таким образом, можно сделать вывод, что уголовным законодательством дореволюционной России предусматривалась ответственность за престу-

---

¹ Там же. С. 300.

² См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 474.

³ См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 474.

⁴ См.: Взяточничество и лиходейство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. С. 224.

пления по службе государственной или общественной, однако в этой части оно было небезупречно.

Это заключалось в том, что в действующем Уложении о наказаниях отсутствовало легальное определение понятия должностного лица, что негативно сказывалось и на судебной практике, которая шла по пути расширительного толкования субъекта должностных преступлений. И поэтому нередко статус должностного лица приобретали лица, не имеющие отношения ни к государственной службе, ни к общественной.

Существенно затрудняло квалификацию преступлений, совершаемых по должности, и то обстоятельство, что фактически была размыта грань между понятиями «должностное лицо» и «служащий». В теории и практике их зачастую отождествляли.

В Уголовном уложении 1903 года проблему определения лиц, которые могли бы иметь статус должностного лица, законодатель так и не решил, хотя некоторые положительные тенденции в этом вопросе и обозначил.

2.2. Уголовная ответственность служащих потребительской кооперации по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовному уложению 1903 года

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX века развивался не только государственный сектор экономики, но и частный. В этот период на экономическом рынке активно функционировали кредитные (общественные и частные банки), страховые компании (например, общество взаимного страхования), акционерные компании (товарищества на паях), товарищества (полное), товарищества (на вере), различные торговые организации и ряд других субъектов хозяйственной деятельности.

Активными участниками рыночных отношений были кооперативы. Особо следует выделить потребительские общества, затем кредитную кооперацию, производственную, домостроительные товарищества, сельскохозяйственные общества и ряд других кооперативов. По числу кооперативов и членов в них Россия в исследуемый период занимала первое место в мире. В канун 1917 года количество кооперативов всех типов приближалось к 50 000 (около 25 000 потребительских обществ, 16 500 кредитных кооперативов, 6 000 сельскохозяйственных обществ, 2 400 сельскохозяйственных товариществ, 3 000 маслодельных артелей, 1 500 – 2 000 артелей производящих и кустарно-хозяйственных). В них состояло около 14 миллионов человек. Небывальными темпами росли сельскохозяйственные кооперативы¹.

Появление на капиталистическом рынке России многочисленных организаций, относящихся к негосударственному сектору экономики, в каждой из которых имелся свой управленческий аппарат со служащими, повлекло за со-

---

¹ См.: *Елютин О.* Кооперация в России – невостребованный опыт // Наука и жизнь. 2003. № 5. С. 60.

бой проблемы уголовно-правовой оценки действий этих служащих, при совершении ими различного рода злоупотреблений по службе.

Суть этой проблемы заключалась в том, что понятие «должностное лицо», трактуемое широко в теории и практике, применялось только к тем служащим, которые исполняли свои служебные обязанности на государственной или общественной службе, и не распространялось (за некоторым исключением¹) на руководителей и служащих, осуществляющих свои служебные функции в аппарате управления предприятий и организаций частного сектора экономики. Поэтому отсутствие в теории уголовного права и судебной практике единообразного понимания термина «должностное лицо» порождало проблемы в квалификации должностных преступлений, так как во многих случаях было трудно определить, где публичное должностное лицо, а где частное.

В уголовно-правовой литературе обращалось внимание, что служащие частных учреждений не могли относиться к понятию «служащий», даже если они совершали какие-либо действия для государства или общества, поскольку их деятельность осуществлялась не в порядке управления, а в связи с выполнением частных поручений собственников, или представителей, или контрагентов². Поэтому считалось, что лица, занимающие должности в частных обществах, выполняли возложенные на них обязанности в интересах данных обществ и совершенные ими при исполнении этих обязанностей противозаконные деяния не могли отождествляться с преступлениями по службе государственной или общественной³.

Действительно, взять, к примеру, потребительские общества, они в исследуемый период создавались только с одной целью – с целью удовлетворения материальных потребностей членов этих обществ. Как отмечал Л.Е. Файн, «наиболее массовая ветвь кооперативного движения – потребительская кооперация (11,5 млн членов) – была и наиболее разношерстной в социальном отношении, объединяла представителей практически все классов и групп, видевших целесообразность удовлетворения своих потребительских нужд через кооперацию»⁴. Служащие потребительских обществ являлись субъектами чисто правовых отношений и не могли по своей природе быть приравнены к служащим, находящимся на государственной или общественной службе. Но вместе с тем эти общества также нуждались в уголовно-правовой защите своих служебных интересов от различного рода злоупотреблений со стороны руководителей и служащих этих обществ.

---

¹ Как ранее уже отмечалось, к службе государственной и общественной приравнивалась служба в общественных и частных банках, т.е. в учреждениях кредита (ст. 1153-1154 Уложения о наказании). В судебной практике к должностным лицам, состоящим на государственной службе, приравнивались писари, помощники сельских старост, служащие на казенных железных дорогах, вольнопрактикующие врачи, нотариусы, лесные сторожа, и круг таких лиц был весьма широким. См.: *Ширяев В.Н.* Указ. соч. С. 215-216.

² См.: *Маргулис М.С.* Указ. соч. С. 300.

³ См.: *Полосин Н.В.* Указ. соч. С. 35.

⁴ См.: *Файн Л.Е.* Указ. соч. С. 224.

Поэтому на втором кооперативном съезде в Киеве в 1913 году кооператоры заявили, что действующее уголовное законодательство страдает пробелами, вследствие которых некоторые злоупотребления должностных лиц кооперативов остаются безнаказанными. В целях определения уголовной ответственности за эти преступления съезд принял решение поручить разработать этот вопрос комитетам содействия кооперации¹ и внести свои предложения для рассмотрения. Однако эта проблема в действующем уголовном законе так и не была решена. Руководители и служащие потребительских обществ привлекались к уголовной ответственности не за преступления по должности, а за общие преступления: присвоение или растрату вверенного имущества, мошенничество и ряд других. Анализ дореволюционной кооперативной литературы показывает, что среди преступлений, совершаемых служащими потребительских обществ, чаще всего совершались растраты. Так, ряд пермских кооперативов погиб из-за растрат служащих². Теоретик кооперации М. Слобожанин, характеризуя состояние дел в потребительском обществе «Трудовой союз», отмечал, что «служащие его оказались не на высоте своего положения. Ими практиковались не только мелкие злоупотребления, но и довольно крупные хищения»³.

В некоторых потребительских обществах велась буквально борьба между отдельными группами за влияние и контроль над правлением и кооперативом в целом. В результате этой борьбы в руководстве обществами нередко оказывались люди, которые использовали служебное положение в своих корыстных целях. Именно по этой причине пострадало Рыльское общество Курской губернии. В 1902 году у них в магазине была обнаружена недостача товаров на сумму, превышающую 1,3 тысячи рублей. Вся финансовая отчетность оказалась запущенной⁴.

Руководители потребительских обществ, виновные в присвоении или растрате вверенного им имущества, привлекались к уголовной ответственности не за должностное присвоение, а на общих основаниях как частные лица по ст. 1681 Уложения о наказаниях.

Кооператоры были заинтересованы в том, чтобы члены общества, признанные виновными в присвоении или растрате кооперативного имущества, возмещали ущерб в полном объеме до вынесения приговора судом. Однако для привлечения к уголовной ответственности за легкое присвоение вверенного имущества (ч. 2 ст. 1681 Уложения о наказаниях) требовалось устано-

---

¹ См.: Всероссийский съезд по кооперации (2; 1913; Киев). Постановления, принятые Всероссийским съездом по кооперации в г. Киеве, с 1-го по 7-е августа 1913 г. – Киев: Тип. 2-й Артели, 1913. С. 9-10.

² См.: *Фрометт Б.* Служащие в потребительных обществах / Вестник кооперации. Книга третья. – Санкт-Петербург, 1911. С. 24.

³ См.: *Слобожанин М.* Смотр кооперативным силам. По печатным материалам и личным впечатлениям на 1-м Всероссийском съезде кооперативов. – Санкт-Петербург, 1909. С. 42.

⁴ См.: *Черников О.А.* Из истории Рыльского общества потребителей (1895-1919 гг.) / Курский Край в истории Отечества: материалы научно-практической конференции, посвященной 225-летию образования Курской губернии и 70-летию образования Курской области. Курск, 14 мая 2004 г. – Курск: МУИЦ ЮМЭКС, 2004. Ч. 1. С. 102.

вить два признака в совокупности: 1) чтобы имело место легкомыслие рас-
траты и 2) чтобы виновный сделал добровольное заявление о принятии на се-
бя обязательства вознаградить потерпевшего.

Такая редакция этой статьи, по мнению Н.Н. Полянского, не отвечала
интересам кооператоров, поскольку принятие обязательства возместить
ущерб еще не означало его действительного возмещения, но тем не менее с
момента такого заявления виновный уже заслуживал снисхождения¹. Безус-
ловно, такое законодательное положение противоречило интересам потреби-
тельских обществ, поскольку они прежде всего были заинтересованы не в
«обещаниях», а в действительном, полном возмещении ущерба. Поэтому
Н.Н. Полянский предлагал изменить редакцию этой статьи и включить туда
положения, при которых виновный был бы обязан еще до вынесения приго-
вора добровольно возратить присвоенное или иным способом удовлетворить
интересы потерпевшего. Это, по его убеждению, в полной бы мере соответст-
вовало и интересам кооперации².

Поскольку кооператоры ставили вопрос о необходимости дополнения
уголовного законодательства нормами об ответственности должностных лиц
кооперативов, то следовало бы определиться в отношении круга таких лиц в
потребительском обществе, кто среди его служащих мог обладать статусом
должностного лица и кто вообще считался служащим кооператива.

К служащим потребительских обществ относились прежде всего выбор-
ные работники, например, председатели правлений и ревизионных комиссий,
наблюдательных советов. Численность правлений и ревизионных комиссий за-
висела от количества лиц, состоящих в обществах. В небольших обществах
правление состояло из 3-4 человек, в средних – до 5, и в крупных численность
правлений могла достигать и 30 человек. В последних создавались даже комис-
сии по различным направлениям деятельности, например, просветительная, жи-
лищная и т.д. В ревизионные комиссии входило, как правило, до 8 человек.
В некоторых случаях создавались наблюдательные советы, но теоретики коопе-
рации считали его лишним, поскольку фактически он дублировал деятельность
ревизионных комиссий и нередко только создавал помехи для ее работы³.

Как уже ранее отмечалось, высшим органом управления в потребите-
льских обществах было собрание либо собрание уполномоченных. На общих
собраниях решались самые насущные и важные вопросы хозяйственной и
финансовой деятельности обществ. К исполнительным органам относились
правления. На правление как на исполнительный орган возлагался широкий
круг обязанностей. В том числе, что очень важно, решение кадровых вопро-
сов, заключение от имени общества договоров и условий о поставках товаров
для общества, снабжение доверенностями лиц, определяемых правлением на

---

¹ См.: Полянский Н.Н. Уголовная ответственность должностных лиц кооперативных това-
риществ. – Москва: Издание Комитета сельских ссудосберегательных и промышленных
товариществ при М.О.С.Х. Типография Ф.Я. Пригорина, 1914. С. 14.

² Там же. С. 14.

³ См.: Зельгейм В. Указ. соч. С. 23-54.

службу общества, не исключая и тех, которые назначались на такую службу общим собранием, совершение законных актов на приобретение и отчуждение недвижимости и т.д. Одним словом, правление распоряжалось всеми делами и капиталами общества¹. Как отмечал В. Зельгейм, «правление – это правительство, исполнительная власть в кооперативе»².

Ревизионные комиссии осуществляли контроль за хозяйственной и финансовой деятельностью кооперативов.

К служащим по найму относились: приказчики, заведующие лавками, магазинами и складами, счетоводы и кассиры, бухгалтера и конторщики и ряд других лиц, обслуживающих интересы обществ.

По своему социальному составу общества были неоднородны. Участие в их деятельности принимали: чиновники, служащие, преподаватели, офицеры, студенты, рабочие и крестьяне.

Таким образом, можно отметить, что в исследуемый период к должностным лицам потребительских обществ могли относиться служащие, наделенные на основании Устава или договора распорядительными, административно-хозяйственными и контрольно-наблюдательными полномочиями и осуществляющие их как постоянно, так и временно; как по выбору, так и по найму.

Руководители избирались, а остальные служащие назначались на соответствующие должности, и с ними практиковались договорные отношения. Вся деятельность потребительских обществ осуществлялась на демократической основе.

«Кооператив ведь не капиталистическое предприятие, где успех главным образом зависит от капитала, нанимающего за дорогую цену опытных директоров», – писал В. Зельгейм. «В кооперативе, – подчеркивал он, – соединяются не пай, а люди, управление демократическое, а следовательно, для того, чтобы общее собрание могло как следует управлять кооперативом, члены должны любить свое дело, беречь его, уметь поступаться личными своими интересами ради общего, должны, одним словом, быть кооператорами»³.

Поэтому главное, что составляло душу кооперации – это взаимное доверие. Основным лозунгом кооперации на протяжении всей ее истории был и остается лозунг: «В единении сила».

«Необходимым условием всякой объединенной работы, всякого сотрудничества может быть, если не иерархическая дисциплина, то только доверие сотрудников друг к другу. Поэтому обман доверия, злоупотребление доверием есть посягательство на то, что составляет живой источник самой кооперации, без чего она существовать не может», – писал Н.Н. Полянский⁴. «Для кооперации злоупотребление доверием то же, что для государства – измена», – говорил он⁵. В этой связи предполагалось, что субъектом злоупот-

---

¹ Там же. С. 38-39.

² Там же. С. 28.

³ Зельгейм В. Указ. соч. С. 14.

⁴ См.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 4.

⁵ Там же. С. 4.

ребления доверием должны были быть и должностные лица кооперации. Поэтому участники съезда в Киеве, поднимая вопрос об установлении уголовной ответственности должностных лиц кооперативов, имели в виду и необходимость определения видов злоупотребления доверием с их стороны и возможность быть субъектом этих преступлений.

Следует заметить, что в Уложении о наказаниях законодатель не называл в качестве субъекта преступления должностных лиц кооперации. В законе и вовсе отсутствовали такие понятия, как «кооперация» и «потребительное общество». Однако с учетом развития потребительской кооперации как в количественном, так и качественном отношении, ее значимости для экономики России она заслуживала внимания со стороны законодателя в плане усиления уголовно-правовой охраны ее служебных интересов. Надо сказать, что аналогичная ситуация сложилась и в современном уголовном законодательстве России. В уголовном законе, принятом в 1996 году и ныне действующем, отсутствует понятие «кооперация» и также существуют проблемы уголовно-правовой оценки преступных деяний должностных лиц кооперации.

Уложение о наказаниях не давало общего определения злоупотреблению доверием и «даже не выделяло это преступление с надлежащей ясностью из круга других преступлений»¹. Законодатель разместил статьи, которыми предусматривалась уголовная ответственность за злоупотребление доверием в разных разделах и главах Уложения. По этому поводу И.И. Аносов писал: «Наше действующее право знает казуистические постановления о различных видах злоупотребления доверием, разбросанные по всему кодексу; в наибольшей связи стоят они, если судить по санкциям, с преступлениями мошенничества, присвоения и подлога»². При таких обстоятельствах, дать точное определение общего понятия о преступлении злоупотребления доверием в имущественном отношении по Уложению о наказаниях нет возможности. Можно определить это понятие только приблизительно, как отмечал П.П. Пусторослев³. Пользоваться же этим определением на практике он рекомендовал с осторожностью, каждый раз проверяя, насколько оно соответствует данному казуистическому постановлению Уложения о наказаниях относительно конкретного случая злоупотребления доверием в имущественном отношении⁴.

Я.Г. Северский понимал под злоупотреблением доверием употребление во зло доверия другого. Он считал, что обязательными признаками этого преступления должны быть в совокупности следующие:

1) доверие другого, т.е. чтобы одно лицо (возможно и несколько) доверялось другому;

---

¹ См.: Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Особенная часть. – 2-е изд., испр. и доп. Вып. 1. – Юрьев: Тип. К. МАТТИСЕНА, 1913. С. 190.

² См.: Аносов И.И. Злоупотребление доверием. – Москва: Товарищество А.А. Левенсон, 1915. С. 129.

³ См.: Пусторослев П.П. Указ. соч. С. 190.

⁴ Там же. С. 190.

2) употребление доверия, т.е. чтобы лицо, которому верят (носитель доверия), производил бы известные, соответственные тому действия;

3) употребление во зло, т.е. во вред интересам доверителя¹.

С.В. Познышев определял злоупотребление доверием как умышленное, противозаконное причинение вреда чужим имущественным интересам, охрана которых лежала на обязанности виновного².

Примерно такое же определение предлагал и Л.С. Белогриц-Котляревский³. По мнению И.И. Аносова, злоупотребление доверием представляло собой «причинение вреда чужому имуществу уполномоченным в силу закона, договора или правительственного распоряжения распоряжаться этим имуществом в интересах собственника, посредством злоупотребления этим полномочием»⁴.

Таким образом, особенности этого преступления заключались в том, что виновный, имея полномочия по распоряжению чужим имуществом, предоставленные ему по закону или договору, либо правительством, и обязанный обеспечивать его сохранность, злоупотреблял доверием собственника и причинял тем самым вред его имущественным интересам.

Субъектом этого преступления могло быть как частное лицо, так и лицо, находящееся на государственной или общественной службе. Однако такой констатации было недостаточно для привлечения к уголовной ответственности за злоупотребление доверием. Необходимо было установить, что виновный обладал соответствующими полномочиями, которые должен был использовать в интересах доверителя, однако использовал их во зло последнего.

В контексте сказанного возникает вопрос: а распространялось ли действие уголовно-правовых норм о злоупотреблении доверием на служащих потребительской кооперации? В дореволюционной доктрине уголовного права этот вопрос исследовался ученым-юристом Н.Н. Полянским. Учитывая потребности кооператоров в уголовно-правовой защите их служебных интересов, о которых они заявляли на съезде в Киеве, он подверг анализу нормы о злоупотреблении доверием, расположенные как в Уложении о наказаниях, так и в Уголовном уложении 1903 года, на предмет применения их к должностным лицам кооперативов⁵. По его мнению, к служащим кооперативов могли бы быть применимы лишь статьи 1154, 1155, 1198 Уложения о наказаниях, но первые две относились только к кредитным установлениям, а последняя только к торговым товариществам⁶. С последним утверждением можно было бы и не согласиться. В статье 1198 говорилось, что «члены основанных с дозволения правительства обществ, товариществ или компаний, которые с умыслом употребят ко вреду общества, товарищества или компании данное им от

¹ Северский Я.Г. Особенная часть русского уголовного права. Краткий обзор начал от Уложения царя Алексея Михайловича до Уложения о наказаниях 1885 г. — Санкт-Петербург: А.Ф. Цинзерлинг, 1892. С. 113.

² См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 313.

³ См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Указ. соч. С. 447.

⁴ См.: Аносов И.И. Указ. соч. С. 39.

⁵ См.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 1-14.

⁶ Там же. С. 4.

них уполномочие или доверие, подвергаются за сие наказанию, определенному за мошенничество»¹.

По смыслу этой статьи, субъектом преступления могли быть члены основанных с дозволения правительства обществ. Какие же общества соответствовали этому велению законодателя? В уголовно-правовой литературе высказывалось мнение, что речь в данном случае шла только о торговых обществах, поскольку отделение IV, где находилась эта статья, называлось «О нарушении постановлений о торговых обществах, товариществах и компаниях»². Но ведь в России в исследуемый период существовали не только торговые общества, но и другие не менее важные для страны, например потребительские общества. Последние также основывались только с дозволения правительства, и возможность быть субъектом этого преступления служащих обществ не должна была исключаться. В сферу действия ст. 1198 Уложения о наказаниях вполне подпадали председатели и члены правлений, председатели и члены ревизионных комиссий, наблюдательных советов. Будучи выбранными на общих собраниях кооператоров, им тем самым оказывалось доверие представлять интересы общества и осуществлять как внешнее управление его делами, так и внутреннее. Виновными в этом преступлении могли быть признаны и другие служащие потребительских обществ. Например, служащие по найму, заведующие лавками, магазинами и складами, приказчики. С ними руководители обществ заключали договоры, а в иных случаях выдавали и доверенности на право осуществления определенного рода деятельности, то есть иначе говоря возлагали на них полномочия, оказывая тем самым доверие всех членов кооператива. И, безусловно, нельзя было относить к субъектам рассматриваемого преступления лиц, выполняющих в кооперативе только технические функции, скажем, таких как сторожа, разнорабочие, конюхи и т.д. На эту категорию работников не возлагались полномочия управленческого характера, и у них вообще не было никакой власти.

Но у теоретиков и практиков был другой подход к уголовно-правовой оценке деяний, подпадающих под признаки статьи 1198 Уложения о наказаниях. К субъектам этого преступления относили только представителей торговых обществ, служащие потребительских обществ оставались за рамками этого состава. Думается, что такая позиция была обусловлена тем, что в исследуемый период потребительские общества приравнивались к благотворительным учреждениям.

Исключением из этого была ст. 1190 Уложения о наказаниях. Здесь субъектом преступления могли быть приказчики, которые, работая по найму в кооперативе, привлекались к ответственности за представление неверных отчетов правлению кооператива³.

---

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – 15-изд. – Санкт-Петербург, 1910. С. 756.

² См.: Аносов И.И. Указ. соч. С. 319; Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 4.

³ См.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 10.

В Уголовном уложении нормы о злоупотреблении доверием находились в главе 31-й, носившей название «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» (ст.ст. 577-580). В статье 577 содержалось общее определение злоупотребления доверием. В литературе его называли простым, так как ответственность за квалифицированные виды этого преступления предусматривалась статьей 578¹.

Редакция статей о злоупотреблении доверием (а их было четыре) так же, как и в Уложении о наказании, отличалась своей казуистичностью. Например, в ст. 577 законодатель говорит о злоупотреблении должностными лицами своими полномочиями, а в ст. 578 и вовсе усматривается не один состав преступления, а несколько. Так, например, речь шла о злоупотреблении служебным положением, присвоении, а также краже имущества, находящегося у виновного на службе. Не было определенности и в наименовании субъектов этих преступлений. В качестве субъектов назывались: лица, обязанные по доверенности или по иному законному полномочию иметь попечение о чужом имуществе или имущественном интересе; служащие; лица, состоящие на службе; опекуны; учредители акционерных обществ; заведующие; лица, распоряджающиеся делами в различных учреждениях. Как видим, круг субъектов был достаточно широким и в высшей степени оценочным.

По мнению Н.Н. Полянского, не исключалась уголовная ответственность за эти преступления и должностных лиц кооперативов. Так, он писал: «По своему буквальному смыслу ст. 577 обнимает и злоупотребление доверием со стороны должностных лиц кооперативов; они ведь также действуют в силу законного полномочия: одни, а именно лица, стоящие во главе кооператива, на основании постановлений общего собрания; другие – на основании полученных от первых доверенности и поручений, которые должны быть облечены в письменную форму. Такова была и точка зрения составителей *Уголовного уложения*»².

К примеру, правительственная комиссия по составлению проекта Уголовного уложения 1903 года указывала, что «преступная деятельность должностных лиц против доверенного попечению их имущества подлежит наказанию не как посягательство против достоинства официальной власти, а как крайне опасное для общества посягательство против чужого имущества. Поэтому, не ограничиваясь службою правительственной, закон распространяет наказуемость на отношения как по службе общественной, например, по городскому и земскому самоуправлению, по выборам сословным, так даже и по службе в таких установлениях, которые, основываясь не иначе как по особому каждый раз разрешению правительства, представляются обыкновенно складами общественного достояния, весьма значительному или даже неопределенному числу лиц принадлежащего»³.

---

¹ См.: Маргулиес М.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С. 269-271.

² См.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 5.

³ Цит. по: Изосимов С.В. Теоретико-прикладной анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2004. С. 33.

И.И. Аносов в этой связи отмечал, что «в условиях экономического строя современного общества человек поставлен в необходимость верить своим имущественным интересам определенным учреждениям, хотя и не носящим публичного характера, но тем не менее имеющим громадное значение и влияние в жизни страны, в правильном действии которых общество заинтересовано не менее, чем в правильной и добросовестной деятельности органов общественного и государственного управления»¹.

Необходимо было оградить частные общества, выполнявшие важную роль в экономической жизни страны от злоупотреблений служащих, находящихся на службе в этих обществах. К таковым относились и потребительские кооперативы.

Но относились ли служащие этих обществ к субъектам преступления, предусмотренного ст. 578 Уложения? В этой статье в качестве субъекта преступления, среди прочих, указывалось на лицо, состоящее на службе в установленном с разрешения правительства благотворительном установлении. Составители Уголовного уложения понимали под ними «те установления, которые имели целью оказание помощи нуждающимся, причем безразлично, будет ли помощь материальная или нематериальная»². Законодатель не указывал перечень таких благотворительных учреждений применительно к этому преступлению. Но само определение, данное составителями Уголовного уложения, вызывало критику со стороны исследователей. В частности, отмечалось, что предложенное понятие «не охватывало целого ряда установлений, также учреждаемых с разрешения правительства в виде общественной пользы, только не с целью благотворения в прямом смысле этого слова. Сюда относятся также общества для содействия развитию экономического благосостояния всей страны или известной ее части (сельскохозяйственные общества) и т.п. Такие установления по своему полезному общественному значению и по большому кругу лиц, интересам и потребностям, которым они служат, могут быть поставлены наравне со специально филантропическими; а так как они имеют также обыкновенно необходимые для достижения их цели имущественные средства, иногда весьма значительные (как, например, Императорское вольное экономическое общество), то и ограждение их от имущественного вреда, который может быть причинен злоупотреблением должностным положением служащих в них лиц, представляется в равной степени необходимым. Поэтому следовало бы, наряду с благотворительными установлениями, упомянуть и о других, предназначенных для общепольной цели»³.

Таким образом, авторы имели в виду и различные кооперативы, которые вносили определенный вклад в развитие экономики России. Что же касается конкретно потребительских обществ, то о них в российском законодательстве

---

¹ См.: Аносов И.И. Указ. соч. С. 52.

² См.: Замечания редакционного комитета уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на Проект особенной части Уголовного уложения / Посягательства имущественные. – Санкт-Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1889. С. 84.

³ Там же. С. 84.

нигде не упоминалось. Мы уже ранее отмечали это в работе. Но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что с «момента возникновения первых потребительских обществ в России в 60-х годах прошлого столетия и до 1897 года общества потребителей возникали и действовали на основании особо утверждавшихся для них центральной властью, в лице Министерства внутренних дел уставов»¹. Затем был разработан и утвержден нормальный устав потребительных обществ», или как его еще неофициально именовали «Образцовый устав», который утверждался губернатором с обязательным уведомлением Министерства внутренних дел. И еще одно важное обстоятельство в контексте сказанного следует отметить, потребительные (потребительские) общества были отнесены к разряду «общепользных учреждений, носящих отчасти характер благотворительный и отчасти взаимовспомогательный, и попадали поэтому под ведение Министерства внутренних дел по хозяйственному департаменту (главное управление по делам местного хозяйства), по отделу народного здоровья и общественного призрения»².

Так что действия должностных лиц потребительской кооперации, злоупотребляющих доверием по службе, вполне попадали под признаки статьи 578 Уложения о наказаниях. Кроме этого, необходимо уяснить смысл понятия «лицо, состоящее на службе» применительно к службе в потребительском обществе. И.И. Аносов, рассматривая этот вопрос, подчеркивал, что «не все лица, занятые в учреждениях, могут подойти под понятие субъекта ст. 578, поскольку термин «состоявший на службе» следует понимать как «занимающий должность». Поэтому сюда не относятся лица, состоящие в учреждениях только служащими. Но затем безразлично, какую должность исполняет виновный: классную, неклассную, штатную, нештатную, получает ли он содержание или служит безвозмездно, носят ли его функции постоянный характер или же временный. Под «должностью, очевидно понимается совершение действий, носящих юридический характер»³. Это разъяснение в полной мере могло распространяться и на служащих потребительских обществ.

Следует отметить, что из дореволюционных ученых-юристов проблемам уголовно-правовой защиты служебных интересов кооперации большое внимание уделял Н.Н. Полянский. Им были внесены конкретные предложения по изменению и дополнению уголовного законодательства, в том числе и новыми нормами, направленными на усиление уголовно-правовой охраны служебных интересов кооперации. Некоторые из них уже были ранее рассмотрены в настоящей работе, но хотелось бы обратить внимание и на другие его рекомендации, заслуживающие, на наш взгляд, внимания. В частности, он предлагал дополнить уголовное законодательство «общим определением о злоупотреблении доверием и специальными постановлениями о расходовании имущества товарищества его администраторами не согласно с постановлениями кооперативного товарищества, о подкупе с целью оказать влияние на решение общего собрания товарищества и, может быть, также и сообщении

¹ См.: Зельгейм В. Указ. соч. С. 19.

² Там же. С. 19.

³ См.: Аносов И.И. Указ. соч. С. 375.

ложных сведений с целью склонить кого-либо к участию в кооперативном товариществе, о несоблюдении требований (если такие требования будут существовать в законе) о созыве к определенному сроку общего собрания товарищества для избрания членов наблюдательного совета и о заявлении о несостоятельности кооперативного товарищества»¹. Думается, что эти предложения актуальны и сегодня.

Таким образом, Уголовное уложение 1903 года было более прогрессивным, нежели Уложение о наказаниях 1845 года (с последующими изменениями и дополнениями). Законодателем была предпринята попытка систематизации уголовно-правовых норм в главы по родовым признакам, например, преступлений по службе государственной или общественной и т.д. В нем были сформулированы основополагающие дефиниции. Но оно, как известно, так и не вступило в действие.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных служащие кооперативов, в том числе и потребительных (потребительских) обществ, не рассматривались законодателем в качестве субъектов должностных преступлений. О потребительских обществах, как, впрочем, и в целом о кооперации, нигде в действующем уголовном законе не упоминалось.

Руководители кооперативов за совершение преступлений по должности привлекались к уголовной ответственности не за должностные преступления, а за общие как частные лица, в частности, за присвоение и растрату, мошенничество и другие.

Считалось, что служащие кооперативов так же, как и служащие других частных учреждений, не могли быть приравнены к государственным служащим или служащим, отправляющим свои обязанности на общественной службе, в силу того, что они, находясь на частной службе, выполняли свои обязанности только в узких рамках, то есть в интересах данных обществ.

В силу казуистичности норм Уложения о наказаниях их трактовали нередко либо слишком широко, либо очень узко. В результате в некоторых случаях невозможно было определить круг возможных субъектов, в том числе и возможность быть в нем служащих потребительских обществ.

Безусловно, основным источником, движущей силой кооперации было взаимное доверие. Ведь кооперативы создавались на добровольной основе исходя из кооперативных принципов, и все члены в них имели равные возможности. Кооператоры в своей деятельности доверяли друг другу, и в этом был залог их успеха.

Поэтому злоупотребление доверием считалось, можно сказать, предательством кооперативных интересов. Отсюда и ставился вопрос о защите интересов кооперации специальными нормами об уголовной ответственности за злоупотребление доверием. Но он не был решен законодателем ни в Уложении о наказаниях, ни в Уголовном уложении 1903 года. Однако, как нам представляется, он спустя сотни лет не утратил своей актуальности и сегодня.

---

¹ См.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 10, 11, 13.

ГЛАВА 3.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЛУЖАЩИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Советская власть с первых же дней своего существования уделяла особое внимание борьбе с преступностью. Преступность росла, и ее состояние отражало сложившуюся ситуацию в стране. Свирепствовал голод, всюду царила разруха, назревала гражданская война. Положение усугублялось еще и тем, что различные деструктивные элементы всячески препятствовали властям в наведении порядка в стране, в улучшении снабжения населения продуктами питания. В этот сложный, можно сказать критический момент для России государство обратило свой взор на кооперацию. И особенно правительство советской власти возлагало большие надежды на потребительскую кооперацию. Однако политика государства, направленная на лишение ее самостоятельности, на «огосударствление», вызвала негативную реакцию у кооперативной общественности, и это обстоятельство все больше обостряло отношения между ними. Но правительство, учитывая сложившуюся экономическую ситуацию и возможности кооперации в ее улучшении, вынуждено было пойти на некоторые уступки. Результатом компромисса между правительством и кооперацией стал Декрет Совета народных комиссаров «О потребительских кооперативных организациях», подписанный В.И. Лениным 10 апреля 1918 года¹. Этим Декретом кооперативам были предоставлены значительные льготы, в том числе налоговые, кредитные и другие, что давало им преимущества по сравнению с частными предприятиями. Ее представители были включены в центральные и местные органы снабжения. Центросоюз к этому времени объединял все существующие в стране потребительские кооперативы. Количество потребительских обществ стало расти. К концу 1918 года их число увеличилось на 12 000 (по состоянию на 1 января 1918 года их было 35 000, на 1 января 1919 года стало 47 000). Число пайщиков только за один 1918 год возросло наполовину и достигло 17 млн человек, товарооборот возрос на 40% и достиг 1 млрд руб.²

Вместе с тем вся деятельность потребительских обществ, включая закупку, заготовку, переработку и производство продуктов, должна была осуществляться при содействии и под контролем государственных органов снабжения и Высшего Совета народного хозяйства. Этим же Декретом запрещалось быть членами правлений потребительских обществ владельцам и руководителям торговых и промышленных предприятий капиталистического характера.

---

¹ СУ РСФСР. 1918. № 32. Ст. 418.

² Коряков И.А. Указ. соч. С. 130.

Процесс, направленный на лишение самостоятельности потребительской кооперации, набирал обороты. Была осуществлена национализация Московского народного (кооперативного) банка. 16 марта 1919 года В.И. Ленин подписал Декрет «О потребительских коммунах», а 19 марта его утвердил ВЦИК¹. Содержание Декрета сводилось к очередному выхолащиванию сути кооперативных принципов и ликвидации кооперации как системы. Кооперативы были превращены в государственные органы распределения, занимавшиеся прямым, безденежным товарообменом под руководством Наркомпрода². Повсеместно потребительские кооперативы были объединены в единые потребительские общества (ЕПО). Было введено обязательное без вступительных взносов членство в кооперации. Во главе каждого кооператива стояло правление в количестве не менее трех человек и контрольный совет (ревизионная комиссия). В состав правления вводились представители от органов Наркомпрода. Низовые кооперативы (ЕПО) объединялись в губернские союзы (губсоюзы), которые входили в состав Центросоюза, а последний был подчинен Наркомпроду³. Декретом от 27 января 1920 года «Об объединении всех видов кооперативных организаций»⁴ процесс огосударствления потребительской кооперации по существу был завершен. Указанными декретами полностью игнорировались такие принципы, как добровольное членство в кооперативе, материальное участие членов, добровольное вступление кооператива в союз и возможность его свободного выхода из союза. Таким образом, кооперативная самостоятельность и самоуправление подверглись значительному ограничению, и, по существу, произошло огосударствление потребительской кооперации. Из общественно-хозяйственной системы она была превращена в технический аппарат государственных продовольственных органов⁵. По этому поводу Г.К. Рогинский и М.С. Строгович писали: «Характеризуя положение кооперации в эпоху военного коммунизма, можно сказать, что кооперация была фактически обращена в подсобный орган государственной власти (главным образом Народного комиссариата продовольствия), распределяющий среди населения продукты и товары, и тем самым была огосударствлена, т.е. сама фактически обращалась в государственный орган». И далее они отмечали, что кооперация не является даже общественной организацией. Это принудительное объединение граждан, действующее на средства государства по его плану и его распоряжениям, т.е. тот же государственный орган⁶. Известный теоретик кооперации Л.Е. Файн в своей работе «Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861-1930» пишет, что в итоге перестройки были сломаны кооперативные основы функционирования самой мас-

¹ СУ РСФСР. 1918. № 17. Ст. 191.

² Коряков И.А. Указ. соч. С. 131-139.

³ Коряков И.А. Указ. соч. С. 133.

⁴ СУ РСФСР. 1920. № 6. Ст. 37.

⁵ Вахитов К.И. История потребительской кооперации России: учебное пособие. – Москва, 1998. Ч. 2. С. 8.

⁶ Рогинский Г.К., Строгович М.С. Уголовный суд и преступления в кооперации. – Москва: НКЮ РСФСР, 1926. С. 12-14.

совой в стране организации с 17 млн членов и на ее базе создана бюрократическая распределительная система, поставленная в прямое административное подчинение к партийно-государственному аппарату через большевистское большинство и право «вето» в формально избравшихся правлениях¹. Признавая, что «эксперименты», проводимые советской властью над кооперацией, оказались для нее трагическими и кооперативная сеть, складывающаяся в течение полувека, перестала существовать как система, Л.Е. Файн тем не менее обращает внимание, что система потребительской кооперации была не полностью огосударствлена, хотя работала по заданиям и жестким контролем госорганов; полное слияние с ними (за исключением Петрограда) не было проведено². Действительно, потребительская кооперация, несмотря на существующие трудности, все-таки сохранила некоторые признаки самостоятельности, сохранила в какой-то степени свое «лицо» и не превратилась в продовольственный орган государственной власти, как утверждают некоторые исследователи. Тем не менее в том виде, в каком находилась она в эпоху военного коммунизма, ее нельзя было отнести ни к общественной организации в чистом виде, ни к государственной. Скорее всего, на наш взгляд, потребительская кооперация с марта 1919 года по 1920 год представляла собой некую «полугосударственную организацию», сочетая в себе как признаки общественной организации, так и государственной. Тем не менее советская власть относил кооперацию к общественной организации. И это отчетливо проявлялось в сфере применения уголовного законодательства.

В таких непростых и весьма сложных экономических и политических условиях, в условиях масштабного роста преступности осуществляла свою деятельность потребительская кооперация. Объектом преступных посягательств стала и сама потребительская кооперация.

6 августа 1918 года около восьми часов вечера преступная группа числом около тридцати-сорока человек совершила дерзкое вооруженное нападение на Центросоюз с целью завладения крупной суммой денег. Преступники, согнав служащих, сторожей и даже детей, игравших во дворе, в одно помещение, разоружили милиционеров, вскрыли главную кассу в здании Центросоюза, а также шкаф в кабинете главного бухгалтера и похитили 9 млн 685 тыс. 885 руб. 47 коп.³

Не все благополучно было и в самой потребительской кооперации. В ее недра проникали люди с криминальным прошлым, люди, настроенные враждебно к советской власти, взяточники, спекулянты и прочие антиобщественные элементы. Например, в журнале «Воронежский кооператор и земледелец» за 1918 год автор статьи «Новые потребиловки» писал: «Поезжайте по селам. Где теперь нет потребиловки? Она теперь в каждом селе и в деревушке, а в некоторых по нескольку, одна от другой через дом. Но присмотритесь к кооперативам. Не разглядите ли вы среди них десятки, а то и сотни бывших

¹ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 348-349.

² Там же. С. 372.

³ Союз Потребителей. 1918. № 27. С. 26-27.

лавочников, недавних, да и теперешних спекулянтов, людей искренно ненавидящих кооперативы, а теперь выгодно пристроившихся к ним?»¹. Дело доходило до того, что при проверке деятельности того или иного кооператива выяснялось, что правления в нем не было, не было и ревизионной комиссии и даже устава общества, счетоводства как такового не велось². Это были так называемые «лжекооперативы», которые создавались бывшими частными торговцами, лоточниками и прочими зажиточными субъектами, которые своими действиями дискредитировали сущность кооперации. И такие факты по стране были весьма многочисленными³.

Советская власть считала, что потребительская кооперация нуждалась в «очищении» от кулаков и контрреволюционных элементов, враждебно настроенных, по ее мнению, к новому строю и пытающихся дискредитировать кооперацию. Поэтому в интересах освобождения кооперативных организаций от кулацких и контрреволюционных элементов п. 7 Декрета от 12 апреля 1918 года «О потребительских кооперативах» был дополнен положениями, в соответствии с которыми лишались права принимать участие в решении дел и права избирать и быть избранными в руководящие органы кооператива, в том числе в собрания уполномоченных, следующие лица:

- а) прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) основными источниками существования которых является нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества;
- в) имеющие, а также имевшие в течение последних трех лет торговые заведения и занимающиеся или занимавшиеся в течение того же срока торговым или коммерческим посредничеством;
- г) монахи и монахини;
- д) духовные служители церкви и религиозных культов, за исключением лиц, зарекомендовавших себя полезной работой в кооперативном движении;
- е) агенты и служащие бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений⁴.

Однако, несмотря на принимаемые меры, в потребительскую кооперацию все же проникали люди с определенными корыстными интересами. Нередко они становились руководителями потребительских обществ и ревизионных комиссий, членами правлений. Пользуясь служебным положением, они совершали различного рода имущественные и должностные преступления. Следует отметить, что дореволюционное уголовное законодательство не относило членов правления, ревизионных и наблюдательных комиссий, а

¹ Воронежский кооператор и земледелец. 1918. № 5-6. С. 19.

² *Островский В.* Новая Петроградская «кооперация» // Вестник кооперации. 1918. № 3-4. С. 119-124.

³ Государственный архив Курской области (ГАКО) Ф.Р. 352. Оп. 1. Д. 274. Л. 19 (дело Томаровского общества потребителей Белгородского уезда). Начато: 9 сентября 1917 г. — окончено 3 июня 1919 г.; ГАКО. Ф.Р. 352 Оп. 1. Д. 597. Л. 37 (дело Белгородского союза кооперативов). Начато: 10 февраля 1919 г. — окончено 19 октября 1919 г.

⁴ См.: СУ РСФСР. 1918. № 96. Ст. 966.

также служащих потребительских обществ к должностным лицам. В тот период не было каких-либо уголовно-правовых норм или специальных постановлений, которыми бы предусматривалась уголовная ответственность руководителей кооперации и ее служащих как должностных лиц. Хотя уже тогда этот вопрос был актуальным и обсуждался учеными-юристами в литературе¹.

В первые годы советской власти уголовное законодательство только начинало формироваться. Уголовно-правовые нормы содержались в многочисленных декретах, в том числе и об ответственности за должностные преступления.

Например, в ст. 8 Декрета о суде № 1 предусматривалось создание революционных трибуналов для борьбы с наиболее опасными преступлениями, в том числе и со злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц².

Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 года, обобщая социалистическое уголовное законодательство за год существования советской власти, определил «преступления по должности» как использование своего общественного или административного положения путем злоупотребления властью, предоставленной революционным народом³.

Положения декретов, которыми предусматривалась уголовная ответственность за преступления по службе, распространялись и на служащих потребительской кооперации. Так, агент Городнищенского Уездного Союза потребительских обществ Пензенской губернии Н.Г. Лебедев был обвинен в злоупотреблениях по службе, выразившихся в нанесении побоев гражданину Разорилову и другим лицам, пьянстве и растрате 6 тыс. рублей народных денег на покупку самогона. Дело рассматривалось Пензенской Губернской следственной комиссией Революционного трибунала. Обвиняемый содержался под стражей, затем был освобожден под залог, в конечном итоге дело было прекращено по амнистии⁴.

Однако впервые вопрос об уголовной ответственности служащих кооперативных организаций как должностных лиц ставится в Декрете Совета народных комиссаров от 8 мая 1918 года «О взяточничестве»⁵. В этом законодательном акте был принципиально решен вопрос о круге лиц, подлежащих уголовной ответственности за должностные преступления по советскому уголовному праву, то есть о субъекте должностных преступлений⁶. В соответствии со статьей 1 Декрета к должностным лицам, которые должны были нести уголовную ответственность за получение взятки, относились лица, состоящие на государственной или общественной службе в РСФСР, а именно: должно-

---

¹ См.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 14.

² Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – Москва, 1957. С. 125.

³ Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. [и др.]. История советского уголовного права. – Москва: Минюст СССР, 1948. С. 225.

⁴ Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. Р. 475. Оп. 6. Д. 38. Л. 136.

⁵ СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.

⁶ Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д., Чхиквадзе В.М. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. – Москва: Госюриздат, 1959. С. 7.

стные лица советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профессиональных союзов и т.п. учреждений и организаций или служащие таковых. Таким образом, к должностным лицам, согласно ст. 1 Декрета от 8 мая 1918 года, относились не только члены правлений кооперативов, но и их служащие. Уголовная ответственность и наказание за взяточничество существенно повышались, если служащий использовал особые полномочия или допустил нарушение своих служебных обязанностей. Важное значение для того времени приобретала ст. 5 Декрета. В ней говорилось, что если лицо, виновное в даче или принятии взятки, принадлежит к имущественному классу и пользуется взяткой для сохранения и приобретения привилегий, связанных с правом собственности, то оно приговаривается к наиболее тяжелым, неприятным и принудительным работам и все его имущество подлежит конфискации.

Этот декрет стал очередным подтверждением, что советская власть относилась к потребительской кооперации к публично-правовой организации, а ее служащие признавались должностными лицами и являлись субъектами уголовной ответственности за получение взятки и другие должностные преступления.

Например, служащие Московского народного (кооперативного) банка в ноябре 1918 года были осуждены Московским революционным трибуналом за получение взятки.

Служащие МНБ обвинялись в том, что они содействовали биржевому маклеру Ефимовскому в получении по трем чекам 5%-х краткосрочных обязательств на сумму 205 000 рублей, которые были обменены на кредитные билеты. Подсудимые при этой сделке в качестве взятки получили 12 300 рублей. Приговорены были к общественным работам на срок от 3 до 5 лет, но наказание это смягчено по Декрету об амнистии. Все они были лишены избирательного права на 5 лет¹.

В другом случае по делу «Главпродукта» за систематическое взяточничество и служебные злоупотребления суду революционного трибунала были преданы 87 человек, из которых большинство относились к ответственным работникам, в том числе и целый ряд уполномоченных потребительских кооперативных организаций².

Вышесказанное говорит о том, что с первых дней советской власти с появлением первых ее декретов служащие потребительской кооперации привлекались к уголовной ответственности за должностные преступления. В тот период такое положение вполне соответствовало политике, проводимой государством в отношении кооперации, – политике ее огосударствления. Однако все ли работники аппарата потребительской кооперации относились к категории служащих и все ли они подпадали под понятие «должностное лицо»? В Декрете «О взяточничестве» законодатель говорил о «должностном лице» и «служащем». Как соотносились эти два понятия и как их трактовали в законодательстве и в литературе? Впервые понятие «служащий» советская власть пыталась сформулиро-

---

¹ Известия ВЦИК. 1918. 27 ноября. С. 3.

² Известия ВЦИК. 1921. 8 марта. С. 4.

вать в Декрете «Об обязательной регистрации служащих». В основной его части указывалось что: «Все без исключения учреждения и предприятия, государственные, общественные и частные, обязуются вести регистрацию всех служащих по однообразной форме и в порядке, устанавливаемом Народным комиссариатом труда по соглашению с Центральным статистическим управлением»¹. В примечании Декрета давалось определение «служащего», которое звучало следующим образом: «Служащими являются все лица, занятые в учреждениях, а также весь наемный административно-технический и конторско-канцелярский и подсобный персонал предприятия»². В этой связи профессор В.И. Ширяев, анализируя понятие «должностное лицо» и «служащий» применительно к тому времени и указанному Декрету, отмечал: «В период военного коммунизма при осуществлении трудовой повинности, когда все население было закреплено на службу и являлось обязанным службой, так что состояние на службе являлось правилом, а неслужебное состояние исключением, иного более точного определения понятия «служащего» и не могло быть»³.

Д.И. Курский, будучи в тот период наркомом юстиции, по поводу этого вопроса писал: «Национализация промышленности и торговли превратила всех частных служащих и рабочих в должностных лиц. Современный строй не знает или почти не знает более частной службы. Все торговые приказчики и фабричные рабочие являются ныне экономическими чиновниками, внесенными в штаты соответствующих учреждений и получающими жалование по определенным тарифным ставкам. Вследствие этого группа должностных преступлений должна чрезвычайно вырасти количественно, получить большое уголовно-политическое значение и видоизменить свое содержание сравнительно со старым правом»⁴. Таким образом, из сказанного следует, что в первые годы советской власти четкого разграничения между понятиями «должностное лицо» и «служащий» не существовало. К должностным лицам относились как выборные работники (например, члены кооперативов), так и наемные, состоящие на службе в общественных учреждениях. Причем понятием «служащий» охватывался весьма широкий круг лиц. Это могли быть работники, выполняющие административно-технические и конторско-канцелярские функции, а также подсобный персонал. В потребительской кооперации к ним относились: секретари, делопроизводители, казначеи, счетоводы, заведующие лавками и магазинами, приказчики и другие лица, которые обеспечивали работу аппарата потребительских обществ. Все они находились на общественной службе и подлежали уголовной ответственности за служебные преступления. О том, кто входил в служебный аппарат потребительской кооперации, можно показать на примере Губсоюза Пензенской губернии. В аппарате во всех отделениях Губсоюза числилось 176

¹ Собрание Указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 51. Ст. 501.

² Там же.

³ Ширяев В.И. Дисциплинарная ответственность служащих. — Москва: Право и жизнь, 1926. С. 2.

⁴ Цит. по: Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. — Москва: МЮ СССР, 1948. С. 262.

служащих. Классификация их осуществлялась по роду труда. И по этому признаку она подразделялась на следующие разделы:

1. Счетная часть – 44 служащих, в том числе бухгалтеры, счетоводы, кассиры.
2. Делопроизводство – 24 служащих, в том числе секретарь, делопроизводители, помощники делопроизводителей, регистраторы, машинистки. К этому же разделу относились: инструкторы, юрист-консультант, статисты и заведующие хозяйством.
3. Торговая часть – 41 служащий, среди них торговые агенты, заведующие складами, помощники заведующих складами, приказчики.
4. Низший служебный персонал включал курьеров, сторожей, конюхов и кучеров, чернорабочих, ночных сторожей.

Из общего числа служащих отделений приходилось на долю счетной части 25%, на долю делопроизводства 23%, на торговлю 23% и низший персонал 29%. И служащих катастрофически не хватало. В некоторых отделениях служащим приходилось вести по две-три работы¹. Все перечисленные категории работников потребительских обществ относились к служащим и являлись субъектами уголовной ответственности за должностные преступления. Кроме того, к должностным лицам потребительской кооперации относились председатели правлений и их члены, руководители контрольного Совета и его члены и т.д.

Управление делами общества возлагалось на общее собрание его членов, на правление и контрольный Совет, который ранее назывался ревизионной комиссией².

Таким образом, субъектом должностного преступления мог стать любой служащий аппарата потребительского общества, будь то курьер, конюх, кучер, ночной сторож и т.д. Это говорило о том, что никаких ограничительных рамок в толковании понятия «должностное лицо» в теории и практике применения норм уголовного права, содержащихся в декретах советской власти, не существовало.

16 августа 1921 года Советом народных комиссаров был издан новый Декрет «В борьбе со взяточничеством»³. Декретом предусматривалась ответственность за взяточничество лиц, «которые состоят на государственной или общественной службе, лично или через посредника получили или пытались получить в каком бы то ни было виде взятку за выполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, входящего в круг их служебных обязанностей». Обстоятельствами, усиливающими меру наказания за взятку, Декрет признавал:

- а) особые полномочия должностного лица;
- б) нарушение служащим обязанности службы;
- в) вымогательство взятки.

Положения этого Декрета распространялись и на служащих потребительской кооперации.

---

¹ Вестник потребительской кооперации (Еженедельный орган Пензенского Губернского Союза потребительских обществ). 1922. № 9. С. 4.

² Мещеряков Н. Что такое единое потребительское общество и как оно управляется. – Москва: Центральный Союз потребительских обществ, 1920. С. 11-23.

³ СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 421.

Составы должностных преступлений содержались и в других декретах, в том числе и в декретах, которыми предусматривалась уголовная ответственность за спекуляцию. Спекуляция в период военного коммунизма стала буквально бедствием для молодой Советской республики. Особый размах приобрела спекуляция продуктами питания и другими товарами первой необходимости. Поэтому борьбе с этим преступлением придавалось большое значение, и об этом свидетельствуют первые Декреты советской власти. Борьба со спекуляцией на законодательном уровне началась с Декрета рабоче-крестьянского правительства от 15 ноября 1917 года «О борьбе со спекуляцией»¹. Затем, 22 июля 1918 года, был издан Декрет «О спекуляции», подписанный В.И. Лениным. Он содержал в себе 12 точных составов преступлений, определявших вместе с тем и конкретные виды наказаний за спекуляцию².

Важное значение не только в борьбе со спекуляцией, но и в целом с должностными преступлениями имел Декрет Совета народных комиссаров от 21 октября 1919 года «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах»³. Декретом устанавливалась уголовная ответственность не только за спекуляцию, но и за хищение, подлоги и другие злоупотребления по должности как в хозяйственных, так и распределительных органах. К распределительным органам, как известно, относилась потребительская кооперация. Поэтому руководители потребительских обществ и служащие являлись субъектами уголовной ответственности за преступления, связанные с злоупотреблениями по должности.

Например, в 1920 году сотрудники галантерейного отдела Центросоюза Власов А.А. и Калинин Н.И. получили разрешение на получение по наряду от Главтекстиля 4 тысячи головных платков. Эти платки должны были поступить (но не поступили) в главный галантерейный отдел Центросоюза. Вместо этого Власов и Калинин, с целью преступной наживы, сфабриковали через служащего Смоленского губсоюза Вольфсона А.А. и других лиц подложный документ, удостоверяющий право на перевозку платков со ст. Москва – Александровка ж.д. для отправления в Пензу. Товар предварительно был продан Пензенскому губсоюзу по цене 1550 рублей за платок.

Будучи арестованными, участники этой преступной махинации дали признательные показания.

Московским революционным трибуналом А.А. Вольфсон и А.А. Власов были приговорены к расстрелу, а остальные соучастники – к длительным срокам лишения свободы⁴.

---

¹ Собрание Указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 3. Ст. 33.

² Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.Д. [и др.]. История Советского уголовного права. – Москва, 1948. С. 196.

³ СУ РСФСР. 1919. № 53. Ст. 504.

⁴ Известия ВЦИК. 1920. 18 ноября. С. 2; по этому же делу. Известия ВЦИК. 1921. 16 февраля. С. 2.

Небезынтересным является тот факт, что в Московском чрезвычайном комитете (МЧК) в 1918 году был образован отдел по борьбе со спекуляцией. Причем для расследования спекуляций, связанных с должностными преступлениями, в этих отделах имелись отделения, и в том числе отделение по делам Московского потребительского общества (МПО)¹. Это свидетельствовало о том, что борьбе со спекуляцией и другими должностными преступлениями в потребительской кооперации придавалось важное значение. Но это говорило и о другом: о том, что не все благополучно было с соблюдением уголовного законодательства служащими потребительской кооперации².

Декретом ВЦИК и СНК от 1 июня 1921 года «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям»³ предусматривалась уголовная ответственность за различные преступления, субъектами которых могли быть как любые лица, так и должностные. По сути, в Декрете содержалось 9 составов преступлений. В этот период на потребительскую кооперацию государство возложило широкий круг обязанностей. Она была наделена функциями распределения, заготовки, снабжения и производства. В ее распоряжении находились базы, склады, магазины, лавки и другие торговые точки. В руках потребительской кооперации был сосредоточен практически весь легальный товарооборот предметами потребления. В промышленных центрах кооперативы открывали столовые, организовывали подсобные сельскохозяйственные предприятия, повсеместно была налажена выработка разнообразных товаров⁴. И естественно, должностные лица потребительской кооперации в случае совершения деяний, указанных в Декрете, являлись субъектами уголовной ответственности. Например, они могли быть привлечены к уголовной ответственности за заведомо незаконный отпуск товаров и за содействие хищениям, которые совершались сотрудниками складов, баз и распределителей. В п. 7 Декрета прямо говорилось, что субъектом расхищения материалов, предоставленных государственными органами пошивочным и обмундировочным мастерским, артелям, кооперативам, могут быть только лица, руководящие этими предприятиями, то есть должностные лица, в том числе и кооперативов.

---

¹ Клименко В.А. МЧК в борьбе со спекуляцией (1918-1920 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 182.

² В 1920 году сотрудники МЧК задержали работницу учетно-статистического отдела Московского потребительского общества, содействующую краже 12 тысяч аршин мануфактуры; состоялись судебные процессы над работницами Главтопа и Москвотопа, обвиненными в крупных хищениях. За февраль-июнь 1920 года отделение по делам Наркомпрода и Московского потребительского общества рассмотрело 220 случаев воровства продуктовых талонов и карточек, составление фальшивых купонов, спекуляции дровами, гвоздями и керосином // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 183; Был обнаружен ряд злоупотреблений в магазинах Московского потребительского общества (МПО) в виде кражи продуктов сотрудниками, симуляции более крупных краж с целью сокрытия злоупотребления, из чего следует вывод, что заведующие магазинами в большинстве случаев далеко были не на своих местах и что учет поставлен из рук вон плохо.

³ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.

⁴ Вахитов К.И. Указ. соч. С. 9.

В качестве отягчающих вину обстоятельств Декрет называет многократность вменяемых деяний, массовый характер хищения, ответственность занимаемой должности и предполагает в случае их установления осуществлять репрессию «со всей неукоснительностью и последовательностью», вплоть до применения высшей меры наказания. К лицам, занимающим ответственные должности, относились руководители и члены Центросоюза, губсоюзов, крупных потребительских обществ, ревизионных комиссий.

Из законодательных актов, относящихся к борьбе с отдельными видами злоупотребления, превышения и бездействия власти, следует назвать и Постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР «Об усилении ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе», изданное 26 февраля 1921 года. Это постановление было разработано и издано по предложению ВЦИК. Оно определяло обязательное направление в революционные трибуналы дел следующих категорий:

а) о превышении власти продовольственными агентами с явно корыстной целью;

б) о превышении власти, хотя и без корыстной цели, но сопровождавшимся дискредитированием советской власти и имевшим важные последствия;

в) о применении истязаний и вообще насильственных действий при выполнении разверстки;

г) о преступном нерадении или бесхозяйственности, имевших последствием порчу или гибель значительного количества заготовленных продуктов;

д) о других не перечисленных в предыдущих пунктах преступных деяниях, если совершение таковых обуславливалось совокупными действиями нескольких должностных лиц, а также если они носили организованный и (или) систематический характер¹.

К субъектам указанных в Декрете составов преступлений относились и должностные лица потребительской кооперации.

Таким образом, с первых же дней советской власти руководством страны был взят курс на «огосударствление» кооперации. И особенно наглядно это проявилось в период «военного коммунизма». Разумеется, это не могло не отразиться и на уголовно-правовой политике государства, проводимой в отношении кооперации, и в частности потребительской. Впервые в истории уголовное законодательство приравнило членов правления кооперативов, а также служащих к должностным лицам. Все они, как считалось, состояли на общественной службе. Приравнивание служащих потребительской кооперации к должностным лицам позволяло правоохранным органам советской власти привлекать их за различные преступления, совершенные по службе, как должностных лиц, например, за взяточничество, подлоги, спекуляцию, хищения и другие злоупотребления.

---

¹ СУ РСФСР. 1921. № 20. Ст. 122.

ГЛАВА 4.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ НЭПа: СОСТОЯНИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СЛУЖАЩИЕ АППАРАТА И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОВЕРШЕНИЕ ИМИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

4.1. Потребительская кооперация в годы НЭПа и правовое регулирование ее деятельности

Политика государства, проводимая в отношении кооперации в период с 1918 по 1920 год, привела, по существу, к ее огосударствлению. Новая государственная бюрократия получила право вмешиваться во внутреннюю жизнь кооперации.

По существу, в этот период произошла ликвидация независимого кооперативного движения в России¹, даже некоторые соратники В.И. Ленина стали открыто высказываться за ликвидацию кооперации за ее ненужность. Сам же В.И. Ленин был иного мнения о кооперации. Он признавал, что «кооперация, которая у нас в состоянии чрезмерного задушения, нам нужна»². В своей речи, посвященной вопросам потребительской и промысловой кооперации, В.И. Ленин особо подчеркнул роль потребительской кооперации: «Потребительская кооперация тоже должна быть поддержана и развита, ибо она обеспечит быстрое, правильное и дешевое распределение продуктов. Советские власти должны только проверять деятельность кооперации, чтобы не было обмана, не было утайки от государства, не было злоупотреблений, но ни в каком случае не стеснять кооперацию, а всемерно помогать и содействовать ей»³.

Положение кооперации в этот период соответствовало ситуации, складывавшейся в народном хозяйстве страны. В результате Первой мировой войны, иностранной интервенции и Гражданской войны оно было совершенно разрушено. Большинство фабрик и заводов стояло, рудники и шахты не работали, транспорт был выведен из строя. В стране не хватало самого необходимого: хлеба, мяса, обуви, спичек, соли, мыла и т.д. Объем производимой продукции в народном хозяйстве был значительно ниже уровня 1913 года⁴. Обстановка требовала принятия кардинальных решений в сфере экономики. После ожесточенных споров в руководстве РКП(б) о целесообразности изменения модели экономической политики в стране было принято решение о переходе к новой экономической политике НЭПу. 21 марта 1921 года ВЦИК из-

¹ Елютин О. Указ. соч. С. 61.

² Вахитов К.И. Указ. соч. С. 11.

³ Цит. по: Творцы кооперации: сборник / сост. Л.А. Самсонов. – Москва: Московский рабочий, 1991. С. 210-211.

⁴ См.: Меркулова А.С. Указ. соч. С. 45.

дал Декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». Согласно Декрету, разверстка продовольствия, сырья и фуража заменялась натуральным налогом¹. С переходом к НЭПу наступил новый этап в развитии потребительской кооперации. В условиях активизации частной торговли потребительская кооперация рассматривалась как средство борьбы с частным сектором экономики и дальнейшего всевозрастающего кооперирования населения. X съезд РКП(б) поручил ЦК выработать и провести в жизнь постановления, которые бы улучшили организационную структуру и деятельность кооперации. 7 апреля 1921 года Совет народных комиссаров издал Декрет «О потребительской кооперации»². В соответствии с этим Декретом потребительская кооперация освобождалась от подчинения Наркомпроду. Отношения между потребительской кооперацией и хозяйственными органами стали устанавливаться на основе договоров. Обязательная приписка населения к единым потребительским обществам (ЕПО) была сохранена, так как оставалось нормированное снабжение, но внутри ЕПО на основе добровольного членства организовались добровольные потребительские общества (ДПО), ставившие задачей закупку продовольствия для своих членов на внесенные ими авансы и вклады, а также обмен на сельскохозяйственную продукцию промышленных товаров, получаемых членами ДПО на фабриках и заводах в порядке натурального премирования³. В связи с этим при Центросоюзе были созданы Центральная секция рабочей кооперации (Церабсекция), объединившая рабочие кооперативы, и Центральная секция потребительских обществ работников железнодорожного транспорта (Транспосекция)⁴.

Возрождались взимание в ДПО членских паев, что в конечном итоге привело к процессу перевода всей кооперации на свои собственные источники существования⁵.

Потребительские общества наделяются правом организовывать предприятия по добыче и обработке продуктов, а также устраивать огороды и молочные фермы и другие предприятия подобного рода, выполнять поручения в области снабжения, заготовки и распределения, даваемые добровольными потребительскими объединениями, учреждениями и отдельными лицами. В Декрете было четко прописано, что никакие предметы продовольствия и широкого потребления, предоставляемые населению государством, не могут распределяться среди населения не иначе как через посредство потребительской кооперации.

---

¹ История государства и права (советский период): учебное пособие / И.В. Архипов, Н.Д. Варламова, Ю.М. Панихидин [и др.]; под ред. Ю.М. Панихидина. – Саратов: Слово, 1998. С. 52-59.

² Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150.

³ Меркулова А.С. Указ. соч. С. 47.

⁴ Вахитов К.И. История потребительской кооперации России: учебник. – Москва: Дашков и К°, 2007. С. 183.

⁵ Тычинин С.В. Очерк развития законодательства о кооперации в СССР (РСФСР) в период с октября 1917 по 1929 г. // История государства и права. 2004. № 2. С. 62.

Несмотря на придание потребительской кооперации некоторой самостоятельности, она еще сохраняла зависимость от государства. Например, на потребительские общества государством возлагались такие обязанности, как выполнение обязательных заданий продовольственных органов в области заготовок и обмена изделий фабрично-заводской и кустарной промышленности на продукты сельского хозяйства, а также распределение в стране всех предметов продовольствия и широкого потребления, заготовленных государством и полученных с национализированных фабрик и заводов, концессионных предприятий и вывезенных из-за границы.

В области выполнения едиными потребительскими обществами и их объединениями обязательных для них государственных заданий осуществлялся контроль за их деятельностью Народным комиссариатом продовольствия.

Таким образом, «в условиях НЭПа потребительская кооперация перешла сначала от распределительных операций к товарообмену и начала осуществлять два вида товарообмена: государственный по заданиям директивных органов и собственный по своей инициативе. Уже вскоре от товарообмена она переходит к обычной торговле»¹. Руководство единым потребительским обществом, в соответствии с Декретом, должно было осуществляться правлением, состоящим не менее чем из трех членов, и контрольно-ревизионным органом. Эти структурные подразделения формировались путем их избрания на общих собраниях всеми членами-пайщиками общества. Правом избирать и быть избранным во все органы управления и контроля потребительского общества пользовались все граждане, за исключением тех, кто лишен был этого права в соответствии с Конституцией РСФСР. Единые потребительские общества объединялись в губсоюзы. Правления союзов избирались собранием уполномоченных входящих в них потребительских обществ. Всероссийским объединением потребительских обществ был Центросоюз, правление которого избиралось уполномоченными из союзов.

В соответствии с нормативными предписаниями Президиум ВЦИК имел право вводить в состав правления ЕПО и их объединений своих представителей на равных началах с выборными членами правления.

В этот период в целях экономии средств и развития инициативы местных кооператоров Центросоюз в своей деятельности все больше опирался на губернские союзы и уменьшил число своих контор в разных районах страны с 40 до 17. Численность работников его центрального аппарата с 7000 человек при «военном коммунизме» была сокращена до 2850 с переходом к НЭПу. Сокращали свои штаты и губсоюзы². Потребительская кооперация находит все большее признание среди населения и осуществляет свою деятельность в различных сферах: сельской, городской, рабочей, школьной, транспортной и военной.

Кооператоры в это время настоятельно ставят вопрос перед советской властью о создании кооперативного банка. Это предложение было также от-

---

¹ Вахитов К.И. Теория и практика кооперации. С. 364.

² Вахитов К.И. История потребительской кооперации России: учебник. С. 183.

носителем быстро реализовано. 11 ноября и 1 декабря вопрос получил принудительное решение на заседании политбюро ЦК, а 13 декабря 1921 года СНК принял постановление разрешить учреждение банка потребительской кооперации (Покобанк). В феврале 1922 года Покобанк открыл свою деятельность¹. В феврале 1923 года Покобанк был преобразован во Всероссийский кооперативный банк (ВсеКоБанк). Это реорганизация способствовала развитию деятельности банка. В 1926 году его пайщиками являлись свыше 9 000 кооперативных организаций, а позднее эта цифра удвоилась. Но той самостоятельности, какой обладал МНБ (Московский народный банк), ВсеКоБанк не имел и зависел от государственной кредитной системы².

В 1921 году из потребительской кооперации «уходят» сельскохозяйственная, кредитная и промысловая и оформляются в самостоятельные, независимые от потребительской кооперации кооперативные системы. В этот период по настоянию общественности были приняты дальнейшие шаги по демократизации потребительской кооперации. 28 декабря 1923 года ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства». Этим постановлением отменялась обязательная приписка граждан к единым потребительским обществам. В постановлении отмечалось, что «вступление в члены потребительских обществ, равно как и выход из них, отныне становятся добровольными»³.

Кооперативное законодательство продолжительное время шло в русле ленинских идей развития кооперации. В связи с образованием СССР законодательство о кооперации, как и все другое законодательство, стало подразделяться на всесоюзное и республиканское⁴. В 1924 году были приняты союзные законы, которые регулировали отдельные виды кооперации. Одним из них был Декрет от 20 мая 1924 года «О потребительской кооперации»⁵. Закон СССР от 20 мая 1924 года «О потребительской кооперации» заложил основу развития советской потребительской кооперации и действовал со значительными изменениями вплоть до принятия Закона СССР от 26 мая 1988 года «О кооперации в СССР»⁶. Декретом от 20 мая 1924 года «О потребительской кооперации» предусматривалось добровольное вступление в общество и добровольный выход из него. Учреждение потребительских обществ осуществлялось явочным порядком при минимуме членов-учредителей в 30 человек. Все члены общества вносили одинаковые вступительные и паевые взносы. Устанавливались некоторые льготы при внесении взносов для беднейших групп населения.

---

¹ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 408-409.

² Вахитов К.И. Теория и практика кооперации: учебник. С. 373-374.

³ См.: Бердичевский Н.Г. Действующее законодательство о потребительской кооперации. Систематически-комментированный обзор. – Ростов-на-Дону: Буревестник, 1925. С. 8.

⁴ Цит. по: Тычинин С.В. Основы законодательного регулирования потребительской кооперации в России: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. С. 111.

⁵ Бердичевский Н.Г. Указ. соч. С. 9.

⁶ Тычинин С.В. Указ. соч. С. 112.

Органами управления потребительского общества являлись по Декрету: общее собрание или собрание уполномоченных и правление. Постановлением общего собрания (собрания уполномоченных) мог быть учрежден совет. Органом контроля являлась ревизионная комиссия.

Широкими полномочиями располагало общее собрание (собрание уполномоченных). Например, наряду с финансовыми и хозяйственными вопросами, оно правомочно было также решать вопросы исключения из потребительского общества, привлечения к ответственности членов правления, ревизионных комиссий, изменения и дополнения устава, прекращения действия общества и ряд других важных вопросов. Общее собрание решало все вопросы открытым голосованием, причем каждый участник собрания пользовался только одним голосом.

Исполнительным органом общества было правление, которое избиралось общим собранием и подчинялось ему. На правление возлагалось ведение всеми делами потребительского общества. Все вопросы решались коллегиально. На членов правления возлагалась солидарная ответственность. Избиралось правление сроком на один год и по составу должно было включать в себя не менее трех человек.

Совет потребительского общества был как бы вспомогательным органом для собрания уполномоченных. Быть совету или нет, решало само общество. По Декрету его создание было не обязательным. Совет избирался на тот же срок, что и правление, функции и состав его определялись уставом или чаще всего особой инструкцией, утверждаемой общим собранием уполномоченных.

Для контроля над действиями органов управления общества и ведением в нем дел общим собранием (собранием уполномоченных) избиралась ревизионная комиссия. В состав комиссии должно было быть избрано не менее трех членов и двух кандидатов к ним сроком на один год. При этом членами ревизионной комиссии не могли быть лица, состоящие в правлении или на службе в обществе. Круг полномочий ревизионной комиссии был достаточно широк. Но в основном ею осуществлялся контроль за движением товарно-материальных ценностей во всех предприятиях потребительского общества. Комиссия готовила по результатам контроля годовые отчеты о результатах финансовой и хозяйственной деятельности предприятий общества и представляла их общему собранию (собранию уполномоченных). Объектом контроля были и действия правления, о чем также информировалось общее собрание. В компетенции комиссии находился вопрос рассмотрения жалоб на правление и составления по ним заключений¹.

В соответствии с Декретом членами общества могли быть граждане, не лишенные избирательных прав, достигшие 16 лет, учредителями – 18 лет. Вместе с тем некоторой категории лиц доступ в потребительские общества был закрыт. Так, не могли быть его членами лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, живущие не на трудовой доход, частные

---

¹ Бердичевский Н.Г. Указ. соч. С. 14-16.

торговцы, торговые и коммерческие посредники, монахи и духовные служители церквей и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, душевно больные, умалишенные, состоящие под опекой и осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором¹. В соответствии с Декретом от 20 мая 1924 года потребительским обществам предоставлялось право объединяться в губернские, районные и областные (краевые) союзы. Местные союзы (районные и т.д.) каждой союзной республики объединялись в республиканский союз потребительской кооперации.

В РСФСР таким союзом являлся Центросоюз РСФСР². В общем виде схема союзного строительства потребительской кооперации выглядела следующим образом:

1. Потребительские общества объединяются в местные союзы.
2. Местные союзы – в союзы союзных республик.
3. Союзы союзных республик – в общесоюзный союз.

Однако с разрешения центров потребительской кооперации союзных республик могли образовываться областные союзы и быть членами Центросоюза РСФСР. Например, Сибкрайсоюз (областной (краевой) Сибирский союз), который объединял всю сибирскую кооперацию; Севзапсоюз (Союз Северо-Западной или Ленинградской области); Уралоблсоюз и т.д. Словом, вся потребительская кооперация пошла по пути организации областных союзов. Кроме того, крупные Центральные рабочие кооперативы (ЦРК), обслуживающие большие города, такие как Тула, Свердловск и др., являлись непосредственно членами республиканского объединения, минуя районный и областной уровень. Все эти вместе взятые организации составили многоступенчатую систему потребительской кооперации. Потребительские общества, членами которого являлись граждане, относились к кооперативам первой степени. Отсюда в теории их стали называть первичными кооперативами. Союзы, объединявшие потребительские общества, – кооперативными организациями второй степени. Союзы, членами которых состоят организации второй степени, – кооперативными организациями третьей степени и т.д.³

Свою деятельность потребительские общества осуществляли на основе уставов, которые принимались общим собранием членов кооператива. Уставы потребительских обществ и их союзов должны были соответствовать нормальным уставам, утверждаемым Совнаркомом Союзных Республик, в соответствии с Декретом от 20 мая 1924 года⁴.

---

¹ Там же. С. 10.

² Бердичевский Н.Г. Декрет о потребительской кооперации 20 мая 1924 г. – 2-е изд.: практический постатейный комментарий. – Москва: Центросоюз, 1925. С. 28-29.

³ Тычинин С.В. Основы законодательного регулирования потребительской кооперации в России. С. 113-114.

⁴ Бердичевский Н.Г. Декрет о потребительской кооперации 20 мая 1924 г.: практический постатейный комментарий. С. 31-33.

Регистрация потребительских обществ и их союзов осуществлялась органами Народного комиссариата по внутренней торговле как в центре, так и на районном уровне¹.

Потребительская кооперация проводила воспитательную и просветительную работу среди населения. Создавались кооперативные библиотеки, проводилась лекционная пропаганда, издавались книги, брошюры, газеты, демонстрировались пайщикам кинофильмы и т.д. Кооперативные организации открывали и содержали сотни пунктов ликвидации неграмотности пайщиков².

Использование потребительской кооперацией предоставленных ей государством льгот по налогообложению, банковским кредитам, перевозке грузов по железной дороге, проведение широкой культурно-массовой работы среди населения «способствовали быстрому развитию кооперации, росту числа пайщиков, расширению торговой сети, увеличению объемов товарооборота»³.

К концу НЭПа потребительская кооперация во всех отношениях – численном, хозяйственном, организационном – значительно окрепла. Она становится основным самым мощным товаропроводящим каналом и объединяет 37,8 млн пайщиков, доля в товарообороте страны достигла 63,3%⁴.

По мнению многих теоретиков кооперации, годы НЭПа были самыми благоприятными для потребительской кооперации. В этот период в кооперативной и юридической литературе стал широко обсуждаться вопрос о юридической природе потребительской кооперации. Некоторые исследователи считали, что правовые положения, заложенные законодателем в постановлении ЦИК и СНК СССР от 28 декабря 1923 года «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства» и Декрете от 20 мая 1924 года «О потребительской кооперации», вернули потребительской кооперации присущий ее юридической природе частноправовой характер⁵.

Однако существовали по этому вопросу и другие прямо противоположные точки зрения. Например, Г.К. Рогинский и М.С. Строгович утверждали, что современная кооперация в условиях НЭПа не потеряла своего публично-правового характера, не обратилась и даже не приобщилась к частной организации, но ее публично-правовая природа изменилась: из государственного органа она обратилась в общественную организацию, преследующую в своей деятельности публичные цели, для достижения которых удовлетворение частных интересов членов кооперации является лишь средством. Для кооперации в капиталистическом государстве удовлетворение частных интересов ее членов является конечной целью, для советской же коопе-

---

¹ Там же. С. 33.

² Вахитов К.И. История потребительской кооперации России: учебник. С. 192.

³ Коряков И.А. Указ. соч. С. 149.

⁴ Макаренко А.П. Указ. соч. С. 258, 260.

⁵ Бердичевский Н.Г. Действующее законодательство о потребительской кооперации: систематически-комментированный обзор. – Ростов-на-Дону: Буревестник, 1925. С. 9.

рации в условиях НЭПа удовлетворение интересов ее членов является лишь средством для достижения публичной цели – организации хозяйственной жизни страны в направлении перехода к социалистической организации народного хозяйства. При таком положении кооперации она ни в коем случае не может быть приравнена к частной организации, но вместе с тем не является государственным органом, каким она была в эпоху военного коммунизма»¹. В декретах о потребительской кооперации не указывалась публичная цель этого вида кооперативных организаций, но Нормальный устав потребительского общества, утвержденный СНК РСФСР 21 ноября 1924 года, устанавливал, что «общество потребителей обслуживает потребительские хозяйственные нужды своих членов и содействует, путем кооперативной взаимопомощи, поднятию их материального благосостояния и культурного уровня в целях осуществления начал социалистического строительства»². По мнению Г.К. Рогинского и М.С. Строговича, публичная цель деятельности потребительских обществ здесь была вполне очевидна³.

О публично-правовом характере кооперации и одной из ее самых значительных ветвей потребительской кооперации свидетельствовали некоторые нормы Гражданского кодекса РСФСР 1922 года. На основании ст. 52 ГК РСФСР различалась собственность: а) государственная (национализированная и муниципализированная), б) кооперативная, в) частная⁴.

Следует также отметить, что в этот период служащие кооперативных организаций приравнивались к государственным служащим.

Исследователи, видевшие в потребительской кооперации частноправовые черты, обосновывали это тем, что она якобы за годы новой экономической политики возродила в своей деятельности классические кооперативные ценности. Безусловно, потребительская кооперация приобрела за эти годы многое, что было утрачено ею по вине советской власти в эпоху «военного коммунизма». Но тем не менее она осталась зависимой от государства и находилась под его контролем. По мнению теоретиков кооперации, «НЭП восстановил в правах товарно-денежные отношения. Допущенное в определенных рамках частное предпринимательство привело к некоторому разгосударствлению кооперации. Но судьба ее с этих пор зависела от того, как сильно натягивался государственный регулирующий поводок. Существование кооперации определяло ее соотношение не с частным капиталом (как в других странах), а с государственным сектором экономики»⁵.

Период НЭПа для потребительской кооперации был периодом относительно свободного внутреннего самоуправления, но отнюдь, заметим, не свободным.

---

¹ Рогинский Г.К., Строгович М.С. Указ. соч. С. 14.

² Рогинский Г.К., Строгович М.С. Указ. соч. С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ См.: Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. Отечественное законодательство XI-XX вв.: пособие для семинаров. Часть 2 (XX в.) / под ред. проф. О.И. Чистякова. – Москва: Юрист, 2002. С. 155-156.

⁵ См.: Елютин О. Указ. соч. С. 61.

Государство, используя потребительскую кооперацию как средство борьбы с частным капиталом, тщательно контролировало ее деятельность. Для этого использовались финансовые, кредитные, налоговые и другие меры воздействия на кооперацию. Советская власть откровенно вмешивалась в хозяйственную и управленческую деятельность кооперации путем партийного давления, внедряя в ее ряды коммунистов, не имеющих опыта кооперативной работы и в большей части малограмотных. По мнению Л.Е. Файна, партийный контроль за деятельностью потребительской кооперации был установлен еще в 1919-1920 годах, когда правление Центросоюза оказалось в руках десяти назначенных политбюро ЦК членов. Ослаблять контроль ЦК РКП(б) пока не собирался¹.

К тому же и в советском законодательстве, в том числе и уголовном, подчеркивался ее публично-правовой характер.

Вопрос о юридической природе потребительской кооперации в период НЭПа имел важное значение для установления уголовной ответственности ее служащих за должностные преступления. Если следовать позиции, что потребительская кооперация обладала чертами частноправовой организации, тогда невозможно было бы привлечение кооперативных служащих к ответственности за преступления указанной категории. Между тем они привлекались за их совершение по УК РСФСР 1922 года.

Таким образом, резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Для потребительской кооперации годы новой экономической политики были самыми благоприятными. Советская власть вынуждена была пойти на демократизацию принципов ее деятельности.

2. В период НЭПа государство использовало потребительскую кооперацию для борьбы с частной торговлей и рассчитывало с ее помощью окончательно вытеснить частный элемент с советского рынка.

3. Потребительская кооперация получала со стороны государства финансовую поддержку, кредиты, налоговые льготы и другую помощь.

4. Управление делами потребительских обществ осуществлялось на демократических началах. Члены (пайщики) потребительских обществ сами решали, кого выбирать из своих представителей в правление, советы и контролирующие органы. Высшим органом управления в них являлось общее собрание членов. Каждое потребительское общество осуществляло свою деятельность на основании принятых на общих собраниях уставов с последующей их регистрацией в органах власти.

5. Нельзя, на наш взгляд, утверждать, что в годы НЭПа потребительская кооперация обрела свою имманентно присущую ей юридическую природу – частноправовую. Несмотря на многие, казалось бы, уступки, сделанные в ее адрес государством, она по-прежнему оставалась публично-правовой организацией. Вмешательство государства в ее хозяйственную и внутреннюю деятельность осуществлялось как на государственном, так и на партийном уровне.

---

¹ Файн Л.Е. Указ. соч. С. 449.

не. Советское законодательство, в том числе и уголовное, рассматривало потребительскую кооперацию как общественную организацию, существующую для выполнения задач, поставленных перед ней партией большевиков и советским правительством.

4.2. Служащие аппарата потребительской кооперации и факторы, влияющие на совершение ими должностных преступлений

Управленческая деятельность в потребительских обществах осуществлялась кооператорами, которые представляли различные слои общества. Преимущественно это были рабочие и крестьяне, не имеющие опыта кооперативной работы. Большое значение придавалось партийному статусу работника. На все руководящие должности, как правило, рекомендовались коммунисты. Начало такой кадровой политики было положено еще в период, когда была введена обязательная приписка всех граждан к потребительским обществам. Советская власть, желая полностью заменить «буржуазный кооперативный аппарат», предоставила широкие возможности беднейшим слоям населения встать у руля этого аппарата. Политика «вытеснения» из органов управления потребительскими кооперативами «старых специалистов» была продолжена и в годы новой экономической политики. В 1924 году П.Н. Комиссаров на основе проведенного анализа кадрового состава кооперации констатировал, что по социальному положению в городской и рабочей кооперации наблюдается значительное преобладание рабочих, а в кадрах сельской кооперации огромное большинство крестьян. Исследуя партийный состав правлений кооперативной сети, он пришел к выводу, что основные командные посты в кооперации заняты коммунистами. Только в правлениях райсоюзов, губернских и областных союзов процент партийных составлял 75, а беспартийных – 25¹.

Партия большевиков пыталась как можно больше внедрить коммунистов в кооперативные организации. По постановлению ЦК РКП(б) для работы в кооперации в 1924 году было мобилизовано 1 367 коммунистов. Большинство из них было направлено на работу в низовые кооперативы. По мнению большевиков, именно деревенские кооперативы находились в наиболее тяжелом положении и именно они, по их убеждению, закладывали фундамент социализма в деревне².

Фактически все руководящие должности в потребительской кооперации занимали коммунисты. Советская власть посредством внедрения своих представителей-коммунистов проводила «нужную» ей политику в отношении потребительской кооперации. Между тем на качестве работы потребительских

---

¹ Комиссаров П.Н. Потребкооперация: ее достижения и недостатки. Центросоюз. – Москва, 1925. С. 62-63.

² Больше коммунистов на кооперативный фронт // Уральский кооператор – Журнал Уральского областного союза кооператоров. 1924. № 2 (21). С. 17.

обществ это не сказывалось, а наоборот, некомпетентность, прикрытая партийностью, приводила к различного рода злоупотреблениям по службе.

Непоправимый вред потребительской кооперации причиняли часто практикующиеся советской властью так называемые чистки кооперативных рядов. В конце 20-х годов значительный удар по кооперации был нанесен очередной «чисткой» кооперативного аппарата. Она была организована по инициативе ЦК РКП(б). В результате из Центросоюза было уволено 546 квалифицированных работников. Вакантные места занимали коммунисты, рекомендованные ЦК партии и партийными организациями на местах из среды рабочих, крестьян или актива сельских советов – представителей бедноты, чаще всего малограмотных, не имеющих опыта работы в кооперативах. Кооперация была лишена работоспособных органов управления¹.

Однако было бы величайшим заблуждением советской власти считать, что только внедрением в кооперативный аппарат большего числа коммунистов можно было правильно наладить его работу. К сожалению, «подавляющее большинство работников кооперативных органов имело начальное образование, значительная часть их была малограмотной. В торговые, финансовые и товарные отделы райсоюзов и потребобществ привлекались люди, не имеющие квалификации и достаточного опыта работы. Это приводило к снижению качества ведения делопроизводства и учетов кооперативов»². «Армия недостаточно подготовленных кооперативных работников, в числе которых имеется большой процент «молодняка» из членов партии, комсомола, красноармейцев и рядовых крестьян, конечно, сильно подрывает работу кооперации, задерживает ее развитие», – писал И. Новиков. Идейно эта армия с нами, – отмечал он, – она инстинктивно за кооперацию и против приемов бывших купцов, ростовщиков и трактирщиков, и весь ее основной грех – в неумении вести хозяйственную работу»³.

В потребительскую кооперацию приходили люди, «не умеющие» работать в такой общественной организации. Они не знали кооперативной работы, не умели правильно ее поставить, а это, в свою очередь, порождало всеобщую бесхозяйственность и безответственность, зачастую приводящую к недостаткам и совершению должностных преступлений.

Большое значение в плане предупреждения должностных растрат имел стаж работы в общественных организациях. По этому поводу А. Стельмахович писал: «Стаж работы играет чрезвычайно существенную роль: чем больше работает данное лицо в учреждении, чем больше связывается с его интересами, чем больше акклиматизируется, тем больше силы противодействия соблазну растраты в нем вырабатывается»⁴. По его данным, свыше 54% рас-

---

¹ Коряков И.А. Указ. соч. С. 158-159.

² Бехтерева Л.Н. Потребительская кооперация Удмуртии в период НЭПа (1921-1929 гг.) // Отечественная история. 2008. № 3. С. 73-74.

³ Новиков И. Злоупотребления в кооперации и борьба с ними // Союз потребителей. 1925. № 9. С. 41.

⁴ Стельмахович А. Борьба с растратами. Новая Москва. – Москва, 1925. С. 14-15.

трат производилось в первый же год службы, и наибольшее число растрат приходилось на лиц со стажем менее шести месяцев¹. Между тем текучесть кадров была серьезной проблемой в кооперативных организациях. Например, Л.Н. Бехтерева отмечает, что в течение 1926 года в Киби-Жикьянском ЕПО Вавожской волости Можгинского уезда (Удмуртии) состав правления менялся восемь раз, приказчиков – шесть раз и счетоводов – четыре раза. Это отражалось на качестве всей работы кооператива². Явление подобного рода было характерно для большинства потребительских обществ. Текучесть кадров в потребительской кооперации не способствовала укреплению ее управленческого аппарата, более того, частая их сменяемость являлась благодатной почвой для совершения различного рода злоупотреблений по службе.

Это свидетельствовало и о неудовлетворительной работе по подбору кадров в управленческий аппарат потребительской кооперации. Надо сказать, что кадровые проблемы преследовали кооперацию весь советский период ее существования. По мнению многих исследователей, кадровые проблемы в кооперации во многом были причиной роста служебных и корыстных преступлений среди кооперативных управленцев. Так, А.Н. Мемешкин, сравнивая количественное соотношение злоупотреблений в дореволюционной кооперации и кооперации в период НЭПа, отмечал, что «если в дореволюционной кооперации бывали случаи злоупотреблений, то эти случаи являлись единичными и никогда не принимали характера той повальной эпидемии, которую мы наблюдаем сейчас. Здесь недостача товаров у приказчика, тут не хватает денег у казначея, тут сбежал счетовод с кооперативными деньгами, проворовался член правления, пропился в обществе проституток председатель, симулировал ограбление закупщик и т.д. и т.п.»³.

И. Новиков на примере Курской губернии обращал внимание, что, по данным официальных исследований за 1923-1924 годы, общая сумма расхищенного кооперативного имущества определялась колоссальной цифрой – 300 тысяч рублей только по одной потребительской кооперации. Подавляющая часть этих денежных средств была расхищена именно самими правлениями и служащими кооперативов⁴.

Интерес представляют данные, приведенные С. Тагер, о соотношении кооперативных служащих, привлеченных к уголовной ответственности за растраты, находящихся на выборных должностях и служивших по найму. Так, за январь-июль 1925 года было привлечено к ответственности 6994 выборных кооператора и 6247 наемных служащих. В отдельных губерниях количество выборных работников – растратчиков значительно превышало количество растратчиков из наемных служащих. В Северо-Кавказском крае на 607 растратчиков выборных работников приходилось 409 наемных, в Ново-

¹ *Стельмахович А.* Указ. соч. С. 14-15.

² *Бехтерева Л.Н.* Указ. соч. С. 74.

³ *Мемешкин А.Н.* Злоупотребления в потребительской кооперации Урала и методы борьбы с ними (по материалам орготдела Уралоблсоюза). – Свердловск: Уралоблсоюз, 1926. С. 5.

⁴ *Новиков И.* Указ. соч. С. 39.

Николаевской губернии на 264 – 106, в Смоленской на 219 – 123, в Орловской на 231 – 114 и т.д.¹ По мнению автора, необходимо было принять все меры к тому, чтобы в выборные кооперативные органы попадали в результате сознательно проводимых выборов лишь люди, действительно пользующиеся доверием населения и притом более или менее подготовленные к предстоящей им работе². Это говорило о том, что пайщики, являющиеся основными выборщиками, доверяли руководящие посты лицам, далеким от идеалов и интересов кооперации. Таким образом в потребительскую кооперацию проникали люди, которые рассматривали работу в кооперативном аппарате через призму личных корыстных интересов. Этой психологией иждивенчества, паразитизма и стяжательства «заражались» многие и многие кооператоры. В том числе и доверенные представители от ЦК РКП(б) – коммунисты, призванные ею для укрепления аппарата кооперации.

К уголовной ответственности за злоупотребление по службе, и в особенности за должностные растраты, чаще всего привлекались служащие низовой кооперации. Это приказчики, заведующие магазинами, председатели и члены правления, руководители и члены ревизионных комиссий. Например, при обследовании инструкторами 35 сельских потребительских обществ в 31 потребительском обществе установлено было растрат, хищений и недостач на 58 тысяч рублей. Виновные – члены правлений и приказчики.

Одной из главных причин, толкающих на растрату в низовой кооперации, было, по утверждению В.Г. Лебединского, появление у кооперативных работников сознания полной безотчетности перед кем бы то ни было. Работа деревенского кооператива всецело зависела от приказчика и членов правления: члены потребительских обществ, к большому сожалению, редко интересовались делами своего кооператива, другие вышестоящие кооперативные объединения – райсоюзы и Центросоюз – очень часто за недостатком инструкторского аппарата слабо проявляли свой надзор за работой деревенской сети кооперативов. Ревизионные комиссии зачастую не знали своих прав и обязанностей, и кооперативы не ревизовались по нескольку месяцев. Все это создавало такую обстановку, что у некоторых неустойчивых людей из кооперативных работников появлялось желание общественные денежки переложить в свой собственный карман, надеясь, что это пройдет незамеченным и безнаказанным³. В кооперативной литературе и в циркулярах Центросоюза не раз указывалось на слабую работу такого органа контроля в потребительской кооперации, как ревизионная комиссия.

Ревизионные комиссии, как правило, совершенно бездействовали или подходили к своему делу по-чиновничьи, формально, лишь бы как-нибудь отбыть тягостную обязанность. Растратчик долгое время (иногда целыми ме-

---

¹ Тагер С. Борьба с растратами в кооперации // Союз потребителей. 1926. № 2-3. С. 134.

² См.: Нечаев А. Хищения, растраты и недочеты в кооперации // Союз потребителей. 1925. № 9. С. 24.

³ Лебединский В.Г. Как советская власть борется с преступностью в кооперации. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1927. С. 24-25.

сящими и годами) чувствовал себя совершенно свободным от контроля и в безопасности, отмечал С. Тагер¹.

Действительно, во многих кооперативных источниках мы находим данные, что большинство уголовных дел, связанных с халатностью, должностными растратами в потребительской кооперации, возбуждались не по инициативе и материалам ревизионных комиссий, а по фактам, выявленным, как правило, правоохранительными органами либо посторонними организациями.

Небезынтересным представляется вопрос о мотивации совершения должностных преступлений служащими потребительской кооперации. Ознакомление с исследованиями, проведенными теоретиками уголовного и кооперативного права, показывает, что доминирующим мотивом являлась корысть, затем пьянство, неподготовленность работников и иные побуждения. Неподготовленность работников к кооперативной работе связывалась с отсутствием правильного учета, небрежным ведением счетоводства, хаосом в делопроизводстве и т.д.

Например, приказчик чайной лавки был осужден за халатность по ст. 110 УК РСФСР 1922 года. Халатное отношение к службе выражалось в том, что приказчик Рождественского ЕПО с октября 1925 года по апрель 1926 года несвоевременно являлся на службу и нередко в нетрезвом состоянии. На момент проверки была обнаружена недостача².

В данном случае пьянство и безответственность привели служащего потребительской кооперации к совершению преступления по службе. Однако вызывает возражение, что пьянство и неподготовленность работников кооперации можно было отнести к мотивам преступления. Это были проявления объективного характера, выражающие отношение субъекта преступления к порученному делу, к службе. Разумеется, они являются результатом сформировавшихся внутренних побуждений, т.е. мотивов. Однако сами по себе они не могли быть мотивами служебного преступления. Возможно, что они были скрыты в обстоятельствах, связанных с семьей, отношением к обществу, коллективу, к самому себе. Должностные преступления в потребительской кооперации совершались по разным мотивам, например, злоупотребления властью или служебным положением совершались по корыстным мотивам или иной личной заинтересованности. В основе получения взятки и служебного подлога лежали корыстные мотивы. Дискредитировать власть и превысить ее можно было по различным мотивам – по мотивам мести, ненависти и т.д. Правильное установление мотива совершения служебных преступлений имело важное значение для квалификации содеянного и характеристики личности. Другим немаловажным фактором, способствующим разложению кооперативного аппарата, следует считать вмешательство в оперативную, организационную и хозяйственную деятельность кооперативов местных органов власти: волисполкомов, сельсоветов, милиции³. Часто под административным

---

¹ Тагер С. Указ. соч. С. 135.

² Судебная практика. 1927. № 11. С. 20-21.

³ Бехтерева Л.Н. Указ. соч. С. 74-75.

давлением происходила корректировка планов, открывались лавки, заключались невыгодные контракты, выделялись непредусмотренные средства на всевозможные пожертвования, шефскую помощь и т.д.¹ Служащие советских госучреждений кредитовались в потребительских обществах, причем все это осуществлялось на безвозмездной основе, и в результате в кооперативах образовывались большие суммы долга, которые никогда не возвращались. Например, А.Н. Мемешкин в своей работе «Злоупотребления в потребкооперации Урала и методы борьбы с ними» писал, что «судя по докладу инструктора Уралоблсоюз и конкретно на примере одного из округов (Сарапульского), основная болезнь потребобществ этого округа заключается в очень солидной дебиторской задолженности, составляющей в среднем до 20% баланса и неуклонно растущей. Эта дебиторская задолженность образовалась преимущественно благодаря растратам и «самокредитованию» должностных кооперативных лиц, до сих пор не только не подвергнутых взысканию, но даже не снятых с кооперативной работы. Росту задолженности способствует также и то, что целый ряд ответственных районных работников не только не борется с разбазариванием кооперативных ценностей, но сами кредитуются в кооперативах и не платят.

За этим в докладе следует длинный «синодик» неплательщиков и растратчиков, среди которых мы видим: начальника милиции (быв. предправления) – растратил с помощью подлога 2 000 рублей; председателя правления общества – 1 188 рублей; судью, секретаря Райкома, Предрика и т.д. и т.д.»².

В этой связи И. Новиков писал о необходимости оказания твердого и решительного отпора посягательствам отдельных лиц и учреждений (от кого бы они не исходили) смотреть на кооперативную организацию как на дойную корову. Всевозможные товарные и денежные отпуска по личным требованиям и запискам учреждений и лиц необходимо решительно изгонять из кооперативной практики³. К сожалению, эта порочная практика продолжала существовать как в более поздний советский период, так и постсоветский. К чему приводили такие связи руководителей потребительской кооперации с должностными лицами советских учреждений, вполне понятно, – к покровительству и попустительству, в конечном счете к совершению преступлений по службе.

Необходимо, на наш взгляд, отметить еще одно обстоятельство, которое негативно сказывалось на управлении потребительской кооперацией. Советская власть начиная с 1917 года постоянно проводила над кооперацией «эксперименты», сущность которых заключалась в изменении ее организационных форм. Период «военного коммунизма», «время новой экономической политики» заставляли власть изыскивать новые способы и методы завладения потребительской кооперацией, приспособления ее к нуждам государства. Вот что по этому поводу писал теоретик кооперации А. Нечаев: «Десять лет потребительская кооперация переживала период бурного роста, переплетавше-

---

¹ Там же. С. 74-75.

² Мемешкин А.Н. Указ. соч. С. 7.

³ Новиков И. Указ. соч. С. 42.

гося с коренными изменениями ее организационных форм и основных, политических и экономических условий для ее работы.

Кооперативы часто меняли свои уставы и свои вывески, и не прошло еще полного года, когда потребительская кооперация в последний раз закончила массовую кампанию по районированию и переходу на новые уставы. Кооперация так быстро и часто перестраивала свой фронт, что она не могла обратить надлежащего внимания на качество своей работы, не могла полностью и своевременно осваивать все то новое, что вливалось в нее после каждой перестройки»¹.

По мнению А.Н. Мемешкина, частые изменения организационных форм кооперации создавали чрезвычайно благоприятную почву для развития злоупотреблений со стороны любителей «покормиться у общественного пирога» и взять там, «где плохо лежит». А этих «любителей» было немало в самом аппарате кооперации².

Реорганизация потребительской кооперации, характеризующаяся частыми преобразованиями ее организационных форм и правовых установлений, не способствовала улучшению качества работы управленческого аппарата и создавала условия для совершения служащими должностных преступлений.

Борьбе со злоупотреблениями по службе в аппарате кооперации уделялось много внимания как со стороны правоохранительных органов, так и Центросоюза. Центросоюз в циркулярах, посвященных борьбе с должностными преступлениями, и особенно с растратами, как указывал на их причины, так и предлагал конкретные меры по их устранению. Тем не менее количество должностных преступлений, совершаемых служащими потребительской кооперации в 20-е годы, оставалось еще весьма значительным, и особенно много было должностных растрат. Как мы ранее отмечали, одной из самых острых проблем, стоящих перед потребительской кооперацией, была кадровая проблема. В кооперации катастрофически не хватало настоящих специалистов, способных, грамотных управленцев, знающих кооперативное дело не понаслышке. Для того чтобы такие специалисты выбирались в управленческий аппарат потребительской кооперации, сами выборы должны были быть свободными. О свободе выборов и о том, как оздоровить обстановку в кооперации, говорил на XIV Конференции РКП(б) Председатель Совета народных комиссаров А.И. Рыков. «Свобода выборов в кооперативные органы управления, полная ответственность и подотчетность выборных органов перед избирателями, точнейшее соблюдение уставов, замена методов администрирования, командования, нажима развитием и усилением общественной работы – вот основные пути к изживанию недостатков кооперативного строительства»³.

---

¹ Нечаев А. Хищение, растраты и недочеты в кооперации // Союз потребителей. 1925. № 9. С. 19.

² Мемешкин А.Н. Указ. соч. С. 4.

³ Цит. по: Полянский Н. Должностные растраты, их уголовное преследование. – Москва: Правовая защита, 1926. С. 7.

Предложенные меры должны были бы при условии их полной реализации привести к существенной демократизации и усилению общественной работы в кооперации. К тому же, как следствие, сократилось бы количество должностных преступлений. Однако на деле все обстояло иначе. Свободных выборов либо вообще не было, либо придавалась лишь видимость проведения их свободными. Уставы соблюдались, но не всеми кооператорами. Совершались методы администрирования, командования и нажима как внутри кооперации, так и со стороны властных государственных структур. В конечном итоге в конце 20-х – начале 30-х годов потребительская кооперация была подвергнута полному «огосударствлению».

Таким образом, факторы, влияющие на совершение должностных преступлений служащими потребительской кооперации, были весьма многообразны. Они были детерминированы экономическими и политическими условиями, в которых находилась страна. Потребительская кооперация, как, впрочем, и вся кооперация, осуществляла свою деятельность в рамках задач, которые ставила перед ней советская власть и партия большевиков. Поэтому значительная часть кооперативных работников воспринимала субъективно кооперацию как некий государственный орган, и потому как «кормушку» для личного обогащения, действуя при этом по правилу «государство не обеднеет». Само же государство не желало предоставлять кооперации полной свободы деятельности и возвращать кооперативные ценности и принципы, которые гарантировали бы ей свободный и демократический путь развития.

ГЛАВА 5.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СЛУЖАЩИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ (СЛУЖЕБНЫЕ) ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО УК РСФСР 1922 ГОДА И УК РСФСР 1926 ГОДА

5.1. Служащий потребительской кооперации как субъект должностных преступлений по УК РСФСР 1922 года

В период НЭПа успешно проводилась работа по систематизации советского права. В 1922-1924 годах было разработано и принято несколько кодексов – Гражданский, Уголовный, Земельный, Лесной, Уголовно-процессуальный, Гражданско-процессуальный, КЗОТ и Исправительно-трудовой.

Кодификация права преследовала следующие цели: создание прочной законодательной основы НЭПа, рыночных отношений, становление единообразного законодательства и строгое исполнение законов, а также недопущение разрушительного влияния капиталистических отношений на политическую систему с помощью правовых ограничений¹.

Первый Уголовный кодекс РСФСР был введен в действие с 1 июня 1922 года². Должностные (служебные) преступления были систематизированы законодателем в главе второй, которая включала в себя 14 статей. Предусматривалась уголовная ответственность за злоупотребление властью (ст. 105), превышение власти (ст. 106), бездействие власти (ст. 107), халатное отношение к службе (ст. 108), дискредитирование власти (ст. 109), злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к службе (ст. 110), постановление неправосудного приговора (ст. 111), незаконное задержание, незаконный привод, принуждение к даче показаний при допросе (ст. 112), присвоение должностным лицом денег или иных ценностей (ст. 113), получение взятки (ст. 114), провокация взятки (ст. 115), служебный подлог (ст. 116), разглашение должностными лицами неподлежащих оглашению сведений (ст. 117), непредоставление должностными лицами в срок необходимых сведений, справок, отчетов и т.п. (ст. 118).

Уголовный закон был принят в период перехода к новой экономической политике, когда разрешена была частная торговля, существовало множество мелких частных предприятий, банков. Допускался государственный капитализм в виде концессий. В это же время государство предпринимает шаги, направленные на демократизацию устройства и деятельности кооперации. В этой связи в кооперативной литературе стали высказываться суждения о

---

¹ См.: История государства и права России (советский период): учебное пособие / И.В. Архипов, Н.Д. Варламова, Ю.М. Понихин [и др.]; под ред. Ю.М. Понихина. С. 82.

² См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

том, что кооперация, и в частности потребительская, вновь приобрела черты частноправовой организации. В этих условиях вопросы квалификации преступлений, совершаемых по службе лицами, осуществляющими управленческие функции в организациях негосударственного сектора экономики, проблемы их разграничения с должностными преступлениями приобрели особую остроту и актуальность. Например, А.Р. Гюнтер отмечал, что иногда было невозможно отделить и провести точную демаркационную линию между должностным лицом, являющимся активным субъектом публично-правового отношения, и должностным лицом, являющимся активным субъектом частноправового отношения.

Зачастую одно и то же лицо рассматривается то как носитель публично-правовых функций, то как носитель функций чисто хозяйственных, частноправовых¹. В юридической литературе обращалось внимание на проблемы в правоприменительной практике при решении вопросов, связанных с квалификацией должностных (служебных) преступлений. Практики указывали на несовершенство уголовного закона в части определения понятия должностного лица. Так, М. Черняев писал: «В процессе работы по квалификации преступлений, совершенных «должностными лицами», на месте происходит масса недоразумений, так как примечание ст. 105 УК, действительно, очень смутно разъясняет понятие «должностное лицо»². Понятие должностного лица в уголовном праве, признаки, его определяющие, стали предметом дискуссий в теории уголовного права, которые затянулись на долгие годы. В примечании к ст. 105 УК РСФСР 1922 года законодатель сформулировал понятие должностного лица следующим образом: «должностными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач»³. Из смысла данного определения следовало, что занятие какой-либо должности в государственном или общественном учреждении, предприятии или организации выступало в качестве главного основания для отнесения того или иного субъекта к категории должностных лиц, так как деятельность указанных структур как части пролетарского государства целиком и полностью считалась подчиненной выполнению задач общегосударственного характера⁴. При этом понятие «должностное лицо» трактовалось весьма широко. Вот что по этому вопросу писал

---

¹ Гюнтер А.Р. Должностные преступления. Уголовные кодексы УССР и РСФСР (сравнительный текст и комментарий) / под ред. М.Е. Шаргея, С.А. Пирогова и Ю.П. Мазуренко. Вып. 5. – Харьков: Наркомюст УССР, 1928. С. 3.

² Черняев М. Неясность понятия «должностное лицо» и кассационная практика Верховного суда // Еженедельник Советской юстиции 1925. № 44-45. С. 1369.

³ СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

⁴ См.: Изосимов С.В. Теоретико-прикладной анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. .... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2004. С. 40.

А.А. Жижиленко: «Так как по самому духу существующего советского строя, всякий служащий, занимая определенное место, выполняет определенные задачи общегосударственного характера, то с точки зрения современного строя всякий служащий является в то же время должностным лицом, как бы ни была незначительна его функция в общей системе управления. Должность есть известное место по службе. Поэтому и занимающиеся чисто механическим трудом, например, перепиской бумаги, печатанием на пишущей машинке, несущие служительские обязанности в виде курьеров, рассыльных, сторожей и т.п. являются должностными лицами в широком смысле этого слова. Каждому из этих лиц отводится известная функция, и каждое из них имеет известные служебные обязанности и может нарушить их, сделаться субъектом преступления по службе. При этом безразлично, является ли данная должность штатной или нештатной, а также и то, замещается ли она по назначению или по выборам»¹.

Аналогичной точки зрения придерживался и Б. Змиев. «Под понятие должностного (служащего) лица, — писал он, — подойдут все должностные лица независимо от того положения, которое они занимают на служебной лестнице: должностными лицами являются лицо, возглавляющее учреждение, и курьер, охраняющий вход в кабинет этого начальствующего лица; должностными лицами являются как штатные служащие, так и нештатные; постоянные или временные; назначенные или служащие по выборам»².

М. Кожевников и Н. Лаговьер, рассматривая понятие «должностное лицо» в широком смысле слова утверждали, что «безразлично, каким служащим нарушена служебная обязанность. Будет ли это служащий по выбору (например, председатели и члены сельсоветов, волисполкомов) или по назначению (секретарь, делопроизводитель волисполкома), в том и другом случае нарушение служебного долга при известных условиях рассматривается нашим уголовным советским законом не как общее, а как должностное преступление. Точно так же должностное преступление может иметь место как со стороны низшего служащего (скажем, курьера, сторожа, канцеляриста), так и со стороны служащего, занимающего более высокую и ответственную должность. Каждый винтик в государственном механизме признается необходимым для общих задач государства. Сторож государственной фабрики и директор или инженер ее, начальник губернской, уездной или волостной милиции или младший сельский милиционер, делопроизводитель — все они должностные лица, имеющие определенные, хотя и различные по степени важности права и обязанности, и за нарушение их каждый несет ответственность как за должностное преступление.

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий / под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. — Москва: Право и жизнь, 1923. С. 5-6.

² Змиев Б. Уголовное право. Часть Особенная. Выпуск II. — Казань, 1925. С. 4.

Не имеет никакого значения и то, временную или постоянную должность занимает служащий, в том и другом случае Советское государство требует от служащего добросовестного выполнения своих обязанностей»¹.

Между тем не все ученые разделяли подобные взгляды. Одним из них был Н. Полянский. Прежде всего, он увидел в этом тенденцию к чрезмерному расширению круга лиц, ответственных за должностные преступления, и считал необходимым ограничить рамки толкования понятия «должностное лицо», по крайней мере, хотя бы в судебной практике².

М. Ривкин предлагал выделить в должностные лица из всех нанявшихся для работы или службы в государственных учреждениях или предприятиях, таких, которые обладали особыми признаками:

1) обладание распорядительными правами (независимо от объема этих прав) и 2) обладание правом удостоверить что-либо своей подписью³.

Однако мнения указанных ученых не могли изменить устоявшейся и доминирующей в теории и практике позиции расширительного толкования понятия субъекта должностных преступлений.

Между тем наряду с вопросами, кого следует признавать субъектами должностных преступлений в государственных (советских) учреждениях и организациях, дискутировался вопрос и о признании должностными лицами служащих негосударственных структур, и в частности кооперативов.

Решение этого вопроса зависело от того, подходила ли кооперация и конкретно та кооперативная организация, в которой исполнял свои служебные обязанности тот или иной служащий, под понятие организации, осуществляющей общегосударственные задачи. Последнее требование прямо вытекало из примечания к ст. 105 УК РСФСР. В теории уголовного права на этот счет высказывались различные суждения. Так, по мнению Г.К. Рогинского и М.С. Строговича, кооперация являлась общественной организацией и в процессе своей деятельности осуществляла крайне важные государственные задачи и от государственных органов отличалась не целью своей деятельности, а методами своей работы и организационными принципами своего построения⁴. Таким образом, они приходят к выводу, что «кооперация вполне подходит под понятие организации, осуществляющей общегосударственные, хозяйственные и отчасти просветительные задачи, а лица, занимающие те или иные должности в кооперативных органах (как по выбору, так и по договору личного найма), являются должностными лицами и за свои преступления, связанные с исполнением своих служебных обязанностей, несут уголовную ответственность по тем статьям Уголовного кодекса, которые предусматривают должностные преступления»⁵.

¹ Кожевников М., Лаговьер Н. Должностные преступления и борьба с ними (популярный очерк). – Москва: НКЮ РСФСР, 1926. С. 41-42.

² См.: Полянский Н. Указ. соч. С. 8-9.

³ Ривкин М. Рабочий, служащий и должностное лицо // Рабочий суд. 1925. № 17-8. С. 767-768.

⁴ См.: Рогинский Г.К., Строгович М.С. Указ. соч. С. 19.

⁵ См.: Рогинский Г.К., Строгович М.С. Указ. соч. С. 19.

М. Кожевников и Н. Лаговьер относили кооперативные объединения к общественным организациям, выполняющим задачи, имеющие общегосударственное значение, и считали, что служащие таких объединений должны нести ответственность за должностные преступления наравне со служащими государственных учреждений¹.

С точки зрения А.А. Жижиленко, должность могла быть связана не только со службой в государственном учреждении или предприятии, но и в общественной организации или в общественном объединении, которое признано государством и преследует определенные общегосударственные задачи. К таковым он относил, наряду с другими, и кооперативные организации. Правда, с некоторой оговоркой, что в каждом отдельном случае требуется установление факта, действительно ли та или иная организация преследовала в своей деятельности общегосударственные задачи².

Весьма деликатно по этому вопросу высказывался Б. Змиев. Он писал следующее: «В тех случаях, когда возникает вопрос о том, надлежит ли рассматривать как должностное лицо, состоящее на службе не в государственном учреждении или предприятии, суд должен на основании данных дела, уставов, положений и деятельности той организации, в которой находится на службе то лицо, решить вопрос о причислении этой организации к числу тех, о которых говорится в примечании к ст. 105»³.

Несколько противоречивую позицию в этом вопросе занимал А.Н. Трайнин. С одной стороны, он утверждал, что служащие кооперации должностными лицами не являются. С другой же – допускал возможность признания их должностными лицами в те моменты, когда они исполняли определенную публично-правовую функцию по поручению государства (например, кооперация производит порученные государством хлебозаготовительные операции)⁴. Более категоричен был в своих выводах Г. Крекнин. Он считал, что кооперативные работники (выборные и наемные, постоянные или временные) наравне с лицами, занимающими должности и несущими службу в каких-либо государственных учреждениях или предприятиях, законом признаются в полном смысле должностными лицами со всеми вытекающими отсюда последствиями и ответственностью, т.к. кооперация имеет по закону определенные права, обязанности и соответствующие полномочия для осуществления хозяйственных, просветительных и других общегосударственных задач⁵.

А.Г. Бать полагал, что должностными лицами следовало считать и служащих кооперативных организаций, поскольку кооперативные организации выполняли общегосударственные задачи в области хозяйства. Поэтому, под-

¹ См.: Кожевников М., Лаговьер Н. Указ. соч. С. 44.

² См.: Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий / под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. – Москва: Право и жизнь, 1923. С. 6.

³ См.: Змиев Б. Уголовное право. Часть Особенная. Выпуск 2. – Казань, 1925. С. 4.

⁴ См.: Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. – Ленинград, 1925. С. 148-151.

⁵ См.: Крекнин Г. Наем рабочей силы, соцстрахование и ответственность за имущественные и должностные преступления (руководство для низовых кооперативов). – Новониколаевск: Сибкрайсоюз, 1925. С. 95.

черкивал он, директор кооперативного завода, кладовщик в нем, член правления или ревизионной комиссии потребобщества, приказчик или кассир в нем и т.п. — все они являются должностными лицами¹.

А.А. Иогансен писал, что ввиду особых задач, которые возлагаются на кооперацию в деле строительства хозяйственной жизни республики к должностным лицам, которых имеет в виду ст. 113, должны быть отнесены также и служащие кооперативных организаций².

Таким образом, анализ различных точек зрения по вопросу признания служащих кооперативных организаций должностными лицами говорит о том, что практически все авторы признавали их таковыми и, следовательно, субъектами должностных преступлений, поскольку кооперация в своей деятельности руководствовалась интересами государства и осуществляла общегосударственные задачи. Вместе с тем среди теоретиков имелись расхождения во взглядах по частным, структурным вопросам деятельности кооперативных объединений. По мнению некоторых исследователей, не все структурные подразделения кооперативных организаций (объединений) могли быть отнесены к организациям, выполняющим общегосударственные задачи, а следовательно, и не каждый служащий такого кооператива мог быть субъектом должностных преступлений. Предметом таких дискуссий стали низовые кооперативы (городские и деревенские).

Например, С. Тагер писал: «Если, к примеру, Центросоюз, Сельскосоюз, ВЦСПС и другие общественные организмы с ярко выраженными общегосударственными задачами, несомненно, подпадают под категорию «организаций и объединений» в смысле примечания к ст. 105, то этого уже нельзя с тою же несомненностью сказать о каждом отдельном городском или деревенском кооперативе, о каждом фабзавкоме или месткоме, ибо было бы слишком большой натяжкой заподозрить их в выполнении «общегосударственных задач». А если сомнительно положение самой организации, то сразу совершенно неопределенным становится положение его служащего и не так-то легко ответить, имеем ли мы дело с должностным лицом в смысле примечания к ст. 105, которое при учинении растраты должно быть привлекаемо по ст. 113 УК, или же с частным лицом, которое следует привлечь к ответственности по ст. 185³.

Аналогичного мнения придерживался и К. Вяткин⁴. Высказывал свои сомнения в обоснованности признания служащих низовых кооперативных организаций должностными лицами и привлечения их к уголовной ответственности за должностные преступления Н. Полянский. Он подчеркивал, что существует множество кооперативных организаций чисто местного значения, кото-

¹ См.: Бать А.Г. Борьба с растратами. Постатейные разъяснения циркуляра народного комиссариата юстиции. — 2-е изд., доп. — Москва: Центросоюз, 1926. С. 24.

² Иогансен А.А. Растраты и хищения. Порядок их преследования. Практические разъяснения и указания работникам кооперации. — Москва — Ленинград: Книгосоюз, 1926. С. 7.

³ Тагер С. Борьба с растратами и примечание к ст. 105 УК // Рабочий суд. 1925. № 23-24. С. 978.

⁴ См.: Вяткин К. К понятию должностного лица // Рабочий суд. 1925. № 23-24. С. 987-988.

рые входят в систему большой кооперативной сети, тоже делают работу, отвечающую государственным интересам, но которым никто не ставит и которые сами перед собой не ставят никаких иных задач, кроме задачи поднятия благосостояния их членов. Если, по его мнению, несколько сапожников-кустарей объединились в кооператив и их деятельность направлена на удовлетворение материальных интересов членов кооператива, то вряд ли такой кооператив должен считаться наделенным определенными полномочиями в осуществлении общегосударственных задач¹. Его взгляды разделял и В.В. Готман. Признавая, что кооперативные организации – это общественные организации и выполнять задачи, сформулированные в примечании к ст. 105 УК РСФСР, могут только центральные, областные, районные союзы, будь то ЦРК или П.О.; он был противником отнесения служащих первичных (низовых) кооперативов к должностным лицам и уравнивания их таким образом с государственными служащими в плане ответственности за должностные преступления.

В.В. Готман считал, что низовые (деревенские кооперативы) никаких задач общегосударственного значения в своей деятельности не осуществляли. По своим уставам они выполняли, по его мнению, лишь одну задачу – поднятие материального благосостояния своих членов². По его наблюдениям у судебных работников также не было единой позиции по этому вопросу. Одни считали должностными лицами всех служащих любой кооперативной организации – от центрального объединения в роде Центросоюза до первичного деревенского кооператива; другие находили, что по смыслу закона должностными можно считать лишь тех кооперативных работников, которые служат в центральных, областных, районных союзах, а не в первичных кооперативах, этими союзами объединяемых; третьи настаивали на том, что к «должностным лицам» надлежит приравнивать лишь служащих кооперативных центров, которые наделены определенными полномочиями на осуществление функций общегосударственного значения³.

Поэтому, учитывая проблемы судебной практики при квалификации преступлений, совершаемых служащими низовых кооперативных единиц, Центральный кооперативный совет вошел в НКЮ с ходатайством о дополнении статьи 105 УК вторым примечанием о том, что служащие в первичных кооперативах не являются должностными лицами⁴. Однако это предложение не было поддержано законодателем, поскольку, когда дискутировался вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за должностные преступления служащих низовых звеньев кооперативного аппарата, в стране резко возросли должностные растраты и именно в низовых кооперативных организациях. Поэтому в Циркуляре Народного комиссариата Юстиции от 22 июня 1925 года № 121 губернским и областным судам, губернским и обла-

---

¹ См.: Полянский Н. Указ. соч. С. 11.

² Готман В.В. Всякий ли кооперативный работник – должностное лицо? // Союз потребителей. 1926. № 8. С. 59.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 60.

ственным прокурорам «О мероприятиях по борьбе с растратами» указывалось, что массовые растраты, как крупные, так и мелкие, приняли эпидемический характер. Из государственных, главным образом хозяйственных органов растрата перебралась в большом масштабе в органы общественные: отделы профсоюзов, месткомы, фабзавкомы, кооперацию, вплоть до первичных деревенских кооперативов и т.д. При таких условиях интересы государственных и общественных учреждений и организаций не могут иметь достаточной охраны со стороны органов государственной власти. Зачастую мелким организациям, особенно деревенским, наносится непоправимый ущерб, что вызывает справедливые нарекания со стороны широких рабоче-крестьянских трудовых масс. Этим же циркуляром был значительно расширен круг лиц, ответственных за должностные преступления¹. В связи с массовыми растратами в кооперативных организациях партия большевиков была вынуждена принять специальное Постановление «О борьбе с хищениями и растратами в кооперативных органах». Хищения, растраты и другие злоупотребления в кооперации, отмечалось в нем, получили значительное распространение, создав в некоторых местах серьезную угрозу общественным основам кооперации, особенно в низовой ее сети². Это можно было считать указанием правоприменительным органам о неукоснительном соблюдении практики привлечения служащих низовых кооперативных организаций к уголовной ответственности за должностные преступления.

Таким образом, государственные и партийные органы были обеспокоены положением дел в кооперации, и особенно в ее низовых структурных подразделениях, поскольку придавали важное значение последним, видя в них организации, которые осуществляли общегосударственные задачи.

Центросоюз в Циркуляре от 22 августа 1925 года за № 7371/21 «О борьбе с растратами, хищениями и недостачами товаров и других ценностей в сельских, городских, рабочих и транспортных потребительских обществах» еще раз обратил внимание руководителей кооперативных организаций на то, что, согласно разъяснениям Народного комиссариата Юстиции, «должностными лицами, ответственными за присвоения, растраты, хищения и недостачи кооперативных средств как за преступления по службе, надлежит считать как постоянных и временных служащих по выборам и по найму, так и лиц, выполняющих отдельные поручения кооператива и получающих, например, процентное вознаграждение за свою работу»³.

Поэтому, следуя партийным указаниям и циркулярам Народного комиссариата Юстиции, следственные органы, прокуратура и суды усвоили, по мнению В.В. Готмана, однообразную точку зрения на всех служащих в кооперации

¹ См.: Сборник действующих законоположений, постановлений, инструкций и циркуляров по потребительской кооперации / сост.: А.Г. Бать и А.А. Баранов. – Москва: Центросоюз, 1928. С. 542-543.

² Там же. С. 547-548.

³ См.: Сборник действующих законоположений, постановлений, инструкций и циркуляров по потребительской кооперации / сост.: А.Г. Бать и А.А. Баранов. – Москва: Центросоюз, 1928. С. 540.

как на «должностных лиц». «С этого момента – писал он – работники и кооперативных союзов, и первичных кооперативов, и трудовых артелей считались уже должностными лицами и отвечали как таковые уже не только за растраты или подлоги, но и за «злоупотребление властью», «превышение власти», «бездействие власти» «халатное отношение к службе» и другие специфические служебные должностные преступления»¹. К уголовной ответственности за должностные преступления стали привлекать, например, старост молочных кооперативов и артелей², членов правления жилищного товарищества³. Одним словом, судебная практика в отличие от теории шла по своему пути – по пути признания субъектами должностных преступлений служащих потребительской кооперации всех ее структурных подразделений, включая и низовые (первичные) потребительские кооперативы. К ответственности за должностные (служебные) преступления могли быть привлечены руководители центрального аппарата потребительской кооперации, начиная от Центросоюза и кончая деревенским кооперативом. Это могли быть председатели союзов и правлений, члены правлений и ревизионных комиссий, инструкторы, руководители предприятий, заведующие магазинами и лавками, приказчики, кассиры, счетоводы, делопроизводители и т.д. В данном случае понятие «должностное лицо» применительно к служащим потребительской кооперации трактовалось так же широко, как и в отношении служащих государственных учреждений и предприятий.

5.2. Уголовная ответственность служащих потребительской кооперации за должностные преступления по УК РСФСР 1922 года

В исследуемый период особое внимание придавалось борьбе в кооперативных организациях с различного рода злоупотреблениями по службе. По мнению И.Г. Филановского, они причиняли особый вред, поскольку препятствовали выполнению ленинского кооперативного плана⁴. На XIV Конференции РКП(б) в резолюции о кооперации отмечалось, что «для упорядочения кооперативной работы и для укрепления доверия к кооперации со стороны широких масс населения приобретает особое значение борьба с злоупотреблениями, хищениями и бесхозяйственностью в органах кооперации»⁵. По по-

---

¹ См.: Готман В.В. Указ. соч. С. 58.

² См.: Сборник действующих разъяснений Верховного Суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г. – Москва: Государственное юридическое издательство РСФСР, 1930. С. 270.

³ См.: Сборник действующих разъяснений Верховного Суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г. – Москва: Государственное юридическое издательство РСФСР, 1930. С. 270.

⁴ См.: Филановский И.Г. Борьба с злоупотреблениями по должности по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1952. С. 50.

⁵ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1939). – 6-е изд., доп. – Москва: ОТИЗ. Госполитиздат, 1941. Часть II. 1925-1939. С. 17.

воду этой резолюции И.Г. Филановский писал: «Тот факт, что XIV Партконференция в своей резолюции указала на необходимость борьбы с злоупотреблениями в кооперации, свидетельствовал о том, что совершавшиеся в кооперации злоупотребления весьма ощутимо подрывали кооперацию в целом и ее финансовую деятельность в частности. Преступная деятельность виновных лиц более всего отражалась на оборотных средствах кооперации и ставила зачастую под удар всю хозяйственную деятельность этих организаций. Кроме того, факты злоупотреблений, если против них не велось бы жесткой борьбы или таковая не давала бы необходимых результатов, разлагающе действовали бы на других работников»¹. Однако на практике суды нередко принимали решения, идущие в разрез тем задачам, которые правительство и партия ставили перед правоохранительными органами и судами в борьбе с злоупотреблениями в кооперации.

Примером этому может служить дело по обвинению в злоупотреблении властью председателя потребительского общества с. Малахово Новоузенского уезда Саратовской губернии Силкина и его соучастников Рогачева и Бабиева.

Они были уличены в махинациях с продажей мануфактуры и других товаров на огромные суммы. При производстве следствия вина их была полностью подтверждена. Однако Саратовский губернский суд приговором от 29 декабря 1926 года всех обвиняемых оправдал на том основании, что вследствие реализации мануфактуры Малаховское потребительское общество «ликвидировало свою задолженность, начало функционировать по-прежнему» и деятельность их таким образом «была направлена в интересах потребительского общества». Этот приговор был опротестован прокурором, и уголовно-кассационная коллегия, рассмотревшая дело в заседании, вынесла следующее определение: «Оправдательный приговор по настоящему делу является результатом неправильной уголовно-правовой оценки фактов и обстоятельств дела. Этот приговор при оправдании обвиняемых исходит из того, что деятельность привлеченных к ответственности лиц была направлена в интересах местного кооператива, но он совершенно не учел того, что вся эта деятельность представляет из себя сплошное нарушение и искривление не только кооперативной политики, но и нарушение хозяйственных мероприятий советской власти. Вся эта деятельность представляет безусловную социальную опасность, и уголовный суд своей репрессией подобную деятельность должен решительно пресечь. Суд не только дал действиям обвиняемых неправильную уголовно-правовую оценку, но он выпустил из поля своего внимания полную бесконтрольность и безотчетность как Бабиева, так и Рогачева, хаотичность их бухгалтерии и действительный размер их «прибыли». По изложенным основаниям оправдательный приговор по протесту прокурора отменить и дело передать на новый разбор в тот же суд в ином составе»².

---

¹ Филановский И.Г. Указ. соч. С. 51.

² См.: Судебная практика РСФСР (издание Верховного Суда РСФСР, юридическое издательство НКЮ РСФСР) далее – Судебная практика РСФСР // Судебная практика. 1927. № 8. С. 15.

В данном случае высшая судебная инстанция обратила внимание, что злоупотребления по службе, совершаемые должностными лицами потребительских обществ, причиняют вред не только самим этим обществам, но и кооперации в целом как системе. Такие действия дискредитировали потребительскую кооперацию, подрывали ее авторитет и доверие к ней со стороны населения страны. Потребительская кооперация была призвана решать задачи общегосударственного значения, и этим обуславливались требования, которые предъявлялись к ее служащим.

Уголовная ответственность за злоупотребление властью предусматривалась ст. 105 УК РСФСР. Злоупотребление властью являлось родовым понятием должностного преступления. Оно было как бы общим составом по отношению к другим (специальным). Теоретики уголовного права отмечали, что всякое преступление по должности, будь это взятка, растрата и т.д., по существу являлось не чем иным, как преступным злоупотреблением со стороны должностного лица своими служебными полномочиями. Но закон, по их мнению, в ст. 105 УК РСФСР предусматривал злоупотребление властью в тесном смысле как самостоятельное должностное преступление¹. В уголовно-правовой литературе отмечалось, что «в кооперативных объединениях, как и вообще в органах, учреждениях и предприятиях хозяйственного характера, злоупотребление властью в чистом виде встречалось сравнительно редко – обычно оно сочеталось с элементами других должностных преступлений – взяткой, подлогом, растратами и т.д.»². Анализ уголовно-правовой и кооперативной литературы 20-х годов позволяет нам заключить, что наиболее часто в судебной практике злоупотребление властью со стороны служащих потребительской кооперации сочеталось с растратами. К примеру, в Курской губернии в период с 1923 года по 1924 год в потребительской кооперации было расхищено кооперативного имущества на колоссальную по тем временам сумму – 300 тысяч рублей. Подавляющая часть средств была расхищена членами правления и служащими кооперативов. Правления учитывали в банках векселя кооперативов, обращая суммы от учета на свои личные цели. Приказчики раздавали в долг товары или потихоньку за бесценок спускали их частным торговцам, деля с ними разницу в цене. Возвращаясь из поездок за закупками товаров или взяв деньги в оплату векселей или полученный на заготовку аванс, прибегали к симуляциям грабежей и т.д. Значительная часть таких кооперативных преступлений была совершена в сельских обществах потребителей, и вся тяжесть их легла на плечи крестьянства³.

Судебная практика злоупотреблением властью в чистом виде признавала, например, действия заведующего кооперативным магазином, который от-

¹ См.: *Рогинский Г.К., Строгович М.С.* Указ. соч. С. 25; *Жижиленко А.А.* Должностные (служебные) преступления (ст. 105-118 Уголовного кодекса). – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Право и жизнь, 1924.

² См.: *Рогинский Г.К., Строгович М.С.* Указ. соч. С. 25; *Крекнин Г.* Наем рабочей силы, соцстрахование и ответственность за имущественные и должностные преступления (руководство для низовых кооперативов). – Новониколаевск: Сибкрайсоюз, 1925. С. 95.

³ *Новиков И.* Указ. соч. С. 39.

пускал часть товаров, пользующихся большим спросом у населения, не в общем порядке, а только своим родственникам и знакомым. Действия председателя потребительского общества, скупающего товар не у Райсоюза или у Госторгов, а у частных торговцев. Товар этот был дороже, или хуже, или же просто ни куда не годящийся, без всякой скидки, залежавшийся, не пользующийся спросом. В результате продавался с громадной уценкой или просто выбрасывался. Потребительский кооператив нес убытки, что вызывало недовольство у пайщиков¹.

Таким образом, служащие потребительской кооперации привлекались к уголовной ответственности за злоупотребление властью, однако, как правило, их действия квалифицировались по совокупности преступлений, поскольку злоупотребление в основном сочеталось с должностными растратами, взятками, подлогами и другими должностными деяниями. Предусматривалась уголовная ответственность должностных лиц и за превышение власти. В ч. 1 ст. 106 УК РСФСР превышение власти определялось как совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы предоставленных ему законом прав и полномочий. Ответственность существенно повышалась, если действия, образующие превышение власти, сопровождалась насилием, применением оружия или были по отношению к потерпевшему особо мучительскими или оскорбляющими его достоинство. В каких действиях должностных лиц потребительских кооперативов можно было обнаружить превышение власти? В соответствии с «Временными правилами о службе в государственных учреждениях и предприятиях»² нельзя было принимать на службу лиц, коим служба в государственных учреждениях и предприятиях запрещена была судебным приговором. Поэтому, если председатель правления потребительского общества принимал на службу в качестве счетовода лицо, заведомо зная, что ему запрещено состоять на службе судебным приговором, налицо были признаки превышения власти. Превышением власти признавались действия руководителя потребительского общества, если он принимал на службу лиц, состоящих с ним в близком родстве (сына, брата и т.д.) и подчиненных ему или подконтрольных друг другу. К превышению власти относили действия служащих потребительских обществ, если они являлись участниками или совместителями какого-либо частного торгового или промышленного предприятия.

Уголовная ответственность за бездействие власти предусматривалась ст. 107 УК РСФСР, а за халатное отношение к службе – ст. 108 УК РСФСР. По мнению Г.К. Рогинского и М.С. Строговича, бездействие власти очень близко подходило к халатности, и в отдельно конкретных случаях его невоз-

---

¹ См.: Рогинский Г.К., Строгович М.С. Указ. соч. С. 25; Крекнин Г. Указ. соч. С. 95.

² См.: Декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1922 года. Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях / Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников / под общ. ред. Г.Н. Сафонова. – 2-е изд., доп. – Москва: Юридическая литература, 1949. Т. 1 (1). С. 571-572.

можно было отличить от халатности¹. Действительно, бездействие состояло в том, что должностное лицо не выполняло тех действий, которые оно по обязанностям своей службы должно было выполнить, и фактически было одним из признаков объективной стороны халатности. Тем не менее законодатель дифференцировал уголовную ответственность за бездействие власти и халатное отношение к службе. Халатность и бездействие власти в деятельности кооперативных учреждений имели большое распространение и особо серьезную социальную опасность².

Теоретики кооперативного права, освещая в своих работах некоторые аспекты ответственности кооперативных служащих за должностные преступления, относили к бездействию случаи, когда, например, правление кооператива, несмотря на предупреждение союза, не принимало мер по обеспечению правил противопожарной безопасности, вследствие чего сгорали кооперативные лавки со всеми товарами.

Когда правление попустительствовало приказчику, который, пользуясь тем, что сами члены забирали в кредит, отпускал товар в кредит направо и налево, особенно своей родне и своим близким, так, что, в конце концов, лавка оказывалась с пустыми полками.

Бездействие власти могло проявляться и в действиях, которые по существу таковыми не являлись, а создавалась лишь видимость действия. Например, производство ревизии кооператива лишь для виду, без действительного ознакомления с делами кооператива, без раскрытия недочетов и преступлений, которые там совершены, но такие ревизионные «действия» – суть бездействия, так как они замаскировали неприглядную правду состояния дел кооператива³. По сути, приведенные примеры говорят о том, что в каждом из них есть и признаки халатности, но в то время это квалифицировалось как бездействие власти. По мнению исследователей, халатное отношение к службе со стороны служащих кооперативного аппарата выражалось в уклонении от исполнения принятых обязанностей, как-то: накопление дел, самовольная отлучка служащих со службы, уход со службы ранее положенного времени, опоздание на службу или на заседание, слабый надзор за подчиненными, потеря служебной бумаги, небрежное хранение и запись в книге документов, запуск ведения книг, небрежное составление документов и расчетов и т.д.⁴ Ст. 110 УК РСФСР предусматривалась ответственность за особо квалифицированные виды злоупотребления властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к службе. Уголовная ответственность по ст. 110 УК РСФСР наступала только при наличии следующих последствий: расстройства центральных или местных хозяйственных аппаратов производства, распределения, или снабжения, или расстройства транспорта, заключения явно невыгодных для государства договоров или сделок, или всякого иного

---

¹ См.: *Рогинский Г.К., Строгович М.С.* Указ. соч. С. 26.

² Там же. С. 26.

³ См.: *Крекнин Г.* Указ. соч. С. 97-98.

⁴ Там же. С. 98.

подрыва и расточения государственного достояния в ущерб интересам трудящихся. За совершение этого преступления предусматривалось не только лишение свободы, но и высшая мера социальной защиты – расстрел, если оно было совершено при особо отягчающих обстоятельствах.

Могли ли быть субъектами этого преступления служащие потребительских обществ? В уголовно-правовой литературе по этому вопросу высказывались различные точки зрения.

Так, например, А.А. Жижиленко считал, что с точки зрения хозяйственных аппаратов таковыми являлись лишь государственные хозяйственные аппараты, и, следовательно, нельзя было относить к ним общественные и кооперативные. К тому же он особенно подчеркивал, что эти аппараты должны также иметь значение руководящих, центральных или местных аппаратов¹. Иного мнения придерживались Г.К. Рогинский и М.С. Строгович. Они полагали, что «поскольку в отношении квалификации (определения) совершаемых в составе аппарата кооперации преступлений таковые приравнены к преступлениям в составе государственных органов, нет оснований отказаться от применения указанной статьи и к совершению аналогичных преступлений должностными лицами кооперативных организаций, если в результате их должностных преступлений возглавляемая ими кооперативная организация пришла в расстройство и развалилась»². Представляется, что позиция Г.К. Рогинского и М.С. Строговича была тогда более правильной. В своих выводах они исходили из той объективной ситуации, которая складывалась на тот период в стране в отношении кооперации. Государство рассматривало ее деятельность как генеральное направление в решении многих хозяйственных и других общегосударственных задач. Кооперированием были охвачены миллионы населения. Служба в кооперативных организациях была приравнена к службе в государственных органах. Не учитывать этих объективных факторов было нельзя. При этом следовало исходить и из того, что законодатель в ст. 110 УК РСФСР не употреблял термина «государственных». Он говорил о центральных и местных хозяйственных аппаратах, а это означало, что он имел в виду не только государственные, но и кооперативные аппараты.

К центральным кооперативным аппаратам относились Центросоюз, республиканские союзы, губернские, крупные потребительские общества.

К местным аппаратам можно было причислить не только городские потребительские общества, но и сельские, поскольку их деятельности придавалось важное значение. Тем не менее судебная практика не относила некоторые кооперативные организации к местным хозяйственным аппаратам.

Так, по одному из уголовных дел Уголовная кассационная коллегия в заседании 17 ноября 1924 года определила, что преступление Клычева, как оно изложено в приговоре, совершенно не подходит под ст. 110 УК РСФСР, а

---

¹ См.: Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления (ст. 105-118 Уголовного кодекса) Уголовный кодекс РСФСР практический комментарий / под ред. М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Право и жизнь, 1924. С. 46.

² См.: Рогинский Г.К., Строгович М.С. Указ. соч. С. 30.

это деяние надлежит квалифицировать по ст. 108 УК с последствиями по ч. 1 ст. 105, ибо районная заготконтора не может быть расценена как крупный центральный или местный аппарат, что необходимо для применения ст. 110 УК РСФСР.

Коллегия указала, что развал работы районной заготконторы ее заведующим не может квалифицироваться по ст. 110 УК РСФСР, которая применяется лишь к развалу крупных центральных и местных органов¹.

Злоупотребление властью, халатное отношение к службе, превышение и бездействие власти нередко приобретало масштабный характер, охватывало большое количество служащих аппарата потребительской кооперации, приводило к тяжелым финансовым и материальным потерям. В качестве примера можно привести дело сотрудников и посредников Центросоюза, которое слушалось в Московском губернском суде.

Разбиралось дело сотрудников Центросоюза и некоторых других учреждений, а также комиссионеров, которые оперировали при этих учреждениях, по обвинению их в злоупотреблении властью, халатном отношении к службе, служебных подлогах и систематических хищениях из государственных учреждений. Обвинительное заключение было составлено на 96 печатных листах. Дело же было в несколько томов. В январе 1922 года ревизионная комиссия Центросоюза обратилась в Московский революционный трибунал с заявлением, в котором указывалось, что вокруг Центросоюза образовался круг посредников, помимо которых даже крупные кооперативные учреждения не могут приобретать товары Центросоюза. Товары, проходящие через руки посредников, удорожались в два раза. В результате проведенного расследования перед Московским губернским судом предстало 37 сотрудников Центросоюза и других учреждений и посредников, с которыми они совершали незаконные сделки. По приговору суда четверо, в том числе и руководители различных подразделений Центросоюза, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, остальные к различным срокам лишения свободы и другим наказаниям, не связанным с лишением свободы².

Учитывая возросшую опасность и рост должностных преступлений в потребительской кооперации, Центросоюз направил на места ряд циркуляров и постановлений с требованием усилить борьбу с ними. Например, в Циркуляре от 22 августа 1925 года за № 7371/21 отмечалось: за последнее время в потребительской кооперации значительно участились случаи разного рода злоупотреблений со стороны подотчетных служащих, в ведении и под ответственностью которых находятся оборотные ценности кооперации – хищения и недостачи товаров, растрата денег и вообще небрежное отношение к кооперативно-общественным средствам. Злоупотребления допускают как наемные, так и выборные служащие кооперации. Это огромное зло приносит неисчис-

---

¹ См.: Сборник определений Уголовной Кассационной Коллегии Верховного суда РСФСР за 1924 г. – Москва: НКЮ РСФСР, 1925. С. 59-60.

² См.: Дело сотрудников и посредников Центросоюза // Еженедельник Советской юстиции. 1923. № 11. С. 243-246.

лимый и иногда непоправимый вред кооперации. Прежде всего, хищения и растраты вызывают большой материальный ущерб для кооперации. В отдельных кооперативных организациях такие злоупотребления имеют своим последствием убытки за отчетный год, во многих организациях они являются причиной тяжелого финансового положения. Наконец, есть много случаев полной гибели потребительских обществ в результате таких злоупотреблений. Особенно тяжело эти злоупотребления отражаются на работе и финансовом состоянии сельских потребобществ, среди которых это зло к тому же получило и наибольшее распространение¹.

В литературе приводится пример, когда по причине халатности и бесхозяйственности членов правления на грани ликвидации оказалось потребительское общество. Это стало возможным вследствие того, что многие закупленные товары (рыба, лимоны) не нашли своевременной реализации, в результате пришли в негодность и были выброшены, дорогостоящие шали испорчены грызунами, а отдельные сорта мануфактуры пылились на полках. Предпринимавшееся снижение цен на товары с целью их скорейшей продажи приносило большой ущерб потребобществу². В данном случае в действиях членов правления халатное отношение к службе было очевидным. Злоупотребление властью, халатное отношение служащих потребительской кооперации к исполнению своих обязанностей причиняли не только материальный вред, но и моральный. В статье «Пора перестать» С. Алексеевский писал: «Преступники, забравшиеся в кооперацию, отталкивают народ от нее, заставляют терять в нее веру и приносят огромный вред республике в ее поступках по восстановлению хозяйства»³.

Статьей 109 УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за дискредитирование власти. Дискредитирование власти означало совершение должностным лицом действий, хотя бы и не связанных с его служебными обязанностями, но явно подрывающих в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем коих данное должностное лицо являлось.

Надо сказать, что любое преступление по службе подрывало авторитет органов власти. Статья 109 УК РСФСР была сконструирована законодателем так, что казалось бы она имела универсальный характер и при квалификации должна была бы охватывать многие преступления по службе. Однако на самом деле эта норма была призвана охранять более узкую сферу служебных интересов. Неправильное ее толкование порождало в правоприменительной практике ошибки. Нередко ее применяли и тогда, когда в этом не было необ-

---

¹ См.: Циркуляр Центросоюза от 22 августа 1925 года № 7371/ 21 «О борьбе с растратами, хищениями и недостатками товаров и других ценностей в сельских, городских, рабочих и транспортных потребительских обществах» / Сборник действующих законоположений, постановлений, инструкций и циркуляров по потребительской кооперации / сост.: А.Г. Бать и А.А. Баранов. – Москва: Центросоюз, 1928. С. 534.

² См.: Бехтерева Л.Н. Указ. соч. С. 74.

³ См.: Алексеевский С. Пора перестать // Кооперативная мысль (Орган Воронежского Губсоюза ЕПО). 1922. № 11 (24). С. 8.

ходимости. Поэтому Верховный Суд РСФСР, обобщив практику применения ст. 109 УК РСФСР, указал, что «ст. 109 УК в очень большом числе случаев вменяется осужденным при вменении всякого должностного преступления. Конечно, каждое должностное преступление до известной степени дискредитирует власть, но за такого рода дискредитирование власти в Уголовном кодексе имеются и соответствующие специальные наказания. Поэтому, например, если должностному лицу вменяется злоупотребление властью, то нет никаких оснований ему за те же действия вменить еще ст. 109 УК. В громадном большинстве случаев вменение ст. 109 УК правильно, когда действия данного лица не содержат в себе признаков какого-либо другого преступления и являются преступными именно потому, что они совершены представителем власти и тем самым дискредитируют ее. Типичным примером преступления по ст. 109 будет учинение представителем власти пьяного скандала в публичном месте и проч. в этом роде»¹.

Дискредитирование власти могло выражаться в разных действиях. Например, в пьянстве на службе и во внеслужебное время, грубом обращении с подчиненными и гражданами, употреблении нецензурной брани в отношениях со служащими и другими лицами, не связанными со службой, игре в азартные игры, связях с антиобщественными элементами. Одним словом, это должно было выражаться в антисоциальном поведении служащего, которое подрывало бы авторитет органа власти, представителем которого он являлся. Могли ли быть субъектом дискредитирования власти служащие аппарата потребительской кооперации? Этот вопрос в литературе был спорным.

Например, А.Н. Трайнин утверждал, что субъектом дискредитирования власти могли быть лишь должностные лица государственных учреждений, но не общественных организаций². Некоторую ясность в решение этого вопроса внесла Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР. В инструктивном письме за № 2 от 24 ноября 1926 года она указала, что «недопустимо применение ст. 109 в отношении всех должностных лиц, хозяйственных учреждений и кооперативных организаций сельского и волостного (районного масштаба)»³.

По мнению А. Эстрина, это означало, что высшие судебные инстанции допускали применение ст. 109 УК РСФСР к должностным лицам хозяйственных учреждений и кооперативных организаций уездного, губернского, республиканского и общесоюзного масштаба⁴. Такой подход он считал правильным и разделял мнение УКК в том, что в качестве представителя власти, могущего отвечать за ее дискредитирование, надлежит рассматривать как представителей государственного административного аппарата, так и некоторых

¹ См.: Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР за 1924 г. — Москва: Наркомюст РСФСР, 1925. С. 108.

² См.: Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против государства и социального порядка. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва: НКЮ РСФСР, 1927. С. 244.

³ См.: Еженедельник Советской юстиции. 1926. № 50. С. 1415.

⁴ См.: Эстрин А. Должностные преступления. — Москва: НКЮ РСФСР, 1928. С. 102.

представителей государственного хозяйственного аппарата или кооперативного аппарата. Причем эта статья должна была распространяться лишь на ответственных представителей указанных выше хозяйственных и кооперативных организаций и не должна применяться в отношении чисто технических работников, не только низового, но даже и центрального государственного аппарата¹. Теоретические споры по этому вопросу продолжались и в период действия УК РСФСР 1926 года.

Должностное присвоение (растрата) (ст. 113 УК РСФСР) как одно из должностных преступлений по УК РСФСР 1922 года имело в России весьма значительное распространение. А.А. Герцензон отмечал, что «в динамике должностной преступности за период 1922-1926 годов наблюдались два отчетливых периода. В первом периоде (1922-1924 гг.) имел место довольно значительный рост взяточничества, обогнавший движение других должностных преступлений. Начиная с 1924 года замедляется темп роста взяточничества и во много раз усиливается рост растрат. 1926 год дал рекордные числа растрат (увеличение по сравнению с 1922 г. почти в пять раз) и уже значительно сниженные числа взяточничества»². По его наблюдениям, к 1926 году число осужденных за должностные растраты возросло на 52%³.

Основная доля указанных преступлений приходилась на кооперацию, и особенно на ее низовые звенья. Должностные растраты, по мнению многих исследователей, приобрели в кооперации массовый характер. Например, А. Стельмахович отмечал, что больше всего растрат было совершено в уездных кооперативных организациях, в том числе в потребительской кооперации. Тревожным, на его взгляд, было положение в деревенских кооперативах. 41% растрат по деревне составляли растраты в кооперативных и по преимуществу в потребительско-кооперативных организациях. И эти растраты достигали чрезвычайно крупных для деревни размеров, относительно даже более крупных, чем растраты не только во всех других организациях деревни, но и государственных учреждений уездного масштаба⁴.

В первом полугодии 1924 года было проведено обследование 32 губерний, которое показало, что сумма растрат по заявкам кооперации составила 7 миллионов рублей. Из 8 703 дел 7 223 падало на низовую кооперацию и только 612 на губернские и областные органы. По этим делам было привлечено к ответственности 11 526 человек (из них 7 761 чел. за чистый вид растраты и остальные за другого рода хищения и присвоения). Около 80% из них относилось к работникам деревни, наполовину выборным⁵. По мнению С. Тагера, «более всего растрата ударила по кооперации. Достаточно сказать, что за время с 1 января по 1 августа 1925 года в производстве следователей по

¹ Эстрин А. Указ. соч. С. 102.

² См.: Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НК РКИ СССР / под ред. и с предисл. В.А. Радус-Зеньковича. – Москва: НКЮ РСФСР, 1928. С. 27.

³ Там же. С. 27.

⁴ Стельмахович А. Указ. соч. С. 6-7.

⁵ См.: Мемешкин А.Н. Указ. соч. С. 6.

РСФСР (за вычетом всех автономных республик) имелось 10 387 дел о растрате кооперативного имущества, из которых 5 403 падало на время до 1 января и 4 984 поступило в производство за первые семь месяцев 1925 года. Из некоторых губерний сообщалось, что в них буквально все низовые ячейки сельскохозяйственной кооперации доведены, благодаря растратам, до необходимости самоликвидации»¹. Вышеуказанное свидетельствует, что основная доля всех должностных растрат в кооперации, и в большей степени потребительской кооперации, приходилась на деревенские кооперативы. Народный комиссар юстиции Д.И. Курский так охарактеризовал ситуацию с растратами в кооперации: «Растраты больно бьют по карману – прежде всего кооперации. Есть уезды и даже губернии, где нет ни одного кооператива, не пострадавшего от растрат»².

В этой связи Народный комиссариат юстиции направил ряд циркуляров, в том числе и в кооперативные организации, в которых предлагались конкретные меры по борьбе с должностными растратами, в том числе и уголовно-правового характера. Так, Циркуляром НКЮ от 22 июня 1925 года за № 121 предлагалось в первую очередь обратить внимание на работу контролирующих органов, и в частности ревизионных комиссий. Как отмечалось в кооперативной литературе, деятельность ревизионных комиссий по всей низовой сети была весьма слабой. Во многих случаях они совершенно себя не проявили и значительная часть вины за хищения, растраты, недостачи лежала на них. Ревизионные комиссии, работая не на должном уровне, не предупреждали и не пресекали многочисленные случаи злоупотреблений со стороны служащих потребительской кооперации. В этой связи предлагалось усилить их работу, как того требовал кооперативный закон, устав и кооперативная практика³. Поэтому Народный комиссариат юстиции в указанном циркуляре предложил привлекать к уголовной ответственности наравне с растратчиками и тех лиц, которые своим халатным отношением к делу облегчали возможность виновным совершать растраты. И потребовал отстранять до суда от занимаемых должностей как лиц непосредственно совершивших растраты, так и их главных пособников. Относительно потребительской кооперации в качестве соучастников (главных пособников) должностных растрат рассматривались прежде всего руководители и члены правления, руководители и члены контрольно-ревизионных комиссий, которые по долгу службы должны были осуществлять контроль за деятельностью потребительских обществ, а также и другие служащие, способствующие своими действиями (бездействием) совершению должностных растрат.

Например, А.Г. Бать отмечал, что «бухгалтер, скрывающий при помощи неправильной записи совершаемую кассиром или приказчиком растрату де-

---

¹ См.: Тагер С. Борьба с растратами в кооперации // Союз потребителей. 1926. № 2-3. С. 134.

² Никакой пощады растратчикам (беседа с народным Комиссаром Юстиции Д.И. Курским) // Рабочий суд. 1925. № 25-26. С. 1041-1042.

³ См.: Мероприятия по борьбе с хищениями, растратами и злоупотреблениями в кооперации. – Казань, 1926. С. 6.

нег или товаров, лавочник, к которому свозится приказчиком на хранение товар из кооперативной лавки для дальнейшей его продажи, член правления, принимающий заведомо неправильные отчеты от приказчика по продаже товаров с целью сокрытия ими растраты, и другие лица, помогающие подобными действиями совершению растраты, – все они являются пособниками»¹.

Ориентируя суды на непримиримую борьбу с должностными растратами, высшие судебные инстанции указывали им и на ошибки, которые допускались по растратным делам. В частности, обращалось внимание на то, что «суды недостаточно исследуют вопрос о причинной связи между действиями должностного лица-растратчика и тех должностных лиц, в подчинении которых он находился. В силу этого суды вменяют руководящим лицам учреждений, предприятий, кооперативов и т.п., ст. 108, ч. 1 УК РСФСР, между тем как по делу недостаточно установлена либо вовсе не установлена причинная связь между действиями (или бездействием) начальника и подчиненного, совершившего растрату»².

В циркулярах Народного комиссариата юстиции также подчеркивалось, что «должностная растрата и присвоение – преступление корыстное»³. Из этого следовало, что неустановление корысти исключало уголовную ответственность за указанные преступления. По этому субъективному признаку следовало отграничивать должностное присвоение и растрату от недостач, которых в потребительской кооперации было немало. В этой связи А.Г. Бать приводил такой пример: «Если у приказчика потребительского общества окажется недостача в каком-либо товаре, как, например, мыле, масле, соли и т.п., то это еще не значит, что приказчик совершил растрату этого товара, потому что надо сперва установить, от каких причин произошла эта недостача. Если мыло усохло или в мыле или соли произошла нормальная утечка при отпуске, то говорить о растрате не приходится, потому что здесь нет корыстного присвоения приказчиком этих товаров»⁴.

Учитывая возросшую опасность растрат и особенно их рост в низовых кооперативных организациях, Народный комиссариат юстиции в Циркуляре от 22 июня 1925 года № 121 предложил расширить круг лиц, ответственных за должностные растраты⁵. Центросоюз в Циркуляре от 22 августа 1925 года за № 7371/ 21 «О борьбе с растратами, хищениями и недостачами товаров и других ценностей в сельских, городских, рабочих и транспортных потреби-

---

¹ Бать А.Г. Борьба с растратами / Постатейные разъяснения Циркуляра Народного Комиссариата Юстиции. – 2-е изд., доп. – Москва: Центросоюз, 1926. С. 30-31.

² См.: Инструктивное письмо УКК Верховного Суда РСФСР 1926 г. № 1. Председателям главных краевых, областных и губернских судов / Бать А. Указ. соч. С. 14.

³ Циркуляр НКЮ № 24 от 1 февраля 1926 г. «О мероприятиях по борьбе с растратами» / Бать А. Указ. соч. С. 9-10.

⁴ Бать А. Указ. соч. С. 21.

⁵ См.: Циркуляр НКЮ от 22 июня 1925 г. № 121 Губернским и областным судам, губернским и областным прокурорам «О мероприятиях по борьбе с растратами» / Сборник действующих законоположений, постановлений, инструкций и циркуляров по потребительской кооперации / сост.: А.Г. Бать и А.А. Баранов. – Москва: Центросоюз, 1928. С. 542-543.

тельских обществах» разъяснил руководителям структурных кооперативных подразделений позицию Народного комиссариата юстиции и указал, что «должностными лицами, ответственными за присвоение, растраты, хищения и недостачи кооперативных средств, как за преступление по службе, надлежит считать как постоянных и временных служащих, по выборам и по найму, так и лиц, выполняющих отдельные поручения кооператива и получающих, например, процентное вознаграждение за свою работу»¹.

Таким образом, круг кооперативных работников, которые могли быть признаны субъектами должностной растраты, был существенно расширен.

Например, А.А. Иогансен писал, что «с точки зрения закона совершенно безразлично, как воспользовался виновный вверенным ему по службе имуществом. Если возчик, состоящий на службе в кооперативном союзе, часть семян, переданных ему для доставки местному кооперативу, продаст или засеет на своей земле, то в обоих случаях он будет подлежать ответственности по ст. 113»².

В части 2 ст. 113 УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за квалифицированные виды должностной растраты. К уголовной ответственности привлекались должностные лица, обличенные особыми полномочиями или присвоившие особо важные государственные ценности. В данном случае учитывались свойства субъекта и предмета должностной растраты. В соответствии с указаниями УКК Верховного Суда РСФСР применение ч. 2 ст. 113 возможно было только при наличии двух условий: ответственного положения должностного лица и совершения присвоения в силу особых полномочий этого ответственного лица. Причем под особыми полномочиями следовало понимать такие полномочия в области распоряжения деньгами или имуществом, которые, как общее правило, принадлежали главе учреждения или предприятия или их заместителям, то есть право окончательного контроля и утверждения расходов, сделок имущественного характера, выдачи авансов под отчет и пр. в пределах данной хозяйственной единицы³. Что же касается понятия «ответственного должностного лица», то в соответствии с толкованием высших судебных инстанций следовало, что «каждый служащий является ответственным по должности за исправное исполнение своих служебных обязанностей. Но не всякий служащий есть вместе с тем «ответственное должностное лицо». Такими лицами могут признаваться лишь служащие, облеченные широкими правами и полномочиями распорядительного, ответственного характера, со многими функциями и предметами веде-

---

¹ См.: Циркуляр НКЮ от 22 июня 1925 г. № 121 Губернским и областным судам, губернским и областным прокурорам «О мероприятиях по борьбе с растратами» / Сборник действующих законоположений, постановлений, инструкций и циркуляров по потребительской кооперации / сост.: А.Г. Бать и А.А. Баранов. – Москва: Центросоюз, 1928. С. 540.

² См.: Иогансен А.А. Указ. соч. С. 9.

³ См.: Доклад о работе УКК Верх. суда РСФСР по делам, поступившим от главсудов, облсудов и губсудов за 1924 г. в кассационном порядке и в порядке надзора, Верховный Суд РСФСР / Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верх. Суда РСФСР за 1924 г. – Москва: Наркомюст РСФСР, 1925. С. 109.

ния и управления, но отнюдь не служащие, исполняющие какую-либо определенную работу, составляющие лишь часть того целого, для выполнения коего предназначена вся организация, в которой служит данный сотрудник. «Инструкция о разбивке ответственных работников по тарифным разрядам 17-ти разрядной тарифной сетки» под «ответственным работником» понимает профессиональных, партийных, кооперативных, советских и хозяйственных работников, принимающих ответственное участие в деле профессионального, партийного, кооперативного, советского и хозяйственного строительства, несущих ответственность не только за техническое исполнение возложенных на них обязанностей, но являющихся ответственными за идейное и политическое направление и проведение возложенных на них функций»¹.

В потребительской кооперации к ним относились руководители и заместители центральных и губернских союзов, ответственные финансовые работники, руководители правлений и другие лица, выполняющие указанные функции в силу ответственного должностного положения. В том же докладе УКК Верховного Суда РСФСР разъяснила сущность второго квалифицирующего признака ч. 2 ст. 113 «присвоение особо важных государственных ценностей». Было отмечено, что «на практике вменение ст. 113 ч. 2 по этому признаку в громадном большинстве случаев определяется не родом присвоенных ценностей, а стоимостью их. Это, несомненно, правильно и соответствует смыслу ст. 113, но вторая часть ст. 113 может применяться только тогда, когда присвоение или растрата выражается хотя бы в нескольких тысячах рублей»².

В плане борьбы с должностными растратами органам управления учреждений и организаций вменялось в обязанность доводить до сведения органов, осуществляющих уголовное преследование, информацию о фактах совершения должностных растрат. Эта обязанность возлагалась и на правления кооперативных организаций как циркулярами Наркомюста, так и указаниями высших кооперативных инстанций. По мнению А.А. Иогансена, в данном случае интересы государства и кооперации совпадали³. Н.Н. Полянский в этой связи отмечал, что «кооперативные организации – не органы государства, обязанность их администрации доводить до сведения органов уголовного преследования о случаях растраты не может быть юридически обоснованной. И тем не менее при существующем взаимоотношении кооперации и государственной власти, которая характеризуется как сотрудничество, трудно сомневаться в существовании такой обязанности, хотя бы она и не была обязанностью юридического порядка»⁴.

---

¹ Верховный Суд РСФСР / Сборник циркуляров Верховного Трибунала ВЦИКа за 1921, 1922 гг. и Верховного Суда РСФСР за 1923 г. с приложением важнейших разъяснений Пленума Верх. Суда РСФСР за 1923 г. – Москва: Наркомюст РСФСР, 1924. С. 15.

² Верховный Суд РСФСР / Сборник циркуляров Верховного Трибунала ВЦИКа за 1921, 1922 гг. и Верховного Суда РСФСР за 1923 г. с приложением важнейших разъяснений Пленума Верх. Суда РСФСР за 1923 г. – Москва: Наркомюст РСФСР, 1924. С. 15.

³ См.: Иогансен А.А. Указ. соч. С. 28.

⁴ См.: Полянский Н. Указ. соч. С. 23.

Следует отметить, что правления потребительских обществ не всегда объективно информировали судебные органы или вовсе скрывали от них факты совершения служащими должностных растрат. Больше половины дел возникало по сообщениям, сделанным судебными органами, учреждениями и лицами, посторонними кооперации, только вторая половина дел была возбуждена по сообщениям самих кооперативных правлений и ревизий самих кооперативных органов¹. В литературе отмечалось, что наблюдались случаи, когда правление задерживало сообщение судебным органам о злоупотреблениях и предварительно докладывало об этом общему собранию. Причем общее собрание, несмотря на очевидность злоупотреблений, выносило постановления о прощении виновных и снимало с них всякую ответственность². На практике эти явления были нередкими, и это существенно ослабляло борьбу в целом с должностными преступлениями, и в частности с растратами.

Не во всех организациях потребительской кооперации уделялось должное внимание вопросам борьбы с должностными растратами. Например, прокуратурой Татарии был проанализирован стенографический отчет собрания уполномоченных союзов потребительских обществ ТССР, который проходил 15-19 октября 1924 года. Оказалось, что никто ни в докладах, ни в прениях не обратил внимание собрания на то, что преступность в кооперации нашла себе прочное гнездо и что для борьбы с этой преступностью необходимы соответствующие мероприятия³. Как же могли информировать руководители потребительской кооперации о должностных растратах правоохранительные органы или ставить вопросы в коллективах о мероприятиях по борьбе с ними, если они сами кормились, занимались «самоснабжением» себя и своих родственников, снабжали руководителей различных организаций и учреждений советской власти. В период «разгула» должностных растрат в потребительской кооперации юридический отдел Центросоюза внес предложение о дополнении ст. 113 УК РСФСР статьей 113а, в которой предусматривалось бы снижение наказания должностному лицу, виновному в растрате, в случае добровольного возмещения им причиненного его деянием ущерба учреждению⁴. Надо сказать, что это предложение было неновым, поскольку в дореволюционном уголовном законодательстве это положение содержалось в ряде норм.

Однако не всеми оно было воспринято позитивно. Например, С. Тагер категорически был против этой новеллы Центросоюза. Он писал следующее: «При наших уголовно-правовых нормах, вменяющих судьям в обязанность учет всех привходящих обстоятельств, при возможности снижения санкции

---

¹ См.: Мемешкин А.Н. Указ. соч. С. 6.

² См.: Мероприятия по борьбе с хищениями, растратами и злоупотреблениями в кооперации. — Казань, 1926. С. 6.

³ См.: Преступность в кооперации и органы юстиции в Татарской Социалистической Советской Республике // Еженедельник Советской юстиции. 1925. № 42-43. С. 1333.

⁴ См.: Полянский Н. Указ. соч. С. 37.

ниже минимума и при существовании условного осуждения даже самая мысль о такой новелле объективно вредна»¹.

Действительно, суды зачастую снисходительно относились к должностным лицам, совершившим растрату по службе. Нередко в отношении них применялось условное осуждение.

Например, народный суд города Вятки за растрату денег, принадлежащих губсоюзу, и обман приговорил бывшего экспедитора Губсоюза Т. Кастылева к трем годам лишения свободы. Однако с учетом того, что он совершил преступление впервые и что человек он небогатый и многосемейный, суд заменил ему лишение свободы условным осуждением². Как видим, суд нашел три смягчающих обстоятельства и одно из них представляется нам весьма парадоксальным. «Человек он не богатый» отмечалось в приговоре. И это происходит в период, когда советская власть вела решительную и беспощадную войну с сословным неравенством. Очевидно, это можно было объяснить ошибкой, заблуждением или неграмотностью судьи, который принимал решение по делу. «Нельзя растраты прощать или дела оканчивать миром, даже при возмещении виновным причиненного им вреда», – писал Г. Крекнин. Свой вывод он аргументировал следующим образом: «Бывают в нашей практике такие случаи, когда, например, член правления потребительского общества или служащий взял самовольно или присвоил себе две тысячи рублей. Деньги передал брату или кому-нибудь на торговлю, безразлично, скажем на покупку скота. Торговля пошла успешно, барыш от продажи скота достался частному торговцу. Такое деяние является общественным злом. Нагрянула в кооператив ревизия и обнаружила недостачу в 2000 рублей. Созвали общее собрание. Ответственное, виновное лицо за недостачу заявляет, что недостачу оно хоть сейчас же или завтра пополнит и дает в подписку свой дом и прочее имущество. Мы знаем, что часто такую растрату виновному прощают и нигде и никуда не заявляют. Соккрытие такого поступка есть само по себе преступление, так как на общественные средства нажилось, разбогатело частное, отдельное лицо, а наша кооперация, нуждающаяся в денежных средствах, от этого понесла ущерб. Поэтому хотя бы на время взятые у нее средства из оборота принесли ей убыток вместо пользы, которая должна была бы пойти на общее дело. И нередко случаи, когда мелким организациям, особенно деревенским, наносится непоправимый ущерб и кооперация гибнет»³.

Таким образом, предложение Центросоюза о дополнении ст. 113 УК РСФСР в условиях, когда растраты стали бедствием для кооперации и

---

¹ Тагер С. Новые мысли о растратах и хозяйственных преступлениях / Критический очерк о двух работах проф. Н.Н. Полянского // Еженедельник Советской юстиции. 1927. № 19. С. 571.

² См.: Хроника союзов из жизни Губсоюза // Кооперативная жизнь (Еженедельный журнал, издаваемый Вятским Губпотребсоюзом). 1923. № 17. С. 15.

³ Крекнин Г. Борьба с растратами и хищениями в кооперации: практическое пособие для инструкторов союзов, ревизионных комиссий и других работников низовой кооперации. – Москва: Книгосоюз, 1927. С. 15-16.

фактически создавали угрозу ее самоликвидации, было весьма неактуальным. Поэтому и вызвало возражения как среди теоретиков, так и практиков.

Ответственность за служебный подлог предусматривалась статьей 113 УК РСФСР. Это должностное преступление в кооперации в основном было «спутником» растрат. Вот как характеризовал эти два преступления С. Тагер: «Для сокрытия следов совершенной растраты сплошь и рядом прибегают к злоупотреблению властью и почти всегда к подлогу (времена, когда можно было свалить все на вырезанный карман, на уличное ограбление или на утерю или когда растрату можно было погасить упавшими в цене деньгами, прошли. Деньги нужно внести чистоганом, а так как их обычно уже нет, то приходится поправлять беду подчистками, исправлениями и подделками в книгах, ведомостях и т.п.)»¹.

Г.К. Рогинский и М.С. Строгович отмечали, что «в кооперативах редко встречается подлог в чистом виде – обыкновенно он соединяется с другими должностными преступлениями. Обычно подлог соединяется с учинением растраты, являясь либо средством ее совершения, либо сокрытием уже совершенной растраты, и выражается в совершении различных неправильных записей в бухгалтерии»². Типичный пример служебного подлога, совершенного кооперативными служащими, когда заведующий лавкой и его заместитель в одном городском потребительском обществе растратили 4 200 рублей. С целью скрыть растрату заведующий лавкой представил два акта, которые были подписаны членом правления и членами ревизионной комиссии без проверки. Виновные были приговорены к 3 и 4 годам заключения³.

В ст. 116 УК РСФСР, предусматривающей уголовную ответственность за служебный подлог, не было указания на обязательное установление корыстного мотива или иной личной заинтересованности. Поэтому для окончательного служебного подлога достаточно было установления действий, направленных на подлог документов. Таким образом, служебный подлог в потребительской кооперации в основном инкриминировался в совокупности с другими должностными преступлениями и в судебной практике в качестве единичного преступления встречался весьма редко.

Переход к новой экономической политике и обусловленная им либерализация хозяйственной сферы привели к обвалу преступлений на экономической почве с их неперменной составляющей – подкупом должностных лиц различных рангов⁴. Различные виды подкупа и главным образом взятки стали основным способом проникновения частного в советские и хозяйственные органы⁵. В литературе 20-х годов отмечалось, что взяточничество являлось в

---

¹ Тагер С. Борьба с растратами в кооперации // Союз потребителей. 1926. № 2-3. С. 138.

² См.: Рогинский Г.К., Строгович М.С. Указ. соч. С. 35.

³ Нечаев А. Указ. соч. С. 24.

⁴ См.: Борисова Л.В. НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84.

⁵ См.: Зубарев В.И. Борьба со взяточничеством в Петрограде в начале НЭПа (1921-1924 гг.) // Правоведение. 1975. № 6. С. 81.

1921-1924 гг. наиболее распространенным должностным преступлением¹. И оно наносило удар по экономике страны и существенно подрывало авторитет государственных и кооперативных организаций.

Уголовная ответственность за взяточничество предусматривалась статьей 114 УК РСФСР. Причем этой статьей охватывались как бы несколько составов преступлений, в частности, получение взятки, дача взятки и посредничество во взяточничестве. Отдельной статьей, ст. 115 УК РСФСР, устанавливалась ответственность за провокацию взятки.

Одним из резонансных уголовных дел по потребительской кооперации было дело о сотрудниках и посредниках Центросоюза. Об этом деле уже упоминалось в настоящей работе. Однако следует заметить, что наряду со злоупотреблением властью, халатным отношением к службе, служебными подлогами в этом деле многие действия преступников были построены на взятках. К суду было привлечено 37 сотрудников Центросоюза и других учреждений и посредников. В отношении некоторых сотрудников Центросоюза судом была применена высшая мера наказания – расстрел². Благодаря взятке частники иногда сбывали свою продукцию в кооперацию, тогда как можно было ее приобрести в государственных учреждениях. Очень характерную картину ростов оборота частного капитала, благодаря его преступному сращиванию с отдельными кооперативными организациями, показывает дело Астраханского ЦРК. «Так, за 9 месяцев 1923-1924 гг. астраханским ЦРК заготовлено было у частных товаров на сумму 126 933 рубля, что составляло 13,78% от общей заготовки, за 1924-1925 гг. на сумму 352 838 рублей, или 7,29%. Это продолжалось и в последующие годы».

Таким образом, астраханский ЦРК превратился в товарно-проводящий аппарат для астраханских торговцев. Всем лицам, в том числе и сотрудникам астраханской кооперации, было предъявлено обвинение по ряду должностных преступлений, в том числе и по получению и даче взяток³.

Итак, в период действия УК РСФСР 1922 года теория и практика признавала, что потребительские общества, составляющие в целом систему потребительской кооперации, по своему статусу относились к общественным организациям и наделялись государством полномочиями по осуществлению хозяйственных, просветительных и других общегосударственных задач. С учетом этого служащие потребительской кооперации приравнивались к служащим государственных организаций и учреждений и признавались субъектами должностных преступлений.

Однако среди теоретиков не было единой позиции к служащим низовых кооперативных организаций (городских и деревенских). Они считали, что та-

¹ Поволоцкий Л.И. Ответственность кооперативных работников. – Ленинград: Кооперативное строительство, 1928. С. 80; Лебединский В.Г. Как Советская власть борется с преступностью в кооперации. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1927. С. 17.

² См.: Дело сотрудников и посредников Центросоюза // Еженедельник Советской юстиции. 1923. № 11. С. 243-246.

³ См.: Классовая борьба и преступность / под ред. Е.Г. Ширвиндта. – Москва: НКВД РСФСР, 1930. С. 85-86.

кие небольшие кооперативы не могли выполнять общегосударственных задач. Судебная практика в этом отношении не всегда была последовательна. Но советская власть таким кооперативам придавала огромное значение и возлагала на них большие надежды в деле построения социалистической экономики. Поэтому после неоднократных указаний высших партийных и судебных инстанций судебная практика стабилизировалась, и служащие потребительской кооперации низовых кооперативных звеньев безо всяких оговорок стали признаваться субъектами должностных преступлений. А споры в теории уголовного и кооперативного права на этот счет по существу стали бессмысленными.

В этот же период, в связи с ростом должностных растрат, круг кооперативных работников, подпадающих под признаки должностного лица, был значительно расширен.

В то же время следует отметить, что не за всякое должностное преступление могли отвечать служащие потребительской кооперации, например, за злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к службе при квалифицирующих обстоятельствах, за дискредитирование власти. Все зависело от масштабов кооперативной организации (Центросоюз, Губсоюз и т.д.), а также объема прав и полномочий служащего того или иного потребительского общества.

Возникает необходимость в разграничении понятий «должностное лицо» и «должностное лицо, облеченное особыми полномочиями». Каждый служащий аппарата потребительской кооперации относился к должностным лицам, поскольку занимал ту или иную должность, но не каждый из них мог относиться к должностным лицам, занимающим ответственное должностное положение, и наделяться в силу этого особыми полномочиями. Разъяснения на этот счет были даны высшими судебными инстанциями.

Среди должностных преступлений, которые совершались служащими потребительской кооперации, доминирующими были должностные растраты.

5.3. Дискуссии по вопросу о признании служащих потребительской кооперации субъектами должностных преступлений по УК РСФСР 1926 года

В период действия УК РСФСР 1926 года среди теоретиков не было разногласий в том, что кооперативные организации – это публично-правовые образования, поскольку цель их деятельности заключалась в реализации задач, возложенных на нее Советским государством. Из предмета спора были исключены городские и деревенские кооперативы, поскольку было признано, что они играли важную роль в построении нового социалистического государства, а их служащие приравнялись к государственным служащим. Судебная практика шла по пути признания их субъектами должностных преступлений. Вместе с тем теоретические дискуссии сместились в другую сферу –

сферу деятельности небольших кооперативов (булочных, молочных, жилищных и т.д.). У некоторых исследователей возникали сомнения в отношении служащих таких кооперативов на предмет отнесения их к должностным лицам, а следовательно, и привлечения к уголовной ответственности за должностные преступления.

Например, А.Н. Трайнин писал, что «не может быть сомнений в том, что по действующему законодательству должностными лицами являются как служащие государственных, так и служащие общественных учреждений (кооперативных, профессиональных и иных)»¹. В то же время он с сомнением относился к приравниванию к должностным лицам служащих таких кооперативов, как кооперативов парикмахеров или булочников, а также и других не входящих в состав более широких объединений. По его мнению, работников таких кооперативов нельзя было считать должностными лицами, поскольку они не способны злоупотребить властью, превысить власть и т.п.²

Аналогичной точки зрения придерживался А. Пионтковский. Он отмечал в своих работах, что «все лица, принадлежащие к людскому составу аппарата кооперации, этого важнейшего орудия вовлечения масс в социалистическое строительство, являются должностными лицами. Только людской состав аппарата тех немногих кооперативных объединений, которые ни в какой мере не выполняют общегосударственных задач (например, частное кооперативное издательство с узким кругом членов-пайщиков), не может быть рассматриваем как должностные лица»³.

А.А. Жижиленко полагал, что не только лица, находящиеся в непосредственном публично-правовом отношении к государству, признаются государственными служащими и считаются несущими службу в интересах государства. Наряду с ними стоят и лица, которые в особых публично-правовых отношениях к государству не состоят, – это служащие разных организаций, существующих в государстве и признаваемых им преследующими общегосударственные задачи. «Поскольку эти организации действуют в общегосударственных интересах, – писал он, – служащие их подобны служащим государства, в собственном смысле наделены известными правами и полномочиями и связаны определенными обязанностями. Отсюда – возможность и необходимость их ответственности на том же основании, как и государственных служащих»⁴. Вместе с тем А.А. Жижиленко считал, что служба в организациях и объединениях, не преследующих общегосударственные задачи, не является с точки зрения УК интересом, нуждающимся в особой правовой охране. Поэтому «должностные лица любой артели... не являются должностными лицами в смысле

---

¹ Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против государства и социального порядка. – 2-е изд., доп. и перераб. в соответствии с УК ред. 1926 г. и Союзным положением 1927 г. – Москва: НКЮ РСФСР, 1927. С. 223.

² Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 223.

³ Пионтковский А. Советское уголовное право. Т. 2. Особенная часть. – Москва – Ленинград, 1928. С. 208.

⁴ См.: Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления: практический комментарий. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Право и жизнь, 1927. С. 4.

примеч. 1 к ст. 109 УК РСФСР (ред. 1926 г.), так как артели не уполномочиваются государством выполнять его функции»¹. А. Эстрин, возражая А.Н. Трайнину, писал, что «действительно, лицо, не наделенное никакой «властью», не может ни «злоупотребить властью», ни «превысить свою власть», и потому постановления о «злоупотреблении» и о «превышении власти» к нему непосредственно не относятся. Но и такое не наделенное властью лицо, будучи только техническим работником советского аппарата, не перестает еще быть должностным лицом: за взятки, растраты, подлоги и халатное отношение к службе или за незаконное разглашение вверенных ему по службе сведений он, конечно, отвечает в полной мере по статьям главы о должностных преступлениях. Однако эти статьи распространяются только на работников советского (а также кооперативного, профессионального и т.д.) аппарата»².

По мнению А. Эстрина, указание в примечании 1 к ст. 109 УК РСФСР на то, что «под должностными лицами понимаются лица, занимающие те или иные должности в организации или объединении, на которые возложены законом определенные обязанности, права и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных и других общегосударственных задач, показывает, что здесь имеются в виду работники всех более или менее важных отраслей общественной жизни, и прежде всего работники хозяйственных, в том числе, конечно, кооперативных, организаций всех видов как городской, так и сельскохозяйственной сети»³. Прямо противоположного взгляда по этому вопросу придерживался А. Гюнтер. Он считал, что если такие сомнения возможны были при старой редакции УК, то в редакции УК РСФСР 1926 года, когда все перечисленные статьи говорили не только о власти, но и о служебном положении, – вряд ли есть основание для сомнений. «И вполне допустим случай, – отмечал он, – когда служащий кооператива парикмахеров или булочников проявит халатное отношение к возложенным на него по службе обязанностям, в результате чего для кооператива наступили вредные последствия, например, служащий такого кооператива поздно является на службу, вследствие чего образуются очереди, вызывающие ропот публики, а кооператив, помимо подрыва доверия к кооперативной организации, терпит и непосредственный материальный от действия своего неисправного сотрудника ущерб. Или другой случай: приказчик булочного кооператива отпускает кому-либо из своих приятелей – вопреки существующим на этот счет прямым указаниям Правления кооператива – товар в кредит; приятель этот уезжает, не покрыв своего долга кооперативу. В этом случае можно говорить о злоупотреблении приказчиком своим служебным положением либо о превышении им своих служебных полномочий; квалификация по той или иной статье зависит от общей обстановки совершенных деяний, но то, что перед нами деяние, которое может и должно быть квалифицировано по одной из статей главы о должностных (служебных) преступлениях, – это никакому

¹ См.: *Жижиленко А.А.* Указ. соч. С. 8.

² *Эстрин А.* Указ. соч. С. 36.

³ Там же. С. 35-36.

сомнению не подлежит»¹. Свое мнение по этому вопросу выразил и М. Шаргородский. В принципе оно было созвучно позиции А. Гюнтера. Вот что он писал: «Уже и на Западе процесс публикации частнопрововых отношений заставляет все более и более расширять круг лиц, могущих быть субъектами должностного преступления, в частности взяточничества. В наших же условиях, когда промышленность и торговля в значительной степени публицированы, когда кооперация и профсоюзы являются не менее важными для государства организациями, чем любые другие, «чисто» публично-правовые институты, не только правильно, но и необходимо охватить понятием должностного лица всех тех, кто, выполняя какие бы то ни было функции во всех публицированных организациях, может нарушать те интересы, о которых мы говорили выше»².

Интересы, о которых говорил автор, это прежде всего были интересы Советского государства в реализации планов и программ по созданию сильной социалистической экономики, в том числе и путем активного вовлечения в этот процесс кооперации посредством возложения на нее задач общенационального значения. Далее М. Шаргородский подчеркивает, что «сотрудники кооперативных организаций, в том числе и жилищно-кооперативных (управдом), несомненно, подходят под понятие должностных лиц»³. Автор, таким образом, относил к должностным лицам служащих всех звеньев низовой кооперации. По этой проблеме высказывались и исследователи потребительской кооперации.

Так, Г. Крекнин писал, что «ввиду особых задач, возлагаемых на кооперацию в деле строительства хозяйственной жизни Республики, она наделена большими полномочиями и правами: государство дает ей много льгот и преимуществ. Но вместе с тем на кооперацию возложен также ряд важных обязанностей. Вот поэтому-то служащие, занимающие в кооперации временные или постоянные должности либо исполняющие там те или иные трудовые поручения, приравниваются законом к должностным лицам, служащим в государственных учреждениях: например, в РИКе, сельсовете и т.д. Они в связи со службой или по служебным делам отвечают так же, как и эти последние, т.е. гораздо строже, чем частные лица по частным делам между собою»⁴. Л.И. Поволоцкий считал, что приравнивание работников кооперации по своей ответственности к должностным лицам, состоящим на службе государства, имеет, несомненно, большое значение⁵, поскольку «советская кооперация относится к числу общественных организаций, добровольно возникающих и строящихся на основах добровольности членства и выборности органов управления, но она выполняет не только задачу служения интересам своих

---

¹ Гюнтер А. Указ. соч. С. 6-7.

² Шаргородский М. Субъект должностного преступления // Вестник Советской юстиции. 1928. № 9 (115). С. 264.

³ Там же. С. 266.

⁴ Крекнин Г. Указ. соч. С. 36.

⁵ См.: Поволоцкий Л.И. Указ. соч. С. 52-53.

членов, улучшения их материального благосостояния и культурно-общественного развития, что составляет лишь ее ближайшую цель, но и преследует значительно более широкие задачи в области социалистического строительства»¹. Представляется, что автор в данном случае имел в виду любые кооперативы, независимо от объема их деятельности. И дальше Л.И. Поволоцкий, как бы подтверждая наши предположения, писал, что «для признания наличности должностного преступления безразлично, совершено ли оно в низовой кооперативной организации мелкорайонного значения или в крупной организации. Государство оказывает одинаковую защиту всем без исключения кооперативным организациям. Например, в должностном порядке за злоупотребление властью должны отвечать выборные органы домоуправлений (жилищно-арендных кооперативных товариществ, жилищных товариществ и т.п.). Староста молочной артели признан Верховным судом РСФСР ответственным за растрату как должностное лицо, и в том же порядке он может отвечать за злоупотребления служебным положением и за халатное отношение к своим служебным обязанностям»². Действительно, судебная практика, несмотря на некоторые разногласия, существующие в теории, последовательно придерживалась позиции признания служащих кооперативного аппарата должностными лицами, приравнивая их таким образом к государственным служащим. Причем к таковым она относил служащих любого кооператива (инвалидов, булочников, молочных, жилищных товариществ и т.д.).

Другого пути и не могло быть. Государство было заинтересовано в развитии и укреплении кооперации, возлагало на нее большие надежды и всячески защищало ее служебные интересы.

Поэтому в целях усиления охраны кооперации от преступных посягательств Уголовный кодекс РСФСР 1926 года был дополнен статьей 58⁷. Этой статьей предусматривалась уголовная ответственность за подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенной в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их деятельности, совершенного в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций. За это преступление предусматривалась высшая мера социальной защиты – расстрел³. Таким образом, подрыв кооперации законодатель рассматривал как экономическую контрреволюцию. Время шло, и к концу 20-х годов консервативный путь развития кооперации занял прочные позиции⁴. «Государство отказыва-

¹ Поволоцкий Л.И. Указ. соч. С. 52-53.

² Там же. С. 57-60.

³ См.: Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно систематизированных материалов. – Москва: Юридическая литература, 1950. С. 41.

⁴ См.: Тычинин С.В. Очерк развития законодательства о кооперации в СССР (РСФСР) в период с октября 1917 по 1929 г. // История государства и права. 2004. № 2. С. 64.

ется от НЭП(а), от свободной социально-экономической деятельности и переводит экономику страны на жесткую централизацию, которая относилась и к кооперации. Последняя последовательно, этап за этапом, превращается из объединения добровольных физических лиц и самостоятельных кооперативов в полугосударственную, полукооперативную систему во главе с Центросоюзом, регламентирующим с помощью командных методов управления всю ее деятельность. Организационное построение кооперации теперь соответствовало системе тоталитарного государства с полным подчинением и контролем по вертикали: Центросоюз – Республиканский (Областной) союз – Районный союз – общество (товарищество, артель)»¹.

В таких условиях «дискуссия о том, работники аппарата каких предприятий, учреждений и общественных организаций могут признаваться должностными лицами, оказалась беспредметной»². С этого времени все служащие кооперативных организаций приравнивались к государственным служащим и являлись субъектами должностных преступлений.

5.4. Уголовно-правовые нормы об ответственности за должностные преступления по УК РСФСР 1926 года и особенности их применения к служащим потребительской кооперации

Уголовно-правовые нормы об ответственности за должностные преступления по УК РСФСР 1926 года содержались в третьей главе, и называлась она «Должностные (служебные) преступления». Ответственность в уголовном порядке за злоупотребление властью или служебным положением предусматривалась статьей 109 УК РСФСР. В отличие от ст. 105 УК РСФСР в редакции УК 1922 года статьей 109 УК предусматривалась ответственность не только за злоупотребление властью, но и служебным положением. Как и прежде, указанная норма должна была служить общим родовым определением должностного преступления и в «то же время служить резервной нормой для случаев, когда тот или иной должностной деликт не предусмотрен специальными статьями – ст. 110 и следующими УК»³.

Служащие потребительской кооперации привлекались к уголовной ответственности как за злоупотребление властью, так и за злоупотребление служебным положением. Однако следует заметить, что за злоупотребление властью мог отвечать не каждый служащий, а только тот, кто был наделен, в силу закона или иных нормативных (в том числе и ведомственных) актов, реальной властью, то есть возможностью отдавать распоряжения и указания, обязательные для исполнения лицами, подчиненными ему по службе.

---

¹ Коряков И.А. Указ. соч. С. 155.

² См.: Волженкин Б.В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 76.

³ См.: Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 228.

По мнению Г. Крекнина, ответственность служащего кооператива зависела от «объема ответственности, определяющегося кругом обязанностей, вытекающих из служебного положения всякого лица в кооперативе. Сторож, уборщица, подручный мастер маслоделия – все они отвечали по своей должности и не отвечали по должности за действия членов правления»¹. «Злоупотребить властью и быть привлеченным за это деяние к уголовной, а не к дисциплинарной ответственности, – писал Л.И. Поволоцкий, – мог лишь тот служащий, который по характеру своей должности имел возможность оказать влияние на состояние и положение работ в порученной ему отрасли хозяйства»². Однако, по его мнению, нельзя было в этом отношении указать точно определенные рамки, и вопрос в каждом отдельном случае должен был решаться судом, в зависимости от того, какими должностными полномочиями обладал обвиняемый, от характера занимаемой им должности и совершенного преступления³. «Судебная практика, – отмечал он, – устанавливала то положение, что за злоупотребление властью могли привлекаться в уголовном порядке председатели и члены правлений, ревизионных и ликвидационных комиссий, бухгалтеры, заведующие отделами, подотделами, частями, магазинами, ларьками, складами и их заместители»⁴. Злоупотребление властью или служебным положением выражалось в самых разнообразных действиях. Например, в действиях кооператора, перепродающего или выпускающего на частный рынок закупленные им у госпромышленности для снабжения кооперированного населения товары. В неправильном слишком широком кредитовании частных покупателей, особенно же своих родственников и приятелей, в устройстве ненужных, дорогостоящих командировок, в использовании служебного положения в личных целях⁵. В последнем случае можно привести пример, когда председатель потребительского общества нанимал в лавку неопытных подручных, но зато своих родственников. Торговали они плохо, провешивали, хранили и обращались с товаром плохо. Жаловались пайщики, жаловался заведующий лавкой председателю, но последний был непреклонен и строго внушал им, что хозяином в потребительском обществе является он⁶. В результате таких действий потребительскому обществу причинялся немалый ущерб.

При привлечении служащих потребительской кооперации к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР и рассмотрении таких дел в суде правоприменителем нередко допускались ошибки в квалификации содеянного вследствие неправильной оценки причиненного ущерба. Например, приговором Ивано-Вознесенского губернского суда за злоупотребление властью был осужден Н.Т. Строкин (по профессии торговый служащий). Будучи в долж-

---

¹ См.: *Крекнин Г.* Указ. соч. С. 37.

² См.: *Поволоцкий Л.И.* Указ. соч. С. 58.

³ Там же. С. 58.

⁴ См.: *Эстрин А.* Указ. соч. С. 91-92.

⁵ Там же. С. 91-92.

⁶ См.: *Крекнин Г.* Указ. соч. С. 39.

ности продавца мануфактурного магазина Ивано-Вознесенского единого потребительского общества, отпустил неизвестному гражданину 21 метр ситца, предложил уплатить причитающиеся за ситец деньги в сумме восемь рублей и, получив эти деньги, положил себе в карман, но это обстоятельство было замечено членом лавочной комиссии. Строкин был приговорен к лишению свободы со строгой изоляцией на один год и с последующим запрещением ему занимать должность продавца в государственной или кооперативной торговле. В кассационной жалобе осужденный указывал, что приговор он считает несправедливым, ибо за свою 30-летнюю работу по найму он впервые учинил незначительное по своим последствиям преступление, в чем он чистосердечно сознался, что сделал он не тайно, а открыто при всех, причем из взятых им за мануфактуру 8 рублей у него 4 рубля 95 копеек отобрали.

Кассационная коллегия по уголовным делам, рассмотрев кассационную жалобу осужденного Строкина, определила: «В деяниях осужденного Строкина, воспользовавшегося в силу своего служебного положения незначительной суммой в 8 рублей, хотя и имеются формальные признаки преступления, предусмотренного ст. 109 УК, но ввиду явной малозначительности содеянного по своим последствиям действие это в силу 6 ст. УК не подлежит разрешению в судебно-уголовном порядке, а в дисциплинарном, посему на основании ст. 418 УПК приговор отменить и дело в силу п. 5 ст. 4 УПК в уголовном порядке производством прекратить и ввиду фактического увольнения Строкина от занимаемой должности дисциплинарного дела о нем не возбуждать»¹.

Таким образом, дело было прекращено по причине малозначительности деяния. Однако в данном случае представляет интерес вопрос и о субъекте преступления. В определении указывалось, что обвиняемый в злоупотреблении служебным положением работал продавцом, но относился по профессии к торговым служащим, и преступление им было совершено в силу использования своего служебного положения. Из этого следует, что судебная практика шла по пути признания служащих такой категории субъектами уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР.

Завершая рассмотрение основных, проблемных вопросов, которые возникали в теории и практике при привлечении служащих потребительской кооперации по ст. 109 УК РСФСР, можно сказать, что они привлекались по этой статье к уголовной ответственности либо за злоупотребление властью, либо за злоупотребление служебным положением. Все зависело от того, какими должностными полномочиями обладал тот или иной служащий. Мог ли он в силу занимаемого служебного положения злоупотребить властью или же использовать служебное положение вопреки интересам потребительского общества.

Статьей 112 УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за квалифицированное злоупотребление властью. Причем речь здесь шла только об ответственности за злоупотребление властью, а не служебным положением. Это еще раз подчеркивало несовершенство норм о должностных

---

¹ См.: Судебная практика РСФСР. 1927. № 3. С. 20.

преступлениях и сложности их применения на практике. К тому же это влекло за собой теоретические дискуссии, которые никак не способствовали единообразному применению уголовно-правовых норм о должностных преступлениях. Следует отметить, что указанная уголовно-правовая норма применялась лишь в том случае, когда злоупотребление властью влекло за собой развал руководимого должностным лицом центрального аппарата управления или таких же хозяйственных государственных аппаратов производства, торговли, кредита и транспорта. За совершение данного преступления предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет.

Могли ли быть субъектами этого преступления служащие потребительской кооперации? В уголовно-правовой теории на этот счет высказывались различные суждения. По смыслу ст. 112 УК РСФСР субъектом преступления мог быть только руководитель учреждения. В этой связи А.Н. Трайнин писал, что «вряд ли при ином менее ответственном положении должностного лица его действия объективно способны вызвать развал центрального аппарата». Возможность применения этой нормы к руководителям потребительской кооперации некоторыми теоретиками уголовного права подвергалась сомнению. В частности, А.Н. Трайнин по этому вопросу высказывался следующим образом: «Еще одно ограничение вводит ст. 112; она говорит, с одной стороны, об аппаратах управления, каковые могут быть, естественно, лишь государственными, с другой – о государственных хозяйственных аппаратах. Отсюда непосредственно вытекает, что должностное лицо, которое своими злоупотреблениями вызовет развал «организации или объединения» не государственного, а лишь «имеющего по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении... общегосударственных задач» (ст. 109, примечание), не может отвечать по ст. 112»¹. Аналогичной позиции придерживался и А.А. Жижиленко. По его мнению, ст. 112 говорила прямо о государственных хозяйственных аппаратах, то, следовательно, ею не должны охватываться всякие иные хозяйственные аппараты – общественные и кооперативные, хотя бы и центральные².

Солидарен с указанными авторами был и Л.И. Поволоцкий. В частности, он писал: «Статья (ч. 1 ст. 112 УК РСФСР) относится лишь к должностным лицам центральных и притом государственных учреждений и предприятий и потому к работникам кооперации применения иметь не может»³.

Диаметрально противоположную точку зрения по этому вопросу высказывал А. Пионтковский. Он считал, что «развал центрального аппарата кооперации не менее социально опасен для социалистического строительства, чем развал центральных хозяйственных органов. В ряде статей УК (например, 128) общественные и кооперативные хозяйственные предприятия в отношении их уголовно-правовой охраны приравнены к государственным предпри-

---

¹ Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть особенная. Преступления против государства и социального порядка. – Москва, 1927. С. 241.

² Жижиленко А.А. Должностные (служебные) преступления. 1927. С. 53.

³ Поволоцкий Л.И. Указ. соч. С. 64.

ятиям. Последовательно было бы это правило провести и в области квалифицированного злоупотребления властью»¹.

Представляется, что точка зрения А. Пионтковского была более правильной. Законодатель говорил в ст. 112 УК о развале центрального аппарата управления, не облакая его при этом в форму «государственного». Поэтому к таковым следовало относить и аппараты Центросоюза и губсоюзов. В случае развала их работы действия виновных, на наш взгляд, надлежало рассматривать как квалифицированное злоупотребление властью. И, учитывая роль и значение кооперации для советского государства, такой подход законодателя еще в большей бы степени обеспечивал уголовно-правовую охрану кооперативных служебных отношений. Но большинство теоретиков и судебная практика придерживались другой позиции.

Уголовная ответственность за превышение власти или служебными полномочиями предусматривалась ст. 110 УК РСФСР. В уголовном законе в редакции 1922 года ответственность за это преступление наступала только в случае превышения власти. Служащие потребительской кооперации привлекались по указанным статьям как в период действия УК РСФСР 1922 года, так и УК РСФСР 1926 года.

Применение этой статьи к должностным лицам потребительской кооперации А. Эстрин считал правильным и подчеркивал, что «это сослужит серьезную службу и с точки зрения задачи укрепления хозорганов и кооперативных организаций, задачи обеспечения правильного управления директив партии и советской власти в области хозяйственного строительства в СССР»².

«Применительно к нашей кооперативной среде, – писал Г. Крекнин, – превышением власти или служебных полномочий называются такие служебные действия должностного лица, которые явно выходят за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе законом (а также кооперативным уставом, постановлением общего собрания и общими директивами союза), совершаемые им из корыстной или иной личной выгоды, и которые своим последствием имели нарушение работы организации или причинили ей ущерб»³.

В основном превышение власти или служебных полномочий в действиях служащих потребительских обществ выражалось в причинении материального ущерба. Об этом свидетельствовали данные, приведенные в докладе Уголовной кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по делам о должностных преступлениях». В докладе было также отмечено, что необоснованное привлечение к уголовной ответственности по ст. 110 УК РСФСР имело место и в тех случаях, когда превышение власти носило чисто формальный характер. Вот что конкретно отметила УКК в докладе: «Из 123 дел по ч. 1 ст. 110 УК по 44 (35,8%) делам имеется материальный ущерб. Подобные дела возникали благодаря тому, что лица, возглавлявшие

---

¹ Пионтковский А. Советское уголовное право. Т. 2. Особенная часть. С. 218.

² См.: Эстрин А. Указ. соч. С. 67.

³ См.: Крекнин Г. Указ. соч. С. 42-43.

государственные учреждения или предприятия и кооперативные организации, в результате превышения ими прав, присвоенных по службе, в обход действующим законам совершали такие действия, которые в конечном итоге нанесли материальный ущерб. Кроме этого, по ч. 1 ст. 110 УК имеется еще 27 (21,9%) дел (из 123 дел), по которым превышение власти носит чисто формальный характер. Эта категория дел в конечном счете не имеет скольнибудь серьезных последствий, а потому считать подобные преступления социально опасными, требующими уголовной репрессии не приходится. Большинство этих дел заключается в том, что лицо, заведующее кооперативом или распоряжающееся кредитом, предоставляло пайщикам кооператива несколько больший кредит, чем это предусматривалось уставом кооператива, или же сумма, ассигнованная на определенную цель, расходовалась по тому же учреждению не по прямому назначению»¹.

Что же касается превышения власти или служебных полномочий должностными лицами потребительской кооперации, связанных с применением насилия, то мы в судебной практике не нашли ни одного такого примера. К превышению власти или служебных полномочий приравнивались действия руководителей потребительской кооперации, если они противоречили Декрету СНК РСФСР от 21 декабря 1922 года, который носил название «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях»². Следует заметить, что в этом Декрете не упоминалось о кооперативных организациях, и тем не менее его нормы распространялись и на служащих потребительской кооперации, поскольку они были приравнены к ответственности за должностные преступления к служащим государственных учреждений и предприятий. И только в апреле 1928 года в связи с внесением изменений в примечании Декрета было прописано, что «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях» распространяются также на кооперативные объединения. В соответствии с п. 7 Декрета прием на службу и оставление на службе руководителями государственных учреждений и предприятий сотрудников с нарушением правил ст. 1, 2 и 4 каралось уголовным законом и должно было квалифицироваться по ст. 110 УК РСФСР. На какие же действия был наложен запрет? Во-первых, не могли быть принимаемы и состоять на государственной службе лица, коим служба в государственных учреждениях и предприятиях запрещена судебным приговором (ст. 1); во-вторых, запрещалось состоять на государственной службе лицам, соединенным близким родством и свойством (родителей, супругов, братьев, сестер, сыновей, дочерей, а равно братьев, сестер, родителей и детей супругов), с лицами, уже состоящими на службе в данном учреждении или предприятии в случае, если одновременное состояние их на службе связано с под-

---

¹ См.: Доклад Уголовной Кассационной Коллегии Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по делам о должностных преступлениях» (утвержден в заседании Президиума Верховного Суда РСФСР от 29 мая 1928 года) // Судебная практика РСФСР. 1928. № 12. С. 3.

² См.: Собрание Узаконений РСФСР. 1923. № 1. Ст. 8 (с изменениями на 1928 год. Собрание Узаконений РСФСР. 1928. № 45. Ст. 340).

чиненностью или подконтрольностью одного из них другому (ст. 2); в-третьих, запрещалось совмещение должностей в нескольких государственных учреждениях или предприятиях и допускалось не иначе, как по взаимному соглашению руководителей от учреждений или предприятий (ст. 4); в-четвертых, запрещалось совмещение государственной службы со службой в частных учреждениях или предприятиях. Нормы Декрета распространялись на служащих потребительской кооперации сразу же после его издания в 1922 году. В кооперативной литературе отмечалось, что к превышению служебных полномочий можно было, например, отнести действия председателя правления потребительского общества, нанявшего на службу в лавку заведующим заведомо такое лицо, которому судебным приговором воспрещено было состоять на ответственной службе. Или же председатель потребительского общества берет на службу сверх штата своего сына, зятя, какого-нибудь близкого родственника или свойственника, который по своей службе является подконтрольным ему¹. Как правило, такая порочная практика заканчивалась осуждением должностного лица по ст. 110 УК РСФСР либо увольнением со службы в зависимости от конкретной ситуации.

Вышесказанное позволяет заключить, что служащие потребительской кооперации привлекались к уголовной ответственности за превышение власти или служебных полномочий по УК РСФСР 1926 года. И в основном это выражалось в превышении служебных полномочий. К сожалению, следует констатировать, что в современном российском уголовном законодательстве такой нормы нет, что является пробелом, который, на наш взгляд, следует устранить законодателю.

Так же, как и в УК РСФСР 1922 года, в УК РСФСР 1926 года сохранились нормы, которыми предусматривалась уголовная ответственность за бездействие власти и халатное отношение к службе (ст. 111 и 112 УК). Эти нормы применялись и в отношении служащих потребительской кооперации. Теоретические и практические аспекты их применения к указанной категории служащих мы подробно рассматривали в данной работе и полагаем, что нет необходимости еще раз подвергать их анализу, поскольку каких-либо принципиальных изменений в этом отношении теория и практика не претерпели. За дискредитирование власти должностные лица привлекались по ст. 113 УК РСФСР 1926 года. Текстуально эта норма воспроизводила ст. 109 УК РСФСР 1922 года. Проблема применения этой нормы как в редакции УК РСФСР 1922 года, так и УК РСФСР 1926 года заключалась в субъекте преступления. Вопрос о субъекте дискредитирования власти оставался спорным. Например, А.Н. Трайнин, последовательно придерживаясь своей позиции, полагал, что субъектом ст. 113 УК РСФСР могли быть только должностные лица государственных учреждений². А. Гюнтер считал, что «важным и существенным моментом для применения ст. 113 УК РСФСР является отправление функций государственной власти». Исходя из сформулированного им тезиса, он делает вывод, что поскольку должностные

---

¹ См.: *Крекнин Г.* Указ. соч. С. 43.

² См.: *Трайнин А.Н.* Указ. соч. С. 244.

лица кооперативных организаций таких функций не выполняют, следовательно, они и не могут быть субъектом дискредитирования власти¹. А.А. Жижиленко подчеркивал, что «субъектом дискредитирования власти является такое должностное лицо, которое является представителем власти»². Он категорически отвергал признание субъектом этого преступления технических работников аппарата. Но и считал недопустимым применение ст. 113 в отношении должностных лиц кооперативных организаций сельского и волостного (районного) масштаба³. Е.И. Юцис, полемизируя по этому вопросу, считал, что нельзя смешивать понятия «представитель власти» и «власть». По мнению автора, субъект мог иметь определенную власть, и эта власть могла быть самой разнообразной: власть правления кооперативной организации, власть председателя какого-либо собрания, государственная власть. Всеми этими видами власти можно пользоваться в меру и не в меру, злоупотреблять, превышать. В выражении же «представитель власти» слово «власть» имеет совсем другое значение: оно означает орган государственного управления⁴. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что должностные лица общественных организаций (в том числе и кооперативных) не являются представителями власти, а потому и не могут ее дискредитировать. В этом отношении представляет интерес следующее дело.

Приговором выездной сессии Сталинградского губсуда Пономарев был признан виновным в том, что, будучи членом правления Слащевского потребительского общества, находясь на рынке в пьяном виде, катался на каруселях, рассыпая деньги. Кроме того, будучи командированным правлением в слободу Михайловку, проезжая по хуторам, повсюду распивал спиртные напитки в присутствии посторонних лиц.

Был приговорен за дискредитирование власти по ст. 113 УК РСФСР к одному году лишения свободы.

УКК Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело в кассационном порядке, вынесла определение об отмене приговора и прекращении производства по делу. В определении было указано, что Пономарев не является лицом, облеченным какой-либо властью, его поведение как работника кооперации может вызвать лишь увольнение с занимаемой должности в административном порядке⁵. Судя по определению не ясно, то ли член правления потребительского общества не обладал достаточным объемом власти, чтобы власть дискредитировать, то ли и вовсе ее не имел, потому как относился к кооператорам. Но между тем судебная практика следовала указаниям высшей судебной инстанции, что нельзя было применять эту норму в отношении кооперативных организаций сельского и волостного (районного) масштаба. Это указание было дано до принятия УК РСФСР 1926 года и продолжало действо-

¹ См.: Гюнтер А. Указ. соч. С. 48.

² Жижиленко А.А. Указ. соч. С. 56.

³ Там же. С. 56.

⁴ См.: Юцис Е.И. О должностном лице и представителе власти // Вестник советской юстиции. 1928. № 9 (115). С. 271.

⁵ См.: Судебная практика РСФСР 1927. № 7. С. 16.

вать и после его вступления в силу. По этой причине суды выносили такие определения по уголовным делам. Однако следует заметить, что само это дело было возбуждено и передано в суд необоснованно и это нетрудно было заметить еще на первом этапе принятия решения. Поведение члена правления потребительского общества было аморальным, но не уголовно-противоправным. А что касается служебных полномочий, то член правления их, безусловно, имел и мог ими злоупотребить. Причем, учитывая значение в тот период кооперации для советской власти, такие действия, безусловно, дискредитировали ее в глазах населения. Если в отношении служащих низовых кооперативных организаций применение ст. 113 УК РСФСР не допускалось, то применительно к служащим более крупных кооперативных организаций высшие судебные инстанции не исключали такой возможности. Однако, по утверждению Л.И. Поволоцкого, в судебной практике не было примеров осуждения ответственных кооперативных работников по ст. 113 Уголовного кодекса. Он считал это едва ли возможным, так как ответственное лицо, состоящее на службе в кооперации, едва ли в состоянии будет совершать такие не стоящие в связи с его служебными обязанностями действия, которые дискредитировали бы дело кооперации¹.

Таким образом, применение ст. 113 УК РСФСР к служащим потребительской кооперации зависело от того, представителем какой кооперативной организации он являлся, низовой или губернской. Кроме того, обязательным являлось установление объема служебных полномочий, степени их власти, поскольку субъектом дискредитирования власти не могли быть технические работники (секретари, курьеры и т.д.), даже если они и выполняли свои служебные функции в центральном аппарате управления.

Самыми распространенными среди должностных преступлений, совершаемыми служащими потребительских коопераций, оставались должностное присвоение и растрата (ст. 116 УК РСФСР). По поводу этого негативного явления в кооперации А. Эстрин писал «растратная болезнь» – это «детская болезнь кооперации»². Эта «болезнь» терзала кооперативный организм на протяжении многих и многих последующих лет. Да и не ошибемся, если скажем, что она имеет место и в современной потребительской кооперации, только не в таких масштабах, как это было в 20-х годах. Борьба с должностными растратами велась, как и прежде, «ударными темпами». Правоприменитель при расследовании уголовных дел этой категории следовал предписаниям НКЮ РСФСР, данным им еще в период действия УК РСФСР 1922 года. По-прежнему спутником должностных растрат в кооперации и их прикрытием являлся служебный подлог (ст. 120 УК РСФСР).

Уголовная ответственность за взяточничество предусматривалась ст. 117, 118 УК РСФСР. Провокация взятки квалифицировалась по ст. 119 УК РСФСР. Служащие потребительской кооперации как должностные лица, а круг их в этот период был значительно широким, привлекались как за полу-

---

¹ См.: Поволоцкий Л.И. Указ. соч. С. 83.

² См.: Эстрин А. Указ. соч. С. 56.

чение взятки, так и за дачу взятки. Особенность применения уголовно-правовых норм за взяточничество в отношении кооператоров заключалась в том, что, как правило, кроме получения взятки и дачи взятки должностному лицу инкриминировалось и злоупотребление по службе. Например, судебная практика рассматривала действия кооперативных служащих как взяточничество и злоупотребление по службе в следующих случаях: 1) при продаже недостаточных товаров частнику с получением от него в свою пользу вознаграждения (ст.ст. 109 и 117 УК РСФСР); 2) при получении вознаграждения за прием товаров ненадлежащего качества (ст.ст. 109 и 117 УК РСФСР) и т.п.¹ Только ко взяточничеству без квалификации по совокупности со ст. 109 УК РСФСР относились случаи: 1) приобретения доброкачественных и необходимых товаров у поставщика, с получением от него какого-либо вознаграждения в свою пользу; 2) получения вознаграждения при приеме таких же товаров; 3) при платеже сумм по платежам обычно под предлогом ускорения оформления документов и т.п.²

Взяточничество с течением времени все реже встречалось в потребительской кооперации. Это было связано, на наш взгляд, со все большей централизацией управления и усиливающейся тенденцией ее огосударствления. В 1929 году глава о должностных (служебных) преступлениях пополнилась еще одной статьей – статьей 111а УК РСФСР. Она имела прямое отношение к кооперации вообще и к потребительской кооперации в частности. Этой статьей предусматривалась уголовная ответственность за содействие в организации лжекооперативов и при попустительстве их деятельности. Содержание ее было следующим: «Ст. 111а. Содействие должностными лицами государственных органов или кооперации, на обязанности которых лежит регистрация и последующий контроль за деятельностью кооперативов, организации лжекооперативов или попустительство их дальнейшей деятельности, а равно оказание таким лжекооперативам содействия иными должностными лицами в той или иной форме (льготный отпуск материалов и товаров, предоставление льгот по арендной плате и т.д.);

в тех случаях, когда это имело место в силу злоупотребления властью, бездействия властью или халатного отношения к своим обязанностям при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности, – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев;

те же действия при наличии корыстной или иной личной заинтересованности – лишение свободы на срок не менее двух лет»³. Появление в УК РСФСР 1926 года этой уголовно-правовой нормы было обусловлено «чрезмерной активностью» частного сектора экономики. Частник, пытаясь получить материальную выгоду и уменьшить бремя расходов, активно искал источники, посредством которых можно было облегчить свое положение. Здесь он очень

---

¹ См.: Поволоцкий Л.И. Указ. соч. С. 83.

² Там же. С. 83.

³ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 72. Ст. 705.

внимательно присматривался к кооперации. И неслучайно, поскольку государство предоставляло ей значительные льготы. Таким образом, он предпринимал активные усилия, и нередко ему удавалось, разумеется, не без помощи должностных лиц как государственных, так и кооперативных организаций замаскировать частный характер своей деятельности – кооперативной. По этому поводу Н. Лаговьер писал: «Лжекооператив (выдаваемый, разумеется, за подлинный кооператив) нужен частнику для того, чтобы получить льготный кредит, лучший ассортимент товаров, уклониться от неприятных платежей в страхкассе, укрыться от фининспектора, безнаказанно нарушать законодательство о труде и т.д. Такова социально-экономическая, если можно так выразиться, сущность лжекооперации»¹.

Поэтому введение уголовно-правового запрета на лжекооперативную деятельность назревало давно. Субъектами этого преступления могли быть должностные лица кооперации, на которых возлагались обязанности регистрации и последующего контроля за деятельностью кооперативов, попустительствующие их дальнейшей деятельности. К субъектам относились также и иные должностные лица, которые могли по роду службы использовать свое служебное положение, оказывать содействие в предоставлении различных льгот лжекооперативам. В литературе конца 20-х годов отмечалось, что почти все виды кооперации являлись объектами такого внедрения частника. Однако наименее подвержена этому была кооперация потребительская с ее хорошо разработанной централизованной системой².

5.5. Борьба с должностными преступлениями в потребительской кооперации в период с 1930 по 1940 год

30-е годы для потребительской кооперации были нелегкими. Советская власть продолжала проводить над ней «эксперименты» в виде очередных реорганизаций по различным направлениям ее деятельности. В эти годы процесс огосударствления потребительской кооперации практически был завершен. Усилилась централизация управления, и командно-административные методы руководства потребительской кооперации укоренились в ней прочно и надолго. Продолжалась «чистка» кооперативного аппарата. Многие опытные грамотные кооператоры были изгнаны из кооперации. На смену им приходили, как и в прежние годы, коммунисты, вышедшие из крестьян, малограмотные и не имеющие опыта кооперативной работы¹. Начиная с 1933 года потребительская кооперация существовала формально. Составлялись планы, отчеты, балансы, проводились отчетно-выборные собрания, избирались руководящие органы, демонстрировались достижения, обобщался передовой опыт. Но все это происходило в рамках тоталитарного режима государства, жестко-

---

¹ Лаговьер Н. Прокуратура и суд в борьбе с лжекооперативами // Советская юстиция. 1928. № 22. С. 648.

² См.: Классовая борьба и преступность / под ред. Е.Г. Ширвиндта. – Москва, 1930. С. 165.

го контроля партийных органов, подавляющего всякую инициативу, демократизм и самостоятельность¹. Но потребительскую кооперацию ожидало еще одно испытание на «прочность». Административно-командная система решила вытеснить ее из городов. С этой целью советское правительство и ЦК партии приняли 29 сентября 1935 года Постановление «О работе потребительской кооперации в деревне». Этим постановлением определялась сфера деятельности потребительской кооперации. С этого времени потребительская кооперация вынуждена была заниматься торговлей и заготовкой только в сельском хозяйстве². При этом она принудительно лишалась огромного количества имущества на колоссальные суммы.

Советская власть поставила новые задачи перед потребительской кооперацией «создать на селе торговлю, отвечающую новым условиям – условиям победившего колхозного строя»³. И в новых условиях потребительская кооперация добивалась успехов, и вся ее система работала рентабельно. На 1 января 1941 года было 32 тысячи потребительских обществ. Численность членов-пайщиков на эту же дату составляла 44 млн человек. В системе имелось два высших учебных заведения, 36 техникумов, 112 кооперативных школ и другие учебные заведения⁴. Потребительская кооперация России, несмотря на невероятные трудности, по-прежнему оставалась самой многочисленной и передовой среди всех видов кооперации. В январе 1939 года был утвержден Новый Примерный Устав сельского потребительского общества. Согласно уставу отпали прежние ограничения в приеме в кооперативы лиц, лишенных избирательных прав по мотивам классовой принадлежности («буржуй», «кулак»). Пайщики могли иметь преимущество перед нечленами сельпо. Новый устав допускал некоторое повышение роли пайщиков в управлении своими обществами. Основные вопросы работы сельпо должны были рассматриваться на собраниях пайщиков или их уполномоченных, созываемых не реже одного раза в квартал⁵.

В связи с «огосударствлением» потребительской кооперации стали беспредметными дискуссии о том, могли ли служащие этой организации относиться к должностным лицам, а следовательно, и к субъектам должностных преступлений. Было общепризнано, что все они являлись должностными лицами и могли отвечать за содеянное по статьям, предусматривающим уголовную ответственность за должностные преступления. В исследуемый период дискуссии велись уже в другом русле. В уголовно-правовой литературе стал активно обсуждаться вопрос об обоснованности отнесения к должностным лицам служащих, которые выполняли в организациях чисто технические функции (курьеры, секретари, делопроизводители, конюхи, сторожа и т.д.).

---

¹ Коряков И.А. Указ. соч. С. 159.

² Там же. С. 163.

³ См.: Вахитов К.И. История потребительской кооперации России: учебник. С. 205.

⁴ См.: Меркулова А.С. Указ. соч. С. 55.

⁵ Там же. С. 57.

⁵ См.: Вахитов К.И. Указ соч. С. 213.

Известно, что начиная с 1917 года и в годы НЭПа все служащие аппарата потребительской кооперации относились к должностным лицам без всякого ограничения, в том числе и вышеуказанные работники. Но вот в 30-е годы взгляды теоретиков и практиков по этому вопросу стали меняться. В частности, Народный комиссариат юстиции, обобщив судебную практику по делам о должностных преступлениях (ст. 109, 110, 111 УК РСФСР), приказом от 5 января 1937 года обязал суды прекратить практику незаконного привлечения к судебной ответственности рядовых рабочих и колхозников за указанные должностные преступления и расширенного толкования круга должностных лиц¹. Положения этого приказа распространялись и на работников аппарата потребительской кооперации. Надо признать парадоксальным положение, когда возчики и ночные сторожа, рабочие, курьеры и прочие категории работников с весьма узкими обязанностями, обусловленными спецификой их работы в потребительском обществе, признавались должностными лицами. Между тем в приказе НКЮ РСФСР от 29 апреля 1937 года делалось исключение из указанных требований. «В отдельных случаях, когда рабочий или колхозник, исполняя постоянную работу (конюх, пастух, мастер, сторож, тракторист и пр.) или отдельное поручение, связанное с возложением на него ответственности за сохранность или правильное использование вверенного ему имущества, допускает такую халатность или небрежность, результатом которой является особо серьезный ущерб для предприятия и колхоза, или когда в допущенном им проступке устанавливается явная халатность, такая халатность и небрежность может быть квалифицирована по ст. 111 УК»². По мнению А.Н. Трайнина, такой подход соответствовал требованиям ст. 116 УК РСФСР, приравнивающей в отношении ответственности за растрату к должностным лицам также и лиц, «выполняющих какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения». Он приходит к заключению, что и «в законе, и в понимании руководящих судебных органов с полной отчетливостью выступает значение материального, предметного признака, реальная работа должностного лица, реальное выполнение им должностных функций определяют уголовную ответственность в качестве должностного лица»³.

Таким образом, из сказанного следует, что лица, выполняющие чисто технические функции в потребительских обществах, например, сторожа, возчики, рабочие и другие, могли в зависимости от конкретного случая быть признаны субъектами должностных преступлений, и главным образом за должностные растраты, если на них возлагались какие-либо обязанности потребительским обществом.

---

¹ См.: Приказ НКЮ РСФСР от 5 января 1937 года «О судебной практике по делам о должностных преступлениях (ст. 109, 110, 111 УК РСФСР)» // Советская юстиция. 1937. № 6. С. 56.

² См.: Трайнин А.Н. Общее учение о должностных преступлениях // Социалистическая законность. 1938. № 4. С. 18.

³ Там же. С. 18.

Если, к примеру, возчику потребительского общества поручили доставку товара в один из кооперативных магазинов, но он по пути следования часть товара реализует из корыстных побуждений посторонним лицам, в его действиях были на лицо признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РСФСР.

В то же время на практике указанные работники потребительской кооперации признавались должностными лицами не по всем преступлениям, совершаемым по службе. Так, они не могли быть субъектами злоупотребления власти (ст. 109 УК), превышения власти (ст. 110 УК), содействия в организации лжекооперативов (ст. 111^а УК), дискредитирования власти (ст. 113 УК) и ряда других преступлений, поскольку никакими властными полномочиями не обладали и потому не относились к категории лиц, представляющих власть.

Как уже ранее отмечалось, советская власть полностью подчинила своим интересам кооперацию, в том числе и потребительскую. Кооперативная собственность в совокупности с государственной и колхозной составляла общественную собственность, которая являлась основой советского строя. Лица, покушающиеся на нее, объявлялись властью врагами народа. С целью усиления охраны общественной собственности в РСФСР принимается Постановление ЦИК и СНК от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹. Этим постановлением имущество колхозов и кооперативов по своему значению (урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т.п.) приравнивалось к имуществу государственному, и предлагалось усилить его охрану от расхищения. За хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества предусматривалась высшая мера социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. Запрещалось применять амнистию к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества. Этот закон был призван существенно усилить охрану общественной, социалистической собственности от имущественных посягательств. Ужесточение уголовно-правовой репрессии за преступления против собственности осуществлялось в рамках провозглашенной борьбы с классовым врагом. «Это он – классовый враг – ворует с пакгаузов общественные грузы, это его рукой расхищаются продовольственные и промтоварные фонды из магазинов и складов потребкооперации, предназначенные для рабочего потребителя»², – писалось тогда в литературе. Вся политика государства была направлена на уничтожение классового врага и построение бесклассового общества.

---

¹ См.: Собрание Законов и Распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

² См.: *Красносельский М. О., Блаушильд М.* Революционная законность в промкооперации. – Ленинград – Москва, 1934. С. 9.

В этот период советское правительство и партия коммунистов направляют свои усилия на борьбу с должностными преступлениями в потребительской кооперации.

Так, Совет народных комиссаров СССР в Постановлении от 16 февраля 1933 года «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях» указал, что «в случаях хищений и растрат к уголовной ответственности должны привлекаться, наряду с непосредственными виновниками растрат и хищений, также и руководители соответствующих правлений ЗРК, ЦРК, горпо, райпо в городах, отделах рабочего снабжения, контор государственной торговли и т.п. за несвоевременные, недостаточные меры борьбы с хищениями и растратами в объединяемых ими торговых предприятиях».

СНК СССР признал необходимым выделение во всех крупных городах специальных судебных камер по разбору дел о хищениях и растратах в потребительской кооперации и государственной торговле¹. Циркуляром НКЮ РСФСР от 20 февраля 1933 года № 35 «Об ускорении разрешения в судебно-следственных органах дел о растратах и хищениях» аппарату потребительской кооперации было предоставлено уникальное в ее истории право – право осуществлять дознание в кооперативных организациях². В дополнение к указанному циркуляру Центросоюз направил на места инструкцию «О порядке производства дознания по делам о растратах и хищениях в системе потребкооперации»³. В соответствии с циркуляром и инструкцией право производства дознания было предоставлено кооперативным инспекторам и инструкторам. Для проведения этой работы назначались наиболее опытные и квалифицированные кадры.

Правом осуществлять дознание по делам о растратах и хищениях пользовались инспектора и инструктора городских и потребительских кооперативов, кооперативов системы автономных секций Центросоюза, союзных звеньев потребительской кооперации. Дознаватели аппарата потребительской кооперации наделялись правом производить допросы, осуществлять выемку предметов и документов, в случае добровольной их выдачи избирать в качестве меры пресечения подписку о невыезде. Срок проведения дознания составлял 14 дней. Продлить его можно было только в исключительных случаях и только по разрешению следователя. По окончании дознания инспектор (инструктор) составлял заключение и передавал все материалы следователю. Все производство дознания проводилось под надзором и руководством следователя.

Постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 28 мая 1933 года «О работе народных судов по делам о хищениях и растратах в потреби-

---

¹ См.: Собрание Законов и Распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1933. № 13. Ст. 76.

² См.: Бердичевский Н.Г., Гликин Я.С. Борьба с растратами и хищениями в потребительской кооперации. – Москва, 1937. С. 55-56.

³ См.: Бердичевский Н.Г., Гликин Я.С. Указ. соч. С. 51.

тельской кооперации» председателям судкамер было указано на необходимость соблюдения дифференцированного подхода при избрании и назначении тяжести судебной репрессии по Закону от 7 августа 1932 года¹. Предлагалось применять суровые санкции этого закона не по отдельным случаям незначительных растрат и хищений, которые совершались в значительной части по нужде, а по случаям крупных злостных и организованных хищений и растрат. Причем меры социальной защиты по Закону от 7 августа 1932 года должны были применяться не только к виновным в совершении преступлений, но и к должностным лицам потребительской кооперации, которые своей бездеятельностью и слабостью руководства и контроля способствовали и попустительствовали этим преступлениям. Этим же постановлением предлагалось: «должностных лиц счетного аппарата и работников правлений кооперативных центров, не принявших необходимых мер борьбы к предотвращению растрат и хищений, неуклонно привлекать к уголовной ответственности по ст. 109 УК, а в особо злостных случаях явного неприятия мер к охране кооперативной собственности привлекать к ответственности по Постановлению правительства от 7 августа 1932 года наравне с виновными, привлекаемыми к ответственности непосредственно за хищения и растраты»².

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 9 июня 1934 года № 47 «О борьбе судебных органов с растратами в торговле и кооперации»³ судебным органам предлагалось усилить меры судебной репрессии по делам о растратах, квалифицируя растраты в особо крупных размерах по Закону от 7 августа 1932 года. Пленум также разъяснил судам, что переквалификация обвинения с растраты на недостачу по халатности допустима лишь в тех случаях, когда судом будет установлено, что обвиняемый не присвоил и не использовал доверенных ему ценностей в своих интересах⁴. Обращалось внимание на волокиту в судах при рассмотрении дел о растратах и предлагалось сократить время нахождения таких дел в судах до 5-10 дней.

Прокуратуре было указано на необходимость привлечения к уголовной ответственности работников ревизионных комиссий, создающих своей бездеятельностью благоприятные условия для растрат и хищений. Пленум еще раз обратил внимание на необходимость применения судебной репрессии к лицам, виновным в неприятии мер к предотвращению растрат, в плохой организации контроля и учета, в запутанности бухгалтерии⁵. Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 49 от 28 декабря 1934 года «О проверке применения судами Постановления СНК СССР от 16 февраля 1933 года «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государ-

---

¹ Там же. С. 56.

² См.: Бердичевский Н.Г., Гликин Я.С. Указ. соч. С. 57.

³ См.: О борьбе с растратами: сборник постановлений, приказов и инструкций, действующих на 15-е сентября 1942 года / сост. С.А. Меламед. – Москва: НКЮ СССР, 1942. С. 19.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ См.: О борьбе с растратами. Сборник постановлений, приказов и инструкций, действующих на 15-е сентября 1942 года. С. 19-20.

ственных и кооперативных предприятиях»¹ указал на ряд недостатков, выявленных в деятельности судов и правоохранительных органов. В частности, было отмечено, что органы дознания и предварительного следствия не привлекают к ответственности действительных виновников растрат и хищений и необоснованно рассматривают как виновных лиц, не совершивших преступлений. В случаях крупных хищений и растрат в качестве меры пресечения часто применяется подписка о невыезде, что дает возможность лицам, привлеченным к ответственности, скрыться от следствия и суда, затянуть рассмотрение дела неявкой в суд. Пленум обратил внимание на неудовлетворительную работу по подбору кадров в аппарат кооперации. Было отмечено, что «аппарат кооперации значительно засорен классово-враждебными элементами, разложившимися хищниками общественной собственности, лицами, имеющими по несколько судимостей, причем наблюдаются случаи ходатайства руководящих работников пред судом за осужденных преступников»². Следует отметить, что в исследуемый период много было директивных указаний о наведении порядка в подборе кадров в аппарат потребительской кооперации. Однако на местах они нередко игнорировались руководителями потребительских обществ. Для наглядности приведем пример, когда ранее судимые проникали в потребительскую кооперацию на руководящие должности, связанные с распоряжением материальными ценностями.

Управляющим Балашовской межрайбазы Саратовского края работал некий Куракин, который до этого в 1933 году за злоупотребления и самоснабжения был снят с должности председателя Еланского райпо и осужден по ст. 109 УК на 6 месяцев исправительных работ. При разделении края устраивается управляющим Аткарским отделением Госбанка, где в июне 1934 года снят правлением Госбанка СССР за мошеннические операции по расчетам и отдан под суд. Куракин предложил свои услуги крайпотребсоюзу и получил назначение управляющим Балашовской межрайбазы. В течение нескольких месяцев он понабирал там «в кредит» товаров на полторы тысячи, разбазарил дефицитные товары хлебозакупочного фонда и только после этого был снят с работы³.

Активную работу по борьбе с растратами и хищениями в потребительской кооперации проводила прокуратура СССР. Так, 3 августа 1937 года на места было направлено письмо Прокуратуры СССР за № 5324 «Об усилении работы органов прокуратуры по борьбе с хищениями и растратами в торгующих организациях»⁴. 26 декабря 1937 года было подготовлено совместное Разъяснение за № 89/Н4556 Прокуратуры СССР и Центросоюза СССР и

---

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ См.: Альперт Н. Растраты и хищения на базах потребкоопераций // Советская юстиция. 1935. № 2. С. 18.

⁴ См.: О борьбе с растратами: сборник постановлений, приказов и инструкций, действующих на 15-е сентября 1942 года. С. 38-42.

РСФСР «О подготовке организациями потребительской кооперации материалов о растратах для передачи органам расследования»¹.

28 февраля 1939 года Прокуратурой СССР и НКЮ СССР была издана Инструкция № 49/1-А.21 «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях в потребительской кооперации»². В ней строго предписывалось, что расследование дел о растратах и хищениях в органах потребкооперации должно заканчиваться органами расследования в 10-дневный срок с момента представления заявления. Когда же требовалось проведение специальной бухгалтерской экспертизы, срок расследования устанавливался в 20 дней.

Прокуратурой СССР и НКЮ СССР еще раз было обращено внимание органов расследования, что к уголовной ответственности, кроме непосредственных расхитителей кооперативной собственности, они обязаны были привлекать и лиц, «виновных в попустительстве и укрывательстве преступников, лиц, пользовавшихся средствами растраты или хищения, а также председателей и членов ревизионных комиссий в тех случаях, когда растраты или хищения произошли в результате их бездеятельности (нарушение установленного порядка ревизий или непринятие мер по поступившим в ревизионную комиссию заявлениям о растратах и хищениях)»³.

Дела о растратах и хищениях в организациях потребительской кооперации, поступающие в суды, должны были рассматриваться не позднее 10 дней со дня их поступления. В инструкции указывалось, что переквалификация обвинения с растраты на недостачу по халатности допустима исключительно в случаях, когда судом было установлено, что обвиняемый не присвоил вверенных ему ценностей в своих интересах⁴.

14 июля 1939 года Центросоюз СССР и РСФСР издают Постановление за № 657 «О борьбе за ликвидацию растрат и хищений в системе потребительской кооперации»⁵. В нем предполагалось осуществить ряд мероприятий, направленных на борьбу с растратами и хищениями, которые, как полагали руководители Центросоюза, могли бы оздоровить обстановку в потребительской кооперации. Между тем на практике все обстояло несколько иначе. Несмотря на интенсивность принимаемых мер, растраты и другие должностные преступления продолжали иметь место в потребительской кооперации.

Таким образом, анализ теории и практики применения уголовно-правовых норм о должностных преступлениях в 30-е годы говорит о том, что уже в этот период высшие судебные инстанции предпринимали попытки (правда, еще весьма робкие) к унификации понятия должностного лица. Это делалось

---

¹ Там же. С. 42-45.

² См.: Инструкция Прокуратуры СССР и НКЮ СССР «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях» (Инструкция «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях в потребительской кооперации» 28 февраля 1939 года № 49/1-А. 21). – Москва, 1939. С. 1-9.

³ Инструкция Прокуратуры СССР и НКЮ СССР. – Москва, 1939. С. 5.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ См.: О борьбе с растратами. Сборник постановлений, приказов и инструкций, действующих на 15-е сентября 1942 года. 1942. С. 69-79.

с целью исключения из судебной практики фактов привлечения должностных лиц к ответственности за преступления по должности. Однако и в последующие годы допускалось немало судебных ошибок при рассмотрении дел указанной категории по причине расширительного толкования признаков должностного лица. В доктрине уголовного права споры по этой проблеме продолжаются и по сей день.

Впервые в истории потребительской кооперации ее аппарат наделяется беспрецедентным и уникальным правом – правом осуществления дознания по делам, связанным с растратами и хищениями.

В 30-е годы советское правительство, правоохранительные органы, Центросоюз принимали энергичные меры в борьбе с указанными преступлениями. В какой-то степени это дало положительные результаты, но тем не менее уровень растрат и хищений оставался еще довольно-таки высоким, и борьба с ними велась все последующие годы.

5.6. Борьба с должностными преступлениями в потребительской кооперации в период с 1941 по 1960 год

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всего советского народа.

С первых же ее дней экономика страны была мобилизована на обеспечение обороны страны и на разгром немецкой военной машины.

Эти военные годы стали испытанием и для потребительской кооперации. Всю свою работу она подчинила законам военного времени. Организовала нормированное снабжение сельского населения, не связанного с сельскохозяйственным производством: учителей, врачей, инвалидов Великой Отечественной войны, служащих и т.д., а также встречную продажу товаров колхозам и колхозникам при закупках у них сельскохозяйственной продукции и специальное отоваривание сельскохозяйственной продукцией, сдаваемой ими государству¹.

Потребительская кооперация стала активно заниматься заготовительной деятельностью. Были построены разные виды перерабатывающих предприятий, особенно овоще- и фруктосушильные. Поставка для армии сушеного картофеля, овощей и фруктов позволила высвободить большое количество транспорта, необходимого для их перевозки, и снабжать армию качественной продукцией².

Создавались подсобные хозяйства по разведению птицы, откорму животных и вылову рыбы, которые дали десятки тысяч тонн сельскохозяйственной продукции³.

---

¹ См.: Меркулова А.С. Указ. соч. С. 58.

² См.: Теплова Л.Е. Теория и история потребительской кооперации: учебник для вузов. – Белгород: Кооперативное образование, 2009. С. 129.

³ См.: Вахитов К.И. Теория и практика кооперации: учебник. С. 390.

Потребительская кооперация организовала также значительное количество небольших производственных предприятий по выработке различных товаров широкого потребления. На 1 января 1946 года кооперация имела 22,6 тысяч производственных предприятий, не считая хлебопекарен, которые в 1945 году выпустили продукции почти на 1,5 млрд рублей. Развивалась сеть предприятий общественного питания. Заготавливалось большое количество металлического лома, который поставлялся соответствующим предприятиям на переработку для нужд страны¹.

На средства пайщиков и работников кооперации строились танки и самолеты, а также другое оружие, которое передавалось действующей армии.

Кооператоры вступали в партизанские отряды и действующую армию, где с оружием в руках защищали свою Родину. Многие из них не вернулись с полей сражений. Поэтому в эти годы потребительская кооперация особо остро ощутила проблему кадров. Кооператоров, ушедших на фронт, заменяли люди, не имевшие опыта и навыков кооперативной работы. Это негативно отражалось на качестве работы потребительской кооперации. Например, в кооперативной литературе отмечается, что мобилизация мужчин в армию в военные годы стала причиной разукомплектования контрольно-ревизионного аппарата. Обследовалось примерно 1/5 часть райпотребсоюзов и сельпо. Учет не отвечал требованиям времени и велся в суммарном денежном выражении, а не в количественно-сортовых показателях. В глубинке бухгалтерия как таковая вообще отсутствовала².

Между тем, несмотря на дефицит кадров, к служащим государственного и общественного аппарата в условиях военного времени предъявлялись высокие требования. Возрастала ответственность за совершенные должностными лицами преступления. Если до войны некоторые служебные проступки не влекли за собой уголовной ответственности, их относили к разряду дисциплинарных, то в военное время они признавались преступными. Реже стало применяться примечание 1 к ст. 112 УК РСФСР, и все больше разрасталась область применения ст.ст. 109 или 111 УК РСФСР³.

В служебном аппарате потребительской кооперации было немало грамотных, честных, преданных своему делу управленцев. Они понимали, как важно в условиях войны обеспечить население и армию продуктами и промышленными товарами. И они делали все от них зависящее, чтобы приблизить разгром фашисткой Германии, приблизить час победы. Однако и в это трудное для страны время среди кооператоров находились те, кто пытался нажиться на горе народа, кто использовал свое служебное положение в корыстных целях.

---

¹ См.: Бланк Г.Я. Основы теории и истории потребительской кооперации СССР. – Москва: Центросоюз, 1963. С. 159-161.

² См.: Пасс А.А. Война и кооперация (Промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941-1945 гг.): монография. – Челябинск, 2000. С. 130.

³ См.: Исаев М.М., Утевский Б.С., Гродзинский М.М. Законодательство по уголовному праву и процессу в период войны. – Москва: Юриздат НКЮ СССР, 1943. С. 22.

Анализ судебной практики военных лет показывает, что в структуре должностных преступлений, совершенных служащими аппарата потребительской кооперации, преобладали в основном должностные растраты. В условиях военного времени, когда в стране остро ощущалась нехватка продуктов и их распределение осуществлялось по карточкам, то есть по нормированным нормам, должностные лица – растратчики чувствовали себя в потребительской кооперации весьма комфортно. Некоторые из них вели даже разгульный образ жизни.

Так, 27 января 1945 года в магазине № 5 Павловского райпотребсоюза Ленинградской области в результате инвентаризации была выявлена недостача водки, хлеба, жиров и других продуктов на сумму 12000 тысяч рублей. На другой же день в магазине возник пожар, которым было уничтожено все в нем находящееся. Материальный ущерб был определен в очень крупную сумму.

В совершении растраты и в поджоге была изобличена и признана виновной заведующая магазином Радкевич. Впоследствии предана суду военного трибунала и осуждена к десяти годам лишения свободы.

Следователями было установлено, что Радкевич, чтобы избежать во время переучета товаров обнаружения недостачи и ответственности подкладывала в масло и в кондитерские изделия гири, а в кассу вложила 3000 рублей. Прибегая к таким способам, она неоднократно избегала уголовной ответственности.

Кроме того, было установлено, что Радкевич, назначенная заведующей магазином 28 ноября 1944 года, устраивала у себя вечеринки с приглашением большого количества гостей. Спиртное и продукты она брала из магазина без оплаты их стоимости. Затем она приобрела себе часы за 3000 рублей, взяв деньги из кассы магазина.

И последним преступным эпизодом ее преступной деятельности стал поджог магазина¹.

Значительно реже совершались злоупотребление властью или служебным положением, халатность, получение и дача взятки. Приведем лишь некоторые примеры из судебной практики Верховного Суда СССР.

Чичетина была признана виновной в том, что, работая заместителем председателя правления Павловского сельпо, во время перевозки с Тамбовского водочного завода 400 литров водки незаконно израсходовала в пути 25 литров, расплачиваясь водкой за ночлег и другие необходимые услуги.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, не установив в ее действиях должностной растраты, квалифицировала их по ст. 109 УК РСФСР как злоупотребление служебным положением².

---

¹ См.: Бродский Д. Умелое собирание доказательств // Социалистическая законность. 1945. № 9. С. 44.

² См.: Судебная практика Верховного Суда СССР. 1945. Выпуск VI (XXII) / под ред. И.Т. Голякова. – Москва: Юриздат Министерства юстиции СССР, 1946. С. 8-9.

По ст. 111 УК РСФСР за халатное отношение к службе была осуждена заведующая магазином сельпо Корчагина за то, что, накопив за несколько дней выручку в сумме 7710 рублей, не сдавала, их в райпотребсоюз, а уезжая за товарами, по своей халатности забыла приготовленные для сдачи деньги, в результате чего эта сумма была утрачена.

Козлов был признан виновным в том, что, будучи заместителем председателя Якушинского сельпо, за отправление вагона-лавки со станции Ульяновск до станции Якушка дал взятку Лаптеву – дежурному по станции Ульяновск. Осужден по ст. 118 УК РСФСР (дача взятки). Однако впоследствии приговор в отношении Козлова был пересмотрен, и дело производством прекращено, поскольку было установлено, что взятка у него вымогалась¹.

Хищениям и различного рода злоупотреблениям в потребительской кооперации способствовало существование множества торговых промежуточных звеньев в виде областных и районных оптовых баз, розничной кооперативной сети. Они поглощали большую долю того, что предназначалось рядовым пайщикам².

По-прежнему, как и в предвоенные годы, существовали злоупотребления в виде продаж «своим» людям, превышения нормативных лимитов снабжения по категориям и количеству лиц. Сокращения и присвоения маскировались включением в обеспечиваемые контингенты «мертвых душ»³.

В 1941 году по сравнению с 1940 годом значительно увеличилось количество хищений и растрат⁴. В военное время должностные растраты представляли высокую общественную опасность. Поэтому и ответственность за этот вид должностного преступления значительно повышалась. Если в мирное время недопустимой поблажкой было привлечение к ответственности не по 2, а по 1 части ст. 116 за присвоение крупных ценностей, то во время войны, когда каждое государственное имущество приобретало особо важную ценность, правильная квалификация растраты приобретала еще более серьезное значение⁵.

Хищения, должностные растраты, злоупотребления по службе были недопустимы в условиях военного времени, поэтому руководство страны вынуждено было принять соответствующие меры. 22 января 1943 года Государственный Комитет Обороны СССР принимает постановление «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров [и образовании в составе НКТГУ государственной торговой инспекции]». В стране повсеместно началась кампания по его реализации.

Незамедлительно отреагировал на это постановление и Центросоюз. Президиум Центросоюза 4 февраля 1943 года принимает постановление за

---

¹ См.: Сборник Постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944. – Москва: Юриздат Министерства юстиции СССР, 1948. С. 101-102.

² См.: *Пасс А.А.* Указ. соч. С. 129.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ См.: *Исаев М.М., Утевский Б.С., Гродзинский М.М.* Указ. соч. С. 21.

№ 74 «О мероприятиях по усилению борьбы с разбазариванием и хищением продовольственных и промышленных товаров»¹.

В этом документе указывалось на необходимость проведения внезапных ревизий во всех розничных предприятиях, а также в предприятиях общественного питания потребкооперации. В случаях невыполнения данного предписания к уголовной ответственности должны были привлекаться руководители и главные бухгалтеры райпотребсоюзов, сельпо и предприятий потребкооперации. Руководителей потребсоюзов и сельпо обязали немедленно передавать судебно-следственным органам все непереданные дела о растратах, хищениях, а также злоупотреблениях при продаже товаров.

Впредь им вменялась в обязанность передавать дела немедленно после обнаружения преступлений, но не позднее 10 дней с момента проверки (ревизии) предприятия или подотчетного лица. Наряду с этим они должны были обеспечить наложение ареста на все без исключения имущество лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Президиумам республиканских, краевых и областных союзов предлагалось привлекать к уголовной ответственности руководителей и бухгалтеров организаций потребкооперации, по воле которых нарушался срок передачи дел судебно-следственным органам².

16 декабря 1943 года Президиум Центросоюза принимает очередное постановление за № 977 «О мерах по усилению борьбы за ликвидацию растрат, хищений и разбазаривания товаров в системе потребительской кооперации»³. В этом постановлении предлагалось установить ответственность главных бухгалтеров потребсоюзов и сельпо, а также инструкторов и ревизоров организаций потребкооперации в деле борьбы с растратами и хищениями. Центросоюз предупредил, что они отвечают за это дело наряду с руководителями потребсоюзов и сельпо.

Центросоюз указал, что все без исключения случаи растрат, хищений, недостач, разбазаривания товаров, сельскохозяйственных продуктов и сырья и другие злоупотребления должны обсуждаться правлением кооперативных организаций. Правление обязано принимать необходимые меры к привлечению виновных к уголовной ответственности и к устранению условий, порождающих расхищение кооперативной собственности или разбазаривание продовольственных и промышленных товаров.

Устанавливалось, что руководители кооперативных организаций, которые не поставили своевременно в известность правление организации об имевших место растратах, хищениях, недостачах или разбазаривании товаров, подлежат привлечению к ответственности.

Ревизионным комиссиям организаций потребкооперации предписывалось в обязательном порядке производить тщательные расследования по всем обна-

---

¹ См.: Гликин Я.С., Фейгенберг М.С. Сборник действующих постановлений и распоряжений по работе потребительской кооперации. – Москва, 1998. С. 90.

² См.: Гликин Я.С., Фейгенберг М.С. Указ. соч. С. 90.

³ Там же. С. 91.

руженным случаям растрат, хищений или списания товаров и о результатах докладывать правлению или общему собранию (собранию уполномоченных).

Центросоюз потребовал своевременно передавать дела о растратах и хищениях в следственные и судебные органы. Установил персональную ответственность бухгалтеров всех звеньев аппарата потребительской кооперации за надлежащее оформление дел по растратам, хищениям, разбазариванию товаров и другим злоупотреблениям в точном соответствии с инструкцией Прокуратуры СССР и НКЮОста СССР от 28 февраля 1939 года.

Обязал инструкторов и ревизоров организаций потребкооперации проверять работу бухгалтеров по передаче материалов о недостачах, растратах, хищениях и других злоупотреблениях судебно-следственным органам и привлекать к ответственности тех бухгалтеров, которые нарушали порядок и сроки, установленные указанной инструкцией¹.

В борьбе с хищениями, должностными растратами и злоупотреблениями большое значение придавалось контрольно-ревизионным службам потребительской кооперации, поэтому Прокуратурой СССР 12 мая 1944 года было проведено совещание с участием Прокурора СССР, куда были приглашены работники контрольно-ревизионного аппарата Центросоюза СССР и РСФСР.

В своем выступлении Главный прокурор страны подчеркнул, что борьба с хищениями социалистической собственности в условиях войны является важнейшей задачей государственного значения как для работников прокуратуры, так и для контрольно-ревизионных работников потребительской кооперации и других, торгующих и хозяйственных организаций². «Поэтому необходимо как следует организовать и улучшить работу контрольно-ревизионных органов повысить их ответственность»³.

В выступлении представителя следственного отдела прокуратуры СССР отмечалось, что в системе потребительской кооперации все еще распространены факты разбазаривания продуктов и промышленных товаров и использования их не по прямому назначению. Нередко это происходило при попустительстве и даже прямом участии руководящих работников потребительской кооперации.

Разбазаривание продуктов и промышленных товаров с центральных оптовых баз и складов потребительской кооперации производилось путем выписки бестоварных накладных, разбазаривания продуктов за счет учреждений, состоящих на государственном снабжении, и нарушения установленного порядка снабжения населения в сельской местности по талонам.

В течение последнего времени в системе потребительской кооперации возросли случаи крупных растрат. Это объяснялось, с одной стороны, более ухищренными методами, которыми пользовались преступные элементы, а с другой – неудовлетворительным состоянием ревизионной работы в потреби-

---

¹ См.: Гликин Я.С., Фейгенберг М.С. Указ. соч. С. 90.

² См.: Борьба с хищениями в потребительской кооперации. В прокуратуре СССР // Социалистическая законность. 1944. № 3-4. С. 41.

³ Там же. С. 41.

тельской кооперации, и в особенности неудовлетворительным качеством ревизий.

На совещании были поставлены следующие задачи: улучшить ревизионную работу в потребительской кооперации, обеспечить высокое качество ревизий, привлекать к ответственности ревизоров, по халатности которых преступные элементы безнаказанно расхищают народное добро, установить более тесную оперативную связь между контрольно-ревизионным аппаратом и прокуратурой¹.

Ряд указаний, направленных на усиление качества ревизий, проводимых в потребительской кооперации, ответственности ревизоров и установление более эффективного сотрудничества со следственными и судебными органами, было дано Центросоюзом в постановлении № 54 от 29 января 1945 года «Об улучшении финансового хозяйства организаций и предприятий потребительской кооперации»².

25 апреля 1945 года Центросоюз принимает постановление «Об итогах кузовых совещаний ревизионных комиссий организаций потребительской кооперации», в котором опять же требует привлекать к уголовной ответственности председателей и членов ревизионных комиссий, создающих своей бездеятельностью благоприятные условия для возникновения растрат, хищений и других злоупотреблений в организациях потребительской кооперации³.

Немаловажная роль в борьбе с растратами, хищениями и разбазариванием товаров отводилась инструкторам системы потребительской кооперации. Центросоюз в ряде своих постановлений обязал инструкторов не только вскрывать факты злоупотреблений и растрат в организациях потребительской кооперации, но и при обнаружении недостатков, растраты, хищения или другого злоупотребления на сумму свыше одной тысячи рублей немедленно своими силами рассматривать все обстоятельства совершения преступления, выявлять виновных, размер ущерба и незамедлительно передавать судебно-следственным органам хорошо оформленные материалы для привлечения виновных к ответственности.

Центросоюз указал, что в случаях проявления инструкторами бездеятельности в области борьбы с растратами, хищениями и другими злоупотреблениями привлекать их к строгой ответственности⁴.

Между тем принятые меры не дали ожидаемых результатов.

Как отмечается в литературе, должностные растраты в потребительской кооперации 1944-1945 годах продолжали расти⁵.

Должностные растраты продолжали иметь место в потребительской кооперации и в послевоенное время, более того, их количество увеличилось.

---

¹ См.: Борьба с хищениями в потребительской кооперации. В прокуратуре СССР // Социалистическая законность. 1944. № 3-4. С. 41.

² См.: Гликин Я.С., Фейгенберг М.С. Указ. соч. С. 131-132.

³ Там же. С. 127-129.

⁴ См.: Гликин Я.С., Фейгенберг М.С. Указ. соч. С. 137-140.

⁵ См.: Пасс А.А. Указ. соч. С. 133-134.

Так, по официальным данным Министерства торговли, за 9 месяцев 1946 года правоохрательными органами по государственной торговле было выявлено хищений и растрат на сумму 131,5 млн руб., в то время как в потребительской кооперации – на 269,8 млн руб.¹

В этой связи в феврале 1946 года к председателям правлений и ревизионных комиссий, бухгалтерам сельпо и райпотребсоюзов обратился с письмом Председатель Президиума Центросоюза СССР и РСФСР И. Хохлов. В этом письме он констатировал, что суммы растрат и хищений в организациях потребительской кооперации, особенно в сельпо, за последнее время увеличились. Это стало возможным вследствие ослабления контроля за работой лиц, которым были доверены кооперативные ценности, и невыполнения или плохого выполнения решений партии и правительства, а также указаний Центросоюза о мерах предупреждения растрат и хищений и борьбы с растратчиками. Он обозначил задачи, которые предстояло решать низовым организациям потребительской кооперации по ликвидации хищений и растрат².

Следует отметить, что многие директивы, содержащиеся в постановлениях Президиума Центросоюза, повторялись и зачастую для борьбы с растратами предлагались одни и те же мероприятия. Это касается, например, улучшения качества проводимых ревизий, проведения их внезапно, качественного оформления материалов по обнаруженным растратам и своевременной передачи их судебным органам, подбору кадров, ответственности и т.д.

К примеру, «образцом» невыполнения решений партии, правительства и Центросоюза стали организации потребительской кооперации Рязанской области. Президиум Центросоюза СССР и РСФСР в начале 1948 года рассмотрел вопрос «О состоянии борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации Рязанской области»³.

В своем постановлении он отметил, что в организациях потребительской кооперации Рязанской области в 1947 году выявлено 432 случая растрат и хищений на крупную сумму. Под угрозой развала оказалась деятельность ряда кооперативных организаций⁴. Были названы причины, которые сводились к следующему: ослабление контроля за сохранностью кооперативной собственности, а в некоторых случаях прямое попустительство и пособничество растратчикам, прием на работу лиц, ранее судимых за растраты и другие корыстные преступления, семейственность, сменяемость кадров.

---

¹ Федин С.А. Преступления в системе потребительской кооперации в 1945-1953 гг. и борьба с ними правоохрательных органов (На материалах Нижнего Поволжья) // МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 4. С. 98.

² См.: Маркелов Н.В., Романцов Е.Д. О сохранении социалистической собственности в организациях потребительской кооперации: сборник важнейших руководящих материалов. – Москва: Центросоюз, 1949. С. 3-5.

³ См.: Постановление президиума Центросоюза СССР и РСФСР от 7 мая 1948 года № 432 «О состоянии борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации Рязанской области». – 3-е изд. – Москва: Центросоюз, 1948. С. 14-16.

⁴ Там же. С. 14-16.

По поводу текучести кадров было отмечено, что в 1947 году сменилось 163 председателя сельпо, из них за злоупотребление и необеспечение руководства – 46 человек. В трех сельпо председатели сменились за год по два раза¹.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»² усиливалась ответственность за кражу, присвоение, растрату или иное хищение кооперативного имущества.

Наказание существенно повышалось, если хищение кооперативных ценностей было совершено повторно, либо организованной группой, или в крупных размерах.

В таких случаях применялось наказание в виде лишения свободы от восьми до десяти лет с конфискацией имущества. Предусматривалась уголовная ответственность по этому Указу и за недонесение органом власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества.

Это положение распространялось и на работников кооперации. Появление этого Указа и применение его на практике, в какой-то степени снизило остроту вопроса, связанного с хищениями и должностными растратами, однако уровень корыстных преступлений в стране оставался еще довольно-таки высоким, в том числе и в потребительской кооперации.

Например, в Постановлении Совета Центросоюза по докладу правления Центросоюза «О мероприятиях по усилению торговли и оздоровлению финансового состояния организаций потребительской кооперации» от 15 октября 1948 года указывалось, что финансовое состояние потребительской кооперации в 1948 году действительно не улучшалось, а значительно ухудшалось. За первое полугодие 1948 года выявлено растрат на 177,2 миллиона рублей³.

В начале 1949 года Центросоюз вновь возвращается к теме борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации страны. Правлением Центросоюза принимается постановление № 266 от 24 апреля 1949 года «О неудовлетворительном финансовом положении потребительской кооперации и мерах по его устранению», а также приложение к нему с названием «Мероприятия по усилению борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации»⁴.

В соответствии с этим постановлением запрещалось принимать на работу, связанную с материальной ответственностью, лиц, имевших судимость за корыстные преступления. Ревизоры, в случае установления фактов злоупотреблений и нарушений уголовного порядка, немедленно, не ожидая рас-

¹ См.: Постановления Президиума и правления Центросоюза. – 3-е изд. – Москва: Центросоюз, 1948. С. 14-16.

² См.: Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик. – Москва: Министерство Юстиции СССР, 1948. С. 518-519.

³ См.: Постановления правления Центросоюза. – 5-е изд. – Москва: Центросоюз, 1949. С. 99.

⁴ См.: *Маркелов Н.В., Романцов Е.Д.* О сохранении социалистической собственности в организациях потребительской кооперации // Сборник важнейших руководящих материалов. С. 5-17.

смотрения материалов ревизий правлением организации, должны были передавать материалы в судебно-следственные органы с требованием наложения предварительного ареста на имущество виновного. Указывалось, что руководитель кооперативной организации, не поставивший своевременно в известность правление об имевшей место растрате, хищении или недостатке, подлежит привлечению к уголовной ответственности. Предлагалось осуществить и ряд других мероприятий.

В 50-е годы потребительскую кооперацию преследовали все те же старые болезни. Нередко на работу, связанную с материальной ответственностью, принимались ранее судимые.

Например, администрация Алтайского крайпотребсоюза, утверждая в должности старшего бухгалтера Барнаульской торговой базы Жданова, знала из представленных им документов, что он неоднократно был судим за хищения и растраты материальных ценностей, и, несмотря на это, он был принят на работу. Работая в указанной должности, Жданов вновь начал заниматься преступной деятельностью¹.

Несвоевременно и некачественно проводились ревизии, что позволяло преступникам длительное время расхищать кооперативные средства.

Например, по делу Адарчина, Сипеева, Насенкова, Харькина, обвинявшихся по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», было установлено, что в Зимницком рабкоопе Думиничского райпотребсоюза в 1958 году по плану следовало провести сорок девять инвентаризаций, а проведено только пятнадцать, на складах и в хлебопекарнях за весь год была лишь одна инвентаризация. Результаты инвентаризаций на правлении рабкоопа не обсуждались, сверки расчетов с поставщиками не было.

У заведующей магазином № 19 Кировского райпотребсоюза Копыловой, допустившей недостачу ценностей на 13 993 руб., свыше полугода не было ревизий, а у ранее работавшей на этой должности Борткевич ревизии не проводились в течение нескольких лет. Поверхностные ревизии в магазине деревни Погореловка Перемышльского райпотребсоюза, в магазине № 4 Ново-Александровского рабкоопа Спас-Деменского райпотребсоюза позволяли их заведующим Федотовой и Маяченкову скрывать крупные недостачи путем внесения в кассу наличных денег или путем приписок и завышения стоимости товаров².

Небрежно оформлялись материалы по фактам выявленных растрат и несвоевременно передавались судебно-следственным органам.

Однако у организаций потребительской кооперации были претензии и к следственным органам, и к судам.

---

¹ См.: Гликин Я. Бережно охранять кооперативную собственность // Советская юстиция. 1958. № 8. С. 6.

² См.: Сидорков А. Устранение причин хищений, злоупотреблений и недостач в системе государственной и кооперативной торговли (из практики Калужского областного суда) // Социалистическая законность. 1959. № 12. С. 61.

Например, не налагался арест на имущество, принадлежащее обвиняемым, и не обеспечивалось возмещение материального ущерба.

Так, Армизонская районная прокуратура Тюменской области два года вела следствие по делу бывшего заведующего складом сельпо Логинова, растратившего 35 тысяч рублей. Растратчик не был арестован, и опись его имущества не была произведена. Это дало ему возможность продать дом и другое имущество и скрыться.

И такие факты, как отмечается в литературе были, не единичными¹.

В результате недостаточно четкой работы следственных органов и суда преступникам в некоторых случаях удавалось избежать наказания.

К примеру, ревизией универсальной базы Курганского облпотребсоюза была установлена у кладовщика Кудрявцева недостача товаров на сумму 46 тысяч рублей. В процессе ревизии Кудрявцев скрылся, а затем, узнав об амнистии, появился вновь. Дело было передано прокуратуре г. Кургана, которая освободила Кудрявцева от ответственности по амнистии.

В Алтайском крае только в декабре 1957 года органами прокуратуры было отказано в возбуждении уголовного преследования против 27 лиц, допустивших недостачи товаров на крупные суммы².

Нередко суды совершенно необоснованно отказывали в удовлетворении гражданских исков, в полном объеме или значительно снижали суммы заявленных взысканий.

Так, народный суд Армизонского района Тюменской области, рассмотрев в декабре 1957 года дело о растрате кладовщиком Орловского сельпо Тороповым 67 тысяч рублей, осудил его, но от наказания освободил в связи с амнистией. Гражданский иск суд безосновательно снизил до 20 тысяч рублей, несмотря на то, что у Торопова уже было описано имущество на сумму 32 тысячи рублей³.

Изложенное показывает, что в результате формального отношения работников аппарата к исполнению директив, направленных на борьбу с должностными растратами и злоупотреблениями, потребительской кооперации наносился колоссальный материальный ущерб, исчисляемый миллионами.

Со стороны следствия допускалась неоперативность и волокита в расследовании уголовных дел, возбуждаемых по фактам совершения должностных преступлений служащими аппарата потребительской кооперации. Имели место факты необоснованного освобождения их от уголовной ответственности и занижения судами исковых требований, предъявленных организациями потребительской кооперации.

Таким образом, анализ деятельности потребительской кооперации в военные и послевоенные годы показывает, что основную долю должностных преступлений, совершаемых служащими ее аппарата, составляли должностные растраты, как, впрочем, и в предыдущие годы. Но более всего они были

---

¹ См.: Гликин Я. Указ. соч. С. 9.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 9.

нетерпимы в условиях военного времени, поэтому в этот период принимаются меры по усилению уголовной ответственности за должностные преступления. Особое внимание обращается на потребительскую кооперацию. Руководство страны, правоохранительные органы, Центросоюз СССР и РСФСР принимают ряд мер организационного и правового характера по усилению борьбы с хищениями, растратами и другими злоупотреблениями в организациях потребительской кооперации. Безусловно, принимаемые меры давали положительные результаты, однако должностная преступность не собиралась «уходить» из системы потребительской кооперации. В послевоенное время их уровень даже несколько увеличился, и они причиняли системе немалый моральный и материальный ущерб.

Совершению должностных преступлений в аппарате потребительской кооперации способствовали многие факторы. Например, подбор кадров на руководящие и материально-ответственные должности осуществлялся формально.

Весьма часто на эти должности назначались лица, ранее судимые, некомпетентные и не соответствующие моральным требованиям.

Неудовлетворительно осуществлялся контроль за сохранностью кооперативных ценностей со стороны правлений и контрольно-ревизионного аппарата. Центросоюз в своих постановлениях нередко повторял одни и те же директивы, что тоже говорило о формальном подходе к разработке мер, направленных на усиление борьбы с хищениями, растратами, недостатками и другими злоупотреблениями по службе.

И наконец, качество расследования и рассмотрения уголовных дел, возбужденных по фактам должностных растрат, совершенных служащими аппарата потребительской кооперации, находилось не на должном уровне.

ГЛАВА 6.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ И СУБЪЕКТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НИХ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1960 ГОДА

6.1. Должностные преступления в организациях потребительской кооперации в период с 1960 по 1996 год

В 60-е и последующие годы потребительская кооперация продолжала направлять свои усилия на восстановление своего кооперативного хозяйства, которому был нанесен существенный урон в годы войны. Она вела активную деятельность по многим хозяйственным направлениям, и как отмечается в кооперативной литературе, «в послесталинский период потребительская кооперация, даже сохраняя черты огосударствления, сделала заметный шаг вперед, особенно в увеличении объемов хозяйственной деятельности и развитии материально-технической базы»¹.

Таким образом, она восстановила не только собственное хозяйство, но и внесла весомый вклад в развитие и подъем экономики страны.

В системе потребительской кооперации были созданы научная и образовательная базы. Существовали кооперативные проектные институты, 8 вузов, 127 техникумов, 159 профессионально-технических училищ. С целью изучения спроса на товары и его прогнозирования Центросоюз СССР создал Центральную научно-исследовательскую лабораторию по изучению спроса (ЦНИЛС)².

Деятельность потребительской кооперации осуществлялась на основе уставов, принятых на всесоюзных съездах: Примерного Устава потребительского общества (кооператива), Примерного Устава районного союза потребительских обществ (райпотребсоюза), Примерного Устава областного, краевого, республиканского союза потребительских обществ (потребсоюза), Устава союза потребительских обществ СССР (Центросоюза СССР)³.

Состав управленческого аппарата потребительской кооперации в основном был выборным. К ним относились: собрания уполномоченных, съезды потребительской кооперации, правления потребительских обществ, союзов и Центросоюза; советы областных, краевых, республиканских потребсоюзов и Центросоюза.

Основу систем потребительской кооперации составляли потребительские общества (кооперативы). Органами управления были общие собрания (собрания уполномоченных) и правление.

---

¹ См.: Вахитов К.И. Теория и практика кооперации: учебник. С. 397.

² Там же. С. 401-403.

³ См.: Сборник Уставов организаций потребительской кооперации СССР. – Москва: Центросоюз СССР, 1985.

Главный бухгалтер и начальник контрольно-ревизионного отдела назначались и увольнялись правлением вышестоящего потребсоюза.

В системе управления организациями потребительской кооперации центральное положение принадлежало правлению как исполнительно-распорядительному органу. Правление потребительского общества осуществляло непосредственное руководство всей хозяйственной и общественной деятельностью своей организации, проводило в жизнь указы пайщиков, решения общего собрания кооператива и вышестоящей кооперативной организации.

Решения правления принимались большинством голосов. Однако согласно Уставу¹ председатель правления и его заместитель могли принимать единоличные решения по текущим вопросам деятельности кооператива. Круг таких вопросов устанавливался решением правления.

Это положение в Уставе было воспринято критически со стороны исследователей потребительской кооперации. Например, К.И. Вахитов считал, что в данном случае нарушался принцип коллегиальности в работе правления. Извращение этого демократического принципа приводило, по его мнению, порой к более тяжким последствиям: голому администрированию в управлении, срыву выполнения планов, хищениям кооперативной собственности. Он полагал, что в условиях перестройки необходимо было обеспечить максимальную открытость работы выборных органов для масс пайщиков, строгое соблюдение уставов, развитие критики и самокритики².

Большое значение в деле укрепления законности в деятельности потребительской кооперации и сохранности кооперативной собственности придавалось работе юридических служб, созданных в системе потребительской кооперации.

В положении «О юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте союза потребительских обществ, организации и предприятия потребительской кооперации», утвержденном постановлением правления Центросоюза от 11 сентября 1972 года, в качестве основных задач юридического отдела, юрисконсульта было названо укрепление социалистической законности в деятельности обслуживаемой им организации (предприятия), обеспечение правовыми средствами сохранности социалистической кооперативной собственности³.

Следует отметить, что в исследуемый период потребительская кооперация по-прежнему находилась в «тисках» командно-административной системы.

В основе распределения руководящих постов продолжало оставаться незыблемое правило – членство в партии и верность ее принципам; всячески

---

¹ См.: Примерный Устав потребительского общества (кооператива). Принят X Съездом потребительской кооперации СССР 14 ноября 1979 года. Сборник Уставов организаций потребительской кооперации. – Москва: Центросоюз СССР, 1985. С. 18.

² См.: Вахитов К.И. Общественное самоуправление в потребительской кооперации в условиях ее перестройки. Потребительская кооперация: перестройка и ускорение. – Москва: Экономика, 1988. С. 193.

³ См.: Справочник по правовым вопросам потребительской кооперации / сост.: С.М. Мальков, В.И. Финогенов; под ред. Н.А. Лупея. – Москва: Экономика, 1987. С. 48.

подавлялась инициатива, творчество, не ценились компетентность, оправданный риск. Все эти отклонения от морально-этических норм, как отмечает теоретик кооперации И.А. Коряков, проявлялись в недрах потребительской кооперации, объединявшей 60 миллионов членов-пайщиков¹.

В 80-е годы страна вступила в период тотального дефицита необходимых товаров, и прежде всего продовольственных и промышленных. В этой связи усилилась дифференциация населения, основанная не на трудовом вкладе, а на степени доступности к дефициту. Она усугублялась незаслуженными привилегиями для отдельных категорий партийно-государственного аппарата, его сращиванием с руководством торговых предприятий, объединений и потребительских союзов. Для такого рода «альянса» не существовало понятий морали и этики². В основном жили по правилам «ты мне я тебе». В продовольственных складах, торговых базах организаций потребительской кооперации находились самые дефицитные товары, к которым тянулись руки не только работников потребкооперации, но и партийной номенклатуры. Существовала круговая порука, которая являлась благодатной почвой для коррупции. Дефицитный товар незаконно реализовывался родственникам, знакомым и другим лицам, в услугах которых были заинтересованы управленцы потребкооперации.

Так, Октябрьским районным народным судом г. Калуги была осуждена по ч. 1 ст. 170 УК РСФСР Перельман. Она признана виновной в том, что, работая начальником отдела «Хозтовары» универсально-торговой базы Калужского облпотребсоюза и используя свое служебное положение из корыстной заинтересованности, с базы продала своей знакомой Ивановой стиральную машинку «Малютка», а затем холодильник «Бирюса-6», причинив тем самым существенный вред государственным интересам и интересам граждан³.

По запискам председателя правления Тамбовского облпотребсоюза Гущина отпускались ковровые изделия, бытовая техника и другие дефицитные товары⁴.

И такие факты по стране были многочисленными. Все эти обстоятельства только способствовали росту растрат, злоупотреблений и взяточничеству в системе потребительской кооперации.

Характеризуя сложную криминогенную ситуацию в потребительской кооперации, заместитель Генерального прокурора СССР О.В. Сорока отмечал, что «потребительская кооперация сильно поражена хищениями, взяточничеством и иными злоупотреблениями. В кооперативных организациях и предприятиях совершается каждое четвертое хозяйственное преступление в стране. Выросло количество недостач и растрат в системе Центросоюза. На 38% увеличилось число руководителей, привлеченных к уголовной ответст-

¹ См.: Коряков И.А. Указ. соч. С. 187.

² См.: Коряков И.А. Указ. соч. С. 188.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 3. С.14.

⁴ См.: Борецкий А. Расплата за беспечность // Советская потребительская кооперация. 1982. № 5. С. 26.

венности за хищения, почти на 25% – учетно-бухгалтерских работников, на 26% больше выявлено случаев взяточничества»¹.

Одним из резонансных уголовных дел было дело в отношении руководителей Калининградского облпотребсоюза. Главным его фигурантом выступал сам председатель правления Н. Маменко. В кооперативных организациях области процветали приписки и взяточничество. С грубыми нарушениями установленных правил и за взятки было продано 1070 легковых автомобилей. Сумма приписок составляла 233 тысячи рублей. И, соответственно, люди получали премии за так называемую липу. Незаконно выплаченные премии работникам аппарата облпотребсоюза составили 10,7 тысяч рублей, работникам системы – 104,7 тысяч рублей².

По данным Главного управления БХСС МВД СССР в 1988 году ущерб от недостач и хищений в потребительской кооперации составил 162,4 миллиона рублей. На предприятиях и в организациях отрасли было зарегистрировано свыше 30 тысяч корыстных правонарушений, что на 9,7% больше, чем в 1987 году. Завершено свыше 85000 уголовных дел по фактам совершения хищений должностными и материально-ответственными лицами, в том числе 934 дела о хищении в крупных и особо крупных размерах. На 10 тысяч работающих в кооперации совершалось в три раза больше хищений, чем в среднем по народному хозяйству³.

Причем преступления совершали те работники, которые по роду службы сами должны были осуществлять строгий финансовый контроль за деятельностью различных служб аппарата.

Так, в 1988 году к уголовной ответственности было привлечено 779 счетно-бухгалтерских работников потребительской кооперации⁴.

Например, председатель правления Павлово-Посадского райпотребсоюза Московской области Беляев был осужден к 12 годам лишения свободы за совершение хищений в особо крупных размерах и взяточничество⁵.

Ревизии и инвентаризации проводились некачественно. При этом сокращалось число ревизоров, нередко их использовали не по назначению. Все это только способствовало росту различных злоупотреблений в организациях потребительской кооперации.

Так же, как и в прежние годы, в потребительской кооперации существовали кадровые проблемы. На ответственно-материальных должностях нередко работали ранее судимые либо лица, осужденные за корыстные и должностные преступления, но продолжающие работать на этих должностях.

---

¹ См.: Перекрыть каналы хищения. Беседа с заместителем Генерального прокурора СССР О.В. Сорока // Советская потребительская кооперация. 1987. № 12. С. 18.

² См.: Сериков А., Безелянский Ю. Стяжателям – заслон // Советская потребительская кооперация. 1986. № 9. С. 34.

³ См.: Гурьев В. Следствием установлено // Советская потребительская кооперация. 1989. № 10. С. 44.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ См.: Бабеншиев В. Наказание неотвратимо // Советская потребительская кооперация. 1986. № 11. С. 32.

Например, в 1986 году в системе Дагестанского потребсоюза работали 73 лица, ранее судимых за корыстные преступления, в том числе главные бухгалтеры, заместитель главного бухгалтера, 4 ревизора, 46 бухгалтеров. В течение года сумма растрат и хищений в республиканском потребсоюзе возросла в 3 раза¹.

В период перестройки большие надежды партия и правительство возлагали на расширение масштабов кооперативной деятельности. Предполагалось, что дальнейшее ее развитие позволит существенно ускорить подъем экономики страны, насытить рынок необходимыми товарами и таким образом ликвидировать торговый дефицит. В этих целях 26 мая 1988 года был принят Закон «О кооперации в СССР»².

Этот нормативный акт был единственным актом, посредством которого осуществлялось правовое регулирование кооперативных отношений в стране. Потребительской кооперации в этом законе несправедливо отводилось незначительное место. А ведь она была самой «старейшей в СССР кооперативной системой, действующей на всей территории страны, имеющей исторически сложившиеся экономические, в том числе республиканские и международные связи»³. На момент принятия Закона «О кооперации в СССР» потребительская кооперация достигла значительных успехов в промышленности и в торговле. Совокупная прибыль ее организаций только в России составила в 1985 году 1,08 млрд рублей, а в 1990 году – 1,75 млрд рублей, то есть за короткое время возросла в 1,6 раза. В потребительской кооперации России было занято свыше 1,5 миллионов рабочих и служащих⁴.

Организационная структура системы включала свыше 4,5 тысяч потребительских обществ, около 500 потребительских союзов. Численность пайщиков оставляла 23 млн человек⁵.

Но считалось, что новый закон о кооперации должен был сыграть важную роль в объединении кооперации страны, придать активность экономике и послужить стимулом для дальнейшего развития кооперативного движения.

В нем было много позитивного, например, «он гарантировал свободный выбор форм хозяйственной деятельности кооперативов, их самостоятельность и независимость в принятии решений по выполнению поставленных задач»⁶.

Впоследствии этот закон назовут первым рыночным законом в нашей стране⁷.

---

¹ См.: Перекрыть каналы хищений. Беседа с заместителем генерального прокурора СССР О.В. Сорока // Советская потребительская кооперация. 1987. № 12. С. 18.

² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

³ См.: Законодательство о потребительской кооперации. Беседа с заместителем Председателя Правления Центросоюза СССР Н.А. Лупей // Советская потребительская кооперация. 1991. № 10. С. 20.

⁴ См.: Вахитов К.И. Теория и практика кооперации: учебник. С. 409.

⁵ См.: Теплова Л.Е. Теория и история потребительской кооперации. С. 135.

⁶ См.: Коряков И.А. Указ. соч. С. 194.

⁷ См.: Вахитов К.И. Теория и практика кооперации. С. 406.

Между тем новая волна кооперативов, а их, по данным Госкомстата СССР, на 1989 год было зарегистрировано в стране около 178 тысяч, а число занятых в них лиц превышало 2 млн¹, принесла за собой немало криминала.

Так в декабре 1990 года на брифинге в МВД СССР отмечалось, что по сравнению с 1989 годом более чем на 70% возросло количество лиц, совершивших преступления в кооперативной сфере². Происходило криминальное сращивание банковских служащих с кооператорами «новой волны».

В 1990 году кооперативами было взято в банках в одиннадцать раз больше средств, чем вложено. Но ссуды кооператоры получали за взятки.

Например, только в 1989 году взятки должностным лицам за выдачу ссуд составили 1 млрд рублей, а сокрытые от налогообложения доходы кооперативов и индивидуалов – 1,4 млрд рублей. Проведенный ВНИИ МВД СССР опрос показал: при покупке оборудования 24% кооператоров вынуждены были каждый раз прибегать к даче взяток. Большинство руководителей кооперативов, объединений и ассоциаций отметили, что в 80 случаев из ста им приходится «регулировать» вопросы получения помещения, приобретения сырья и оборудования противоправными средствами³.

Существовали преступные связи новых кооператоров и с работниками потребительской кооперации. Это в основном выражалось в незаконном отпуске различных товаров с баз и предприятий потребительской кооперации.

Например, торговое предприятие Московского потребительского общества отпустило кооперативу «Россия» на 330 тысяч рублей колбасы, которая была затем перепродана по двойной цене.

В другом случае было вскрыто немало фактов, когда кооперативы приобретали в торговой сети потребительской кооперации картофель и реализовывали его в других регионах страны по ценам, в 2-3 раза превышающим закупочные.

Создание кооперативов, стремительное развитие этой формы хозяйствования привлекло к себе множество дельцов, хапуг, людей, ищущих легкие способы обогащения. Многие из них в считанные месяцы стали миллионерами за государственный счет⁴. Кооперация была буквально «наводнена» лицами ранее судимыми.

Так, по данным МВД СССР, на 1 октября 1989 года в кооперативах было выявлено 2308 ранее судимых должностных и материально ответственных лиц, из которых по представлению органов внутренних дел освобождено было от работы 1098 человек.

Например, в городе Воронеже председателем кооператива «Нива» был избран Д., отбывший 10 лет лишения свободы за взяточничество. Чтобы

---

¹ См.: Гурьев В. Под кооперативной вывеской // Советская потребительская кооперация. 1989. № 11. С. 38.

² См.: Борисов Н. Снижение преступности не предвидится // Советская потребительская кооперация. 1991. № 3. С. 38.

³ См.: Борисов Н. Указ. соч. С. 38.

⁴ См.: Гурьев В. Указ. соч. С. 38-39.

скрыть судимость, он указал в анкете, что в это время «находился в органах МВД СССР»¹.

У большинства населения сложилось крайне негативное отношение к кооперации.

Проведенный в 1990 году ВЦИОМ опрос населения об отношении к кооперации показал, что оно по-прежнему видит в кооператорах жуликов. Считает, что в кооперативах чаще встречаются злоупотребления, а относительно большая эффективность работы кооператоров пока не сказывается на качестве продукции².

Таким образом, расширение масштабов кооперации к желаемому результату не привело, а только осложнило и без того непростую криминогенную обстановку в стране. Преступность среди кооператоров росла. Кроме того, по мнению теоретиков, новый закон о кооперации содержал немало противоречий, общих деклараций, сдерживающих, неопределенных и даже не-кооперативных норм. В результате оказалось много пены в виде лжекооперативов, которые вызвали возмущение народа и дискредитировали кооперативную форму хозяйствования, и в том числе ни в чем неповинную старую потребительскую кооперацию³.

Действительно от этой непродуманной кооперативной реформы пострадали авторитет и интересы потребительской кооперации.

В 90-е годы в стране кардинально изменилась экономическая и политическая ситуация. Был принят ряд законов, которыми гарантировалось право частной, государственной, муниципальной собственности, при осуществлении предпринимательской деятельности разрешался наемный труд на основе любой формы собственности и в различных организационно-правовых формах, была признана многопартийность.

Это означало, что страна вступила в эпоху рыночных отношений, в которых предполагалось широкое развитие частной инициативы, создание частных предприятий и других форм хозяйствования. В этих условиях потребительская кооперация нуждалась в собственном законе, который отвечал бы современным реалиям и отражал интересы пайщиков. К тому же в связи с распадом СССР перестал существовать Центросоюз СССР.

Бывший райпотребсоюз был преобразован в Центросоюз Российской Федерации. В связи с преобразованием автономных областей России в республики их потребсоюзы вошли в состав Центросоюза на правах самостоятельных членов⁴.

---

¹ См.: Ривкин К.Е. Правовые и организационно-тактические основы борьбы с преступлениями, совершаемыми в кооперации: учебное пособие. – Москва: УМЦ при УРЛС МВД СССР, 991. С. 16.

² См.: Борисов Н. Указ. соч. С. 38.

³ См.: Макаренко А.П. Указ соч. С. 284.

⁴ См.: Коряков И.А. Указ. соч. С. 195.

В этот период возникла угроза ликвидации потребительской кооперации¹. В 1992 году в разгар шоковой терапии к ликвидации кооперативных союзов стали призывать отдельные представители антимонопольного комитета Верховного Совета Российской Федерации и правая пресса. В этой связи необходим был законодательный акт, который восстановил бы легальный статус потребительской кооперации и ее союзную вертикаль². И такой закон был принят Верховным Советом Российской Федерации от 19 июня 1992 года³. В нем были прописаны очень важные положения относительно прав союза за потребительских обществ. В соответствии со ст. 4 Закона союз не нес ответственности по обязательствам потребительских обществ и не наделен был по отношению к ним организационно-распорядительными и контрольными функциями. Взаимоотношения строились на договорной основе. Это свидетельствовало о том, что потребительские общества внутри системы были более свободными от контроля и опеки вышестоящих органов.

Необходимо обратить внимание на одно весьма важное нормативное предписание, касающееся взаимоотношений потребительских обществ, их союзов с государственными органами. В п. 1 ст. 6 Закона было четко сформулировано, что органы государственной власти и управления не вправе вмешиваться в хозяйственно-финансовую и иную деятельность потребительских обществ, их союзов, кроме случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В целом же этот закон сыграл положительную роль и, в сущности, «спас старейшую кооперативную систему страны от распада, а ее собственность – от полного и форсированного» раскооперирования⁴.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что в рассматриваемый период потребительская кооперация была глубоко поражена коррупцией, которая причиняла ей немалый материальный ущерб и (что более опасно) моральный. Совершая преступления по службе, должностные лица потребительской кооперации подрывали ее авторитет и доверие к ней со стороны населения. По сути, они предавали интересы кооперации.

Совершению должностных преступлений в этот период способствовал и сложившийся в стране тотальный дефицит продовольственных и промышленных товаров. Базы и склады организаций потребительской кооперации нередко посещали с целью приобретения дефицитных товаров руководители советских и партийных органов. А это приводило к определенной солидарности и круговой поруке с руководителями организаций и предприятий потребительской кооперации. Чем собственно последние и пользовались, совершая

---

¹ См.: *Тычинин С.В.* Основы законодательного регулирования потребительской кооперации России: монография. С. 127.

² См.: *Макаренко А.П.* Указ. соч. С. 291.

³ См.: Закон Российской Федерации от 19 июня 1992 года № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1788.

⁴ См.: *Вахитов К.И.* История потребительской кооперации России: учебник. С. 266.

хищения, злоупотребляя служебным положением, они были уверены в поддержке со стороны руководителей советских и партийных органов и, соответственно, в своей безнаказанности.

На работу, связанную с материальной ответственностью, как и в прежние годы, принимались ранее судимые, причем за хищения и должностные преступления. Ревизии, инвентаризации проводились некачественно и несвоевременно, что позволяло нечистым на руку руководителям годами расхищать кооперативную собственность.

Новый закон о кооперации не принес желаемых результатов, а только усугубил и без того сложную криминогенную ситуацию в стране.

В результате непродуманной кооперативной политики значительно выросло число лжекооперативов, которые существенно дискредитировали кооперативное движение в стране.

6.2. Субъект должностного преступления в организациях потребительской кооперации и проблемы его определения по Уголовному кодексу РСФСР 1960 года

В исследуемый период борьба с преступностью, и в частности с должностной преступностью, в системе потребительской кооперации осуществлялась посредством применения уголовно-правовых норм, содержащихся в УК РСФСР 1960 года.

В главе седьмой нового УК РСФСР содержалось всего лишь шесть составов¹, которыми предусматривалась уголовная ответственность за должностные преступления. Так как потребительская кооперация работала в условиях полного огосударствления, нормы о должностных преступлениях распространялись и на ее служащих. Анализ следственной и судебной практики показывает, что в структуре преступности, имеющей место в потребительской кооперации, по-прежнему, как и в прошлые годы, доминировали растраты.

Однако уголовная ответственность за присвоение и растрату предусматривалась уже не как за должностное преступление, а как за преступление против собственности. В случае хищения общественного имущества работниками аппарата потребкооперации путем злоупотребления служебным положением их действия квалифицировались по ст. 92 УК РСФСР. Понятие «злоупотребление служебным положением» трактовалось шире понятия «должностное лицо». Субъектом хищения путем злоупотребления служебным положением мог быть любой служащий потребительской кооперации, а не только должностное лицо.

---

¹ В 1962 году систему должностных преступлений пополнила еще одна статья (ст. 174¹ «Посредничество во взяточничестве») / УК РСФСР 1960 года с изменениями на 1 августа 1960 года / Уголовный кодекс РСФСР. – Москва: Госиздат, 1962. С. 90.

В преддверии принятия УК РСФСР 1960 года в юридической литературе широко дискутировался вопрос о субъекте должностных преступлений¹. В ходе дискуссий предлагались различные дефиниции понятия должностного лица. Разработчики нового уголовного закона не обошли их вниманием, и некоторые из них нашли отражение в примечании к ст. 170 УК РСФСР. В соответствии с законом должностным лицом признавалось только такое лицо, которое постоянно или временно осуществляло в государственной или общественной сфере управления функции:

- 1) представителя власти;
- 2) организационно-распорядительные;
- 3) административно-хозяйственные;
- 4) указанные функции осуществлялись по специальному полномочию.

Работники аппарата управления организаций потребительской кооперации (например, руководители аппарата Центросоюза, областных, краевых и республиканских потребсоюзов, а также руководители различных служб) к представителям власти не относились. Вместе с тем, осуществляя управленческие функции в условиях жесткой централизации власти, в том числе и внутри системы потребительской кооперации, они обладали властными полномочиями, которые распространялись на широкий круг служащих, и в этом смысле они, безусловно, представляли власть. К тому же работниками потребительской кооперации они воспринимались именно как представители власти. Однако по УК РСФСР 1960 года они не признавались таковыми, а следовательно, не являлись и должностными лицами по этому признаку. Между тем в годы действия УК РСФСР 1922 года и 1926 года допускалась возможность привлечения руководителей потребительской кооперации как центрального аппарата, так и областного, краевого и республиканского к уголовной ответственности за злоупотребления властью, превышение власти и дискредитирование власти как представителей власти.

Организационно-распорядительные функции в потребительской кооперации выполняли руководители всех звеньев аппарата управления (от низшего до высшего). Это были руководители аппарата Центросоюза и различных его структурных подразделений: областного, краевого и республиканского потребсоюза, районных потребительских обществ, председатели правлений и их заместители, начальники юридических служб, старшие юрисконсульты и другие служащие, занимающие должности, связанные с осуществлением указанных функций.

Например, определением Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 25 июля 1961 года было признано обоснованным осуждение по ч. 2

---

¹ Смолицкий Г.Р. Должностные преступления. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Юриздат Министерства юстиции СССР, 1947. – 68 с.; Утевский Б.С. Указ. соч. – 440 с.; Кириченко В.Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1956. – 211 с.; Кучерявый Н.П. Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1957. – 188 с.; Лейкина Н.С. Субъект должностных преступлений в практике Верховного Суда СССР // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 202. Серия: Юридические науки. Вып. 8. С. 89-103.

ст. 170 УК РСФСР председателя правления райпотребсоюза и главного бухгалтера за безответственное отношение к работе и злоупотребления по службе, выразившиеся в причинении райпотребсоюзу материального ущерба в особо крупных размерах¹.

К должностным лицам относились не только служащие, выполняющие функции должностного лица по найму, но и выборные работники. В приведенном примере должность председателя правления была выборной. В основном же все органы управления потребительской кооперации были выборными.

Организационно-распорядительными функциями обладали и представители кооперативных вузов. К должностным лицам относились руководители высших учебных заведений, техникумов, профтехучилищ, их заместители, а также работники, возглавляющие в них различные структурные подразделения.

К должностным лицам, исполняющим административно-хозяйственные обязанности, в организациях потребительской кооперации относили: работников контрольно-ревизионной службы, заместителей председателей правлений по торговле, старших бухгалтеров, старших товароведов, старших продавцов, руководителей заготовительных организаций, заведующих баз и складов и т.д.

Так, действия начальника контрольно-ревизионного отдела райпотребсоюза, скрывшего при производстве инвентаризации в магазине из личной заинтересованности хищение 5 760 рублей, совершенное заведующим магазином, были признаны злоупотреблением служебным положением и квалифицированы по ч. 1 ст. 170 УК РСФСР. По этой же статье был осужден его соучастник, старший ревизор отдела райпотребсоюза².

На должностное лицо нередко одновременно возлагались как административно-хозяйственные, так и организационно-распорядительные обязанности. Например, директор кооперативного магазина мог как выполнять управленческие функции, связанные как с руководством коллективом, так и осуществлять контроль за движением товаров, поступающих в торговую точку, а также решать и другие хозяйственные вопросы.

Между тем вопрос о субъекте должностного преступления был небесспорен. Многие исследователи обращали внимание, что теория и судебная практика шли по пути расширительного толкования понятия должностного лица³. В уголовно-правовой литературе отмечалось, что к должностным лицам стали необоснованно относить работников, выполнявших профессиональные обязанности (врачей, педагогов и т.п.), вспомогательный состав (технических секретарей, машинисток), всех без исключения материально-

---

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1961. № 4. С.14.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1983. № 9. С. 5-6.

³ См.: напр.: Курс советского уголовного права (Часть Особенная). Т. 4. – Ленинград: Ленинградский университет, 1978. С. 230. (автор точки зрения Н.С. Лейкина); Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. – Киев: Наукова думка, 1978. С. 105-135.

ответственных лиц, а иногда и вспомогательных работников, обслуживающих материальные ценности и денежные средства¹.

Действительно анализ судебной практики тех лет говорит о том, что к уголовной ответственности за должностные преступления нередко необоснованно привлекались лица, которые никак не являлись должностными, в том числе и работники потребительской кооперации. Например, продавцы, кладовщики, кассиры, заготовители и т.д.

Так, Н.С. Лейкина приводит пример, когда Верховный Суд прекратил дело по обвинению Казанова в должностном преступлении, который будучи шофером Заготконторы, взял 60 кг газа, предназначенного для автомашины, и продал его. На деньги, полученные от продажи газа, Казанов приобрел нужные части для автомашины, которую он ремонтировал по предложению администрации. В постановлении по этому делу суд указал: «Субъектом вменяемого ему преступления может быть только должностное лицо, которым Казанов, работающий шофером, не являлся»².

Необоснованно, на наш взгляд, был осужден за получение взятки (ст. 173 УК РСФСР) заготовитель заготконторы Александровского райпотребсоюза Владимирской области Поспелов, который в 1970-1972 гг. неоднократно получал переплату от жителей Лискинского района Воронежской области за содействие в сдаче в заготконтору веников.

В своем определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, соглашаясь с приговором областного суда, указала, что свидетели обращались к Поспелову как к должностному лицу-заготовителю, от которого зависело оформление документов на сдачу веников через заготконтору. Без согласия заготконторы на оформление документов, торгующие организации не принимали веников³.

Представляется, что в данном случае заготовитель выполнял работу, связанную с материальной ответственностью, не имеющей никакого отношения к управленческой деятельности. Восприятие же его свидетелями в качестве должностного лица не могло служить основанием для признания его таковым.

Следует отметить, что расширительное толкование понятия «должностное лицо» как в теории уголовного права, так и в судебной практике продолжало иметь место еще долгие годы, в том числе и в отношении служащих аппарата потребительской кооперации.

В начале 90-х годов в стране произошли кардинальные изменения в экономической и политической сфере. Россия вступила в период рыночной экономики. Потребительская кооперация России, долгое советское время пребывавшая в тисках командно-административной системы, получила права

---

¹ См.: Ларьков А.Н. Проблемы борьбы с должностными преступлениями. Борьба с должностными преступлениями: сборник научных трудов. – Москва, 1977. С. 6.

² См.: Лейкина Н.С. Указ. соч. С. 95.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 10. С. 8-9.

и свободы, которые, как нам представляется, позволили ей трансформироваться из публично-правовой в частноправовую организацию.

Безусловно, что организационно-правовые преобразования в потребительской кооперации не могли не отразиться в теории и практике применения уголовно-правовых норм в отношении служащих с управленческого аппарата.

Как правильно заметил С.В. Изосимов, «с началом формирования в стране частного сектора экономики и становления многопартийной политической системы новый класс управленцев и иных служащих коммерческих и иных организаций остался фактически вне поля уголовно-правового воздействия, поскольку прежний УК РСФСР 1960 г. не отражал сложившихся реалий»¹.

Вопросы о возможности привлечения к ответственности за должностные преступления по УК 1960 года управленческих работников кооперации стали возникать после принятия Закона от 26 мая 1988 года № 8998-ХІ «О кооперации СССР». Считалось, что этот закон заложил основы частного предпринимательства в СССР. Тем не менее по закону кооператив относили к общественной социалистической организации, что позволяло следственным и судебным органам привлекать служащих аппарата кооперативных организаций к уголовной ответственности за должностные преступления по УК РСФСР 1960 года.

Высшие судебные инстанции признавали эту правоприменительную практику правильной. Так, в своем постановлении от 30 марта 1990 года № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» Пленум Верховного Суда СССР фактически признал, что субъектом должностных преступлений могут быть и руководители кооперативных организаций².

Со стороны ученых-юристов такой подход к оценке деяний кооператоров-управленцев вызывал возражения.

Например, Б.В. Волженкин, признавая подобную судебную практику ошибочной, считал, что «необоснованно расширительное толкование закона приводит к многочисленным случаям осуждения по статьям о должностных преступлениях руководящих работников кооперативов»³.

Однако законы, появившиеся в период зарождения рыночных отношений, в том числе и Закон Российской Федерации «О потребительской кооперации (потребительских обществах и их союзах) в Российской Федерации», кардинально изменившие экономические и политические условия жизни страны, а также организационно-правовое устройство потребительской кооперации, не изменили позиции правоприменительных органов по квалификации деяний служащих управленческого аппарата кооперации. Они по-прежнему привлекались к уголовной ответственности по статьям о должностных преступлениях УК РСФСР 1969 года.

---

¹ См.: Изосимов С.В. Указ. соч. С. 327.

² См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1990. № 3.

³ См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. – Москва: Юристъ, 2000. С. 50-51.

Так, 15 марта 1993 года Свердловским районным народным судом г. Москвы был осужден по ч. 1 ст. 170 УК РСФСР кооператор Петин.

Дело это рассматривалось Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

Судебная коллегия признала его осуждение необоснованным и указало, что Петин не является работником государственной или общественной организации, так как в соответствии со ст. 1 Закона СССР от 9 октября 1990 г. «Об общественных объединениях» кооперативные организации не являются ни государственными, ни общественными органами, и не был представителем власти, поэтому он не может рассматриваться как должностное лицо и, следовательно, не может нести ответственности за должностные преступления. Дело было прекращено за отсутствием в действиях Петина состава преступления¹.

Факты необоснованного осуждения руководителей и служащих кооперативов имели место и в других случаях².

Таким образом, УК РСФСР 1960 года уже явно не отвечал требованиям времени и не соответствовал экономическим и политическим реалиям, сложившимся в стране. По сути, следственные и судебные органы, привлекая к уголовной ответственности служащих аппарата кооперативов и осуждая их по статьям о должностных преступлениях УК РСФСР 1960 года, применяли нормы уголовного закона по аналогии, что было не допустимым. Образовался некий уголовно-правовой вакуум, породивший проблемы в квалификации должностных преступлений.

В этот период теории уголовного права обращали внимание на противоречия и проблемы, возникающие в законодательной сфере и правоприменительной практике в связи с применением норм о должностных преступлениях в отношении руководителей кооперативов³.

Таким образом, руководители негосударственных структур (в том числе и кооперативных) уже не вписывались в формулу «должностного лица», содержащуюся в примечании к ст. 170 УК РСФСР. Для всех было очевидным, что стране необходим новый уголовный закон, который отвечал бы современным реалиям.

Предложений в этой связи было немало. Особую остроту приобрели дискуссии по вопросу о привлечении к уголовной ответственности за преступления по службе управленческих работников коммерческих и некоммерческих организаций.

Одни авторы высказывались за то, чтобы оставить все без изменений, то есть не предусматривать уголовную ответственность за преступления, совершенные руководителями негосударственных организаций. По мнению

---

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1995. № 3. С. 14.

² См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1995. № 2. С. 7; Бюллетень Верховного Суда СССР. 1995. № 6. С. 8-9.

³ См., напр.: Данилюк С.А. Доказывание преступлений в сфере кооперации: учебное пособие. – Москва: НИИ МВД России, 1992. С. 20.

других, это привело бы к тому, что многие общественно опасные поступки оставались бы безнаказанными.

Ряд ученых предлагали приравнять их к публичным должностным лицам независимо от организационно-правовых форм организаций, учреждений, предприятий, в которых они осуществляли управленческие функции. По этому пути пошли законодатели Украины, Белоруссии, Молдовы, Узбекистана. Но это предложение было отвергнуто большинством теоретиков уголовного права.

Так, Б.В. Волженкин считал такой подход к решению проблемы неверным и объяснял это тем, что социальная сущность поступков государственных служащих и лиц, выполняющих соответствующие управленческие функции в различных общественных организациях и коммерческих структурах, далеко не одинакова. По его мнению, деяния первых подрывают авторитет государственного аппарата и ведут в целом к ослаблению государственной власти, деяния вторых не влекут за собой подобных юридических последствий¹.

Теоретики и практики продолжали искать путь к решению этой проблемы. В 1993 году впервые был опубликован комментарий к проекту Уголовного кодекса России². Его авторы предложили не рассматривать работников управленческого аппарата коммерческих и некоммерческих организаций в качестве должностных лиц и не привлекать их к уголовной ответственности за должностные преступления, поскольку, по их мнению, они не выполняли публично-правовых функций³.

Вместе с тем его разработчики не смогли, на наш взгляд, предложить решение, которое кардинально бы изменило ситуацию в сфере квалификации преступлений, совершаемых по службе руководителями негосударственных структур.

Затем было предложено еще несколько проектов УК РФ, но «конкурс» прошел только один, который и был принят в 1996 году.

В соответствии с ныне действующим уголовным законодательством квалификация деяний, совершаемых должностными лицами против интересов службы, осуществляется с учетом особенностей субъекта преступления, его должностного статуса и сферы служебной деятельности. Законодатель таким образом дифференцировал уголовную ответственность за преступления должностных лиц, осуществляющих функции руководства в государственных структурах и управленческие функции в коммерческих и иных организациях, предусмотрев ее в разных главах – 30 и 23 УК РФ.

Резюмируя изложенное, можно заключить, что служащие потребительской кооперации признавались по УК РСФСР 1960 года должностными лицами, если наделялись по службе организационно-распорядительными либо административно-хозяйственными полномочиями.

---

¹ См.: Волженкин Б.В. Новое уголовное право России. Особенная часть: учебное пособие. – Москва: Зерцало, ТЕИС, 1996. С. 310-311.

² См.: Преступление и наказание: комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и проф. А.В. Наумова. – Москва: ДЕЮРЕ, 1993. С. 304.

³ Там же. С. 245.

Таким образом, они привлекались к уголовной ответственности за должностные преступления наравне с государственными служащими.

В этот период не существовало никаких оснований для сомнений в признании их должностными лицами, поскольку потребительская кооперация была полностью огосударствлена, в высшей степени централизована и функционировала со строго определенной вертикалью власти. По сути, она была одним из хозяйственных органов Советского государства.

Все изменилось, когда в России начались радикальные реформы политической и экономической системы. В условиях рыночных отношений возникла проблема квалификации служебных преступлений, совершаемых руководителями кооперативных организаций, поскольку они уже не вписывались в рамки существующего определения должностного лица в УК РСФСР 1960 года.

В результате возникшего пробела в уголовном законодательстве правоприменительные органы практиковали в своей деятельности недопустимый метод применения норм уголовного закона. Они применяли их к руководителям кооперативов по аналогии с нормами о должностных преступлениях.

Такая практика продолжалась до введения в действие нового уголовного закона 1996 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Возникновение потребительных (потребительских) обществ в России стало возможным вследствие сложившихся тяжелых экономических условий жизни народа. Цель создания таких обществ заключалась в удовлетворении материальных потребностей ее членов. Совместными усилиями было легче обеспечить себе нормальное сосуществование, поэтому их и было много в России. Участие в их деятельности принимали все сословия: интеллигенция, чиновники, офицеры, студенты, рабочие, крестьяне и т.д.

Потребительская кооперация в своем развитии шла от создания отдельных обществ, вначале немногочисленных, к массовому их возникновению. А впоследствии, чувствуя необходимость в объединении, они стали создавать союзы, поскольку так легче было выживать. В конечном счете авторитет и притягательная сила потребительской кооперации настолько возросли, что к концу 1917 года она превратилась в массовое народное движение. Кооперированием были охвачены миллионы российских граждан.

2. Потребительские общества дореволюционной России были разобщены, у них не было единой правовой основы. Каждое общество разрабатывало свой Устав, учитывая при этом кооперативную уставную практику, как российскую, так и западных стран.

Долгое время в России существовал разрешительный порядок открытия кооперативов, что существенно затрудняло их образование. Бюрократический подход к решению вопросов, касающихся интересов кооперации, нередко на долгие годы затягивал процесс открытия кооперативов. И только с принятием Нормального Устава потребительских обществ ситуация несколько улучшилась.

По своей природе потребительские общества относились к частным организациям и в своей деятельности руководствовались частными интересами, интересами объединяемых ими лиц. Однако эти интересы органически вписывались и в интересы государства, так как эти общества вносили свой вклад в улучшение материального благосостояния определенной части российского общества, а в целом и в развитие экономики страны. Но тем не менее правительство необоснованно, на наш взгляд, относило потребительские кооперативы к благотворительным учреждениям. Такой статус этих обществ во многом ограничивал их возможности в правовой защите своих интересов, в том числе и в уголовно-правовой сфере, и, в частности, от различных злоупотреблений своих же служащих.

3. Уголовным законодательством дореволюционной России предусматривалась ответственность за преступления по службе, государственной или общественной, однако в этой части оно было небезупречно.

Это заключалось в том, что в действующем Уложении о наказании отсутствовало легальное определение понятия должностного лица, что негатив-

но сказывалось и на судебной практике, которая шла по пути расширительного толкования субъекта должностных преступлений. И поэтому нередко статус должностного лица приобретали лица, не имеющие отношения ни к государственной службе, ни к общественной.

Существенно затрудняло квалификацию преступлений, совершаемых по должности, и то обстоятельство, что фактически была размыта грань между понятиями «должностное лицо» и «служащий». В теории и практике их зачастую отождествляли.

В Уголовном уложении 1903 года проблему определения лиц, которые могли бы иметь статус должностного лица, законодатель так и не решил. Хотя некоторые положительные тенденции в этом вопросе и обозначил.

4. В период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных служащие кооперативов, в том числе и потребительных (потребительских) обществ, не рассматривались законодателем в качестве субъектов должностных преступлений. О потребительских обществах, как, впрочем, и в целом о кооперации, нигде в действующем уголовном законе не упоминалось.

Руководители кооперативов за совершение преступлений по должности привлекались к уголовной ответственности не за должностные преступления, а за общие как частные лица (присвоение и растрату, мошенничество и другие).

Считалось, что служащие кооперативов так же, как и служащие других частных учреждений, не могли быть приравнены к государственным служащим или служащим, отправляющим свои обязанности на общественной службе, в силу того, что они, находясь на частной службе, выполняли свои обязанности только в узких рамках, то есть в интересах данных обществ.

В силу казуистичности норм Уложения о наказаниях их трактовали нередко либо слишком широко, либо очень узко. В результате в некоторых случаях невозможно было определить круг возможных субъектов, в том числе и возможность быть в них служащим потребительских обществ.

Безусловно, основным источником, движущей силой кооперации было взаимное доверие. Ведь кооперативы создавались на добровольной основе исходя из кооперативных принципов, и все члены в них имели равные возможности. Кооператоры в своей деятельности доверяли друг другу, и в этом был залог их успеха.

Поэтому злоупотребление доверием считалось, можно сказать, предательством кооперативных интересов. Отсюда и ставился вопрос о защите интересов кооперации специальными нормами об уголовной ответственности за злоупотребление доверием, но он не был решен законодателем ни в Уложении об наказаниях, ни в Уголовном уложении 1903 года.

5. В первые годы советской власти большевики предпринимали активные действия к тому, чтобы обратить потребительскую кооперацию из частноправовой организации в публично-правовую. И им это удалось. В период военного коммунизма потребительская кооперация фактически превратилась в один из органов советской власти. В соответствии с «декретным» законода-

тельством служащие потребительской кооперации привлекались к уголовной ответственности за должностные преступления.

Годы НЭПа были самыми благоприятными для потребительской кооперации. В литературе стали говорить о том, что она вновь приобрела свою истинную природу – частноправовую. Но считать так было бы глубоким заблуждением. В условиях новой экономической политики советская власть вынуждена была пойти на некоторые уступки потребительской кооперации и дать ей относительную свободу. Потребительская кооперация по-прежнему рассматривалась властью как общественная организация, как инструмент борьбы с частным капиталом и находилась под строгим контролем государства.

Между тем дискуссии о правовой природе потребительской кооперации в годы НЭПа отразились и на взглядах теоретиков в области уголовного и кооперативного права. Некоторые из них были противниками отнесения служащих аппарата потребительской кооперации к субъектам должностных преступлений. Возможно, они находились в плену старых иллюзий, когда потребительская кооперация была частноправовым институтом, а возможно, исходили из новой экономической политики, полагая и одновременно заблуждаясь, что в этот период потребительская кооперация стала походить на частноправовое образование.

Расхождения во взглядах по этому вопросу имели место вплоть до конца 20-х и начала 30-х годов, то есть до полного огосударствления потребительской кооперации.

В исследуемый период каких-либо различий между понятиями «служащий» и «должностное лицо» не существовало. Считалось, что служащие, занимающие должности в аппарате потребительской кооперации, являлись должностными лицами. Поэтому понятие «субъект должностных преступлений» применительно к служащим аппарата потребительской кооперации трактовалось весьма широко. К таковым относились и технические работники, например: делопроизводители, секретари, рабочие, сторожа, конюхи и т.д.

В общей массе должностных преступлений, совершаемых служащими аппарата управления потребительской кооперации, большую часть из них занимали должностные растраты. Они достигали в некоторых организациях потребительской кооперации уровня, который представлял реальную угрозу их самоликвидации.

Впервые в истории потребительской кооперации ее аппарат надеялся в 30-е годы беспрецедентным и уникальным правом – правом осуществления дознания по делам, связанным с растратами и хищениями.

6. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы основную долю должностных преступлений, совершаемых служащими потребительской кооперации, составляли должностные растраты.

Руководство страны, правоохранительные органы, Центросоюз СССР и РСФСР принимали меры организационного и правового характера по усилению борьбы с хищениями, растратами и другими злоупотреблениями в орга-

низациях потребительской кооперации. Безусловно, они давали положительные результаты. Однако должностная преступность не собиралась «уходить» из системы потребительской кооперации. В этот период времени их уровень даже несколько увеличился, и они причиняли системе немалый моральный и материальный ущерб.

Совершению должностных преступлений в аппарате потребительской кооперации способствовали многие факторы. Например, подбор кадров на руководящие и материально ответственные должности осуществлялся формально. Весьма часто на эти должности назначались лица, ранее судимые, некомпетентные и не соответствующие моральным требованиям.

Неудовлетворительно осуществлялся контроль за сохранностью кооперативных ценностей со стороны правлений и контрольно-ревизионного аппарата. Центросоюз в своих постановлениях нередко повторял одни и те же директивы, что тоже говорило о формальном подходе к разработке мер, направленных на усиление борьбы с хищениями, растратами, недостачами и другими злоупотреблениями по службе.

И, наконец, качество расследования и рассмотрения уголовных дел, возбужденных по фактам должностных растрат, совершенных служащими аппарата потребительской кооперации, находились не на должном уровне.

7. В 70-е и 80-е годы потребительская кооперация была глубоко поражена коррупцией, которая причиняла ей немалый материальный ущерб и, что более опасно, моральный.

Совершая преступления по службе, должностные лица потребительской кооперации подрывали ее авторитет и доверие к ней со стороны населения. По сути, они предавали интересы кооперации. И это была одна из причин оттока пайщиков из потребительской кооперации.

Совершению преступлений в этот период способствовал и сложившийся в стране тотальный дефицит продовольственных и промышленных товаров. Базы и склады организаций потребительской кооперации нередко с целью приобретения дефицитных товаров посещали руководители советских и партийных органов. Это приводило к их определенной «солидарности» и круговой поруке с руководителями организаций потребительской кооперации, чем, собственно, последние и пользовались. Совершая хищения, злоупотребляя служебным положением, они были уверены в поддержке «прикормленных» руководителей советских и партийных органов и, соответственно, в своей безнаказанности.

На работу, связанную с материальной ответственностью, как и в прежние годы, принимались ранее судимые, причем за хищения и должностные преступления.

Ревизии и инвентаризации проводились некачественно и несвоевременно, что позволяло нечистым на руку руководителям годами расхищать кооперативную собственность.

Новый закон о кооперации не принес желаемых результатов, а только усугубил и без того сложную криминогенную ситуацию в стране.

В результате непродуманной кооперативной политики значительно возросло число лжекооперативов, которые существенно дискредитировали кооперативное движение в стране.

8. Служащие потребительской кооперации признавались по УК РСФСР 1960 года должностными лицами, если наделялись по службе организационно-распорядительными либо административно-хозяйственными полномочиями, то есть они являлись субъектами должностных преступлений наравне с государственными служащими.

В этот период не существовало никаких оснований для сомнений в признании их должностными лицами, поскольку потребительская кооперация была полностью огосударствлена и, по сути, была одним из хозяйственных органов Советского государства.

Все изменилось, когда в России начались радикальные изменения в экономической и политической сфере.

В условиях рыночных отношений возникла проблема квалификации служебных преступлений, совершаемых руководителями кооперативных организаций, поскольку они уже не вписывались в рамки существующего определения должностного лица в УК РСФСР 1960 года.

В результате возникшего пробела в уголовном законодательстве правоприменительные органы практиковали в своей деятельности недопустимый метод применения уголовного закона. Они применяли его к руководителям кооперативов по аналогии с нормами о должностных преступлениях.

Такая практика продолжалась вплоть до введения в действие нового уголовного закона 1996 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Декрет СНК РСФСР от 10 апреля 1918 г. «О потребительских кооперативных организациях» // СУ РСФСР. 1918. № 32. Ст. 418.
2. Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.
3. Декрет СНК РСФСР от 22 июня 1918 г. «О спекуляции» // СУ РСФСР. № 54. Ст. 605.
4. Декрет СНК РСФСР от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» // СУ РСФСР. 1919. № 53. Ст. 504.
5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» // СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.
6. Декрет СНК РСФСР от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» // СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150.
7. Декрет ВЦИК РСФСР от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах» (Положение) // СУ РСФСР. № 22-23. Ст. 115.
8. Декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г. «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях» // СУ РСФСР. 1923. № 1. Ст. 8.
9. Постановление ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов, кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
10. Постановление СНК СССР от 16 февраля 1933 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1933. № 13. Ст. 76.
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» // Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик. – Москва: Юриздат Министерства юстиции СССР, 1948.
12. Закон от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.
13. Закон РФ от 19 июня 1992 г. «О потребительской кооперации в Российской Федерации» // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1788.
14. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

15. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 256 с.

16. Уголовный Кодекс РСФСР. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1960. – 175 с.

Научная и учебная литература

17. *Аносов И.И.* Злоупотребление доверием. – Москва: Товарищество А.А. Левенсон, 1915. – 384 с.

18. *Анцифиров А.Н.* Новый кооперативный закон и ближайшие задачи русской кооперации. – Москва: Народная свобода, 1917. – 22 с.

19. *Белецкий В.П.* Сборник обвинительных пунктов по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – Житомир: Типография Дененмана, 1909. – 311 с.

20. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголовного права. – Киев – Петербург – Харьков, 1903. – 843 с.

21. *Бать А.Г.* Борьба с растратами. Постатейные разъяснения Циркуляра Народного комиссариата юстиции. – 2-е изд., доп. – Москва: Центросоюз, 1926. – 40 с.

22. *Бердический Н.Г.* Декрет о потребительской кооперации 20 мая 1924 г.: практический постатейный комментарий. – 2-е изд. – Москва: Центросоюз, 1925. – 56 с.

23. *Бердический Н.Г.* Действующее законодательство о потребительской кооперации. Систематически комментированный обзор. – Ростов-на-Дону: Буревестник, 1925. – 60 с.

24. *Бердический Н.Г., Гликин Я.С.* Борьба с растратами и хищениями в потребительской кооперации (систематический сборник постановлений и распоряжений). – Москва: Госторгиздат, 1937. – 72 с.

25. *Бланк Г.Я.* Основы теории и истории потребительской кооперации СССР. – Москва: Центросоюз, 1963. – 223 с.

26. *Болотова Е.Ю.* «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX века: монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 330 с.

27. Всероссийский съезд по кооперации (2; 1913; Киев). Постановления, принятые Всероссийским съездом по кооперации в г. Киеве, с 1-го по 7-е августа 1913 г. – Киев: Тип. 2-й Артели, 1913. – 71 с.

28. *Вахитов К.И.* История потребительской кооперации России: учебник. – Москва: Дашков и К°, 2007. – 400 с.

29. *Вахитов К.И.* Теория и практика кооперации: учебник. – Москва: Дашков и К°, 2010. – 480 с.

30. *Волженкин Б.В.* Служебные преступления. – Москва: Юрист, 2000. – 368 с.

31. *Волженкин Б.В.* Новое уголовное право России. Особенная часть: учебное пособие. – Москва: Зерцало, ТЕИС, 1996. – 392 с.
32. *Герцензон А.А.* Борьба с преступностью в РСФСР. По материалам обследования НКРКИ СССР / под ред. и с предисловием В.А. Радус-Зеньковича. – Москва: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1928. – 163 с.
33. *Гюнтер А.Р.* Должностные преступления. Уголовные кодексы УССР и РСФСР (сравнительный текст и комментарий) / под ред. М.Е. Шаргея, С.А. Пирогова и Ю.П. Мазуренко. Вып. 5. – Харьков: Наркомюст УССР, 1928. – 82 с.
34. *Герцензон А.А., Грингауз Ш.С., Дурманов Н.* [и др.]. История советского уголовного права. – Москва: Минюст СССР, 1948. – 465 с.
35. *Гликин Я.С., Фейгенберг М.С.* Сборник действующих постановлений и распоряжений по работе потребительской кооперации. – Москва: Гудок, 1948. – 120 с.
36. *Горелик А.С.* Полный курс уголовного права: в 5-ти т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. III: Преступления в сфере экономики. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. – 786 с.
37. Доклад о работе УКК Верховного Суда РСФСР по делам, поступившим от главсудов, облсудов и губсудов за 1924 г. в кассационном порядке и в порядке надзора / Верховный Суд РСФСР. Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верх. Суда РСФСР за 1924 г. с предисловием П.И. Стучка. – Москва: Наркомюст РСФСР, 1925. – 155 с.
38. *Данилюк С.А.* Доказывание преступлений в сфере кооперации: учебное пособие. – Москва: НИИ МВД РФ, 1992. – 64 с.
39. *Есипов В.В.* Уголовное право. Часть Особенная. Книга первая. Преступления против государства и общества. – 2-е изд., пер. и доп. – Москва: Правоведение, 1906. – 286 с.
40. *Жижиленко А.А.* Должностные (служебные) преступления (Глава 3 Уголовного кодекса): практический комментарий. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Право и жизнь, 1927. – 100 с.
41. *Жижиленко А.А.* Должностные (служебные) преступления (ст. 105-118 Уголовного кодекса). Уголовный кодекс РСФСР: практический комментарий. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Право и жизнь, 1924. – 72 с.
42. *Зельгейм В.* Организация и практика потребительных обществ в России. – 2-е изд. – Москва: Всероссийский Центральный союз потребительных обществ, 1918. – 204 с.
43. *Змиев Б.* Уголовное право. Часть Особенная. Выпуск II. – Казань, 1926. – 72 с.
44. *Исаев М.М., Утевский Б.С., Гродзинский М.М.* Законодательство по уголовному праву и процессу в период войны. – Москва: Юриздат НКЮ СССР, 1943. – 41 с.
45. *Иогансен А.А.* Растраты и хищения. Порядок их преследования. Практические разъяснения и указания работникам кооперации. – Москва –

Ленинград: Всероссийский кооперативный издательский Союз. – Москва – Ленинград: Книгосоюз, 1926. – 56 с.

46. Инструкция Прокуратуры СССР и НКЛЮ СССР «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях» (Инструкция «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях в потребительской кооперации» 28 февраля 1939 года № 49\1-А.21). – Москва, 1939. – 9 с.

47. История государства и права (советский период): учебное пособие / И.В. Архипов, Н.Д. Варламова, Ю.М. Панихицина [и др.] / под ред. Ю.М. Панихицина. – Саратов: Слово, 1998. – 152 с.

48. *Кулишер И.М.* Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. – Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1906. – 354 с.

49. *Коряков И.А.* Принципы кооперативного движения. – Чита: Сибирский университет потребительской кооперации, 1998. – 235 с.

50. *Комиссаров П.Н.* Потребкооперация: ее достижения и недостатки. – Москва: Центросоюз, 1925. – 74 с.

51. *Кожевников М., Лаговьер Н.* Должностные преступления и борьба с ними (популярный очерк). – Москва: МКЮ РСФСР, 1926. – 72 с.

52. Классовая борьба и преступность / под ред. Е.Г. Ширвиндта. – Москва: НКВД РСФСР, 1930. – 184 с.

53. *Красносельский М.О., Блаушильд М.* Революционная законность в промкооперации. – Ленинград – Москва, 1934. – 61 с.

54. *Крекнин Г.* Борьба с растратами и хищениями в кооперации: практическое пособие для инструкторов союзов, ревизионных комиссий и других работников низовой кооперации. – Москва: Книгосоюз, 1927. – 96 с.

55. *Крекнин Г.* Наем рабочей силы, соцстрахование и ответственность за имущественные и должностные преступления (руководство для низовых кооператоров). – Новониколаевск: Сибкрайсоюз, 1925. – 109 с.

56. *Кириченко В.Ф.* Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (общие вопросы). – Москва: АН СССР, 1956. – 132 с.

57. *Кучерявый Н.П.* Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1957. – 188 с.

58. Курс советского уголовного права (Часть Особенная). Т. 4. – Ленинград: Ленинградский университет, 1978. – 558 с.

59. *Лебединский В.Г.* Как советская власть борется с преступностью в кооперации. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1927. – 55 с.

60. *Лохвицкий А.* Курс русского уголовного права. – Санкт-Петербург – Москва: Журнал Министерства юстиции, 1867. – 662 с.

61. *Малицкий Н.П.* Кооперативное законодательство. – Прага, 1924. – 104 с.

62. *Меркулов А.В.* Исторический очерк потребительской кооперации. – Москва – Иркутск: Сеятель, 1919. – 99 с.

63. *Маргулис М.С.* Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С постатейными выдержками из объяснительной записки и журналу Гос. Совета с подробными предметным и сравнительным указателями. – Санкт-Петербург – Москва: Труд, 1904. – 488 с.
64. *Меркулова А.С.* История потребительской кооперации. – Москва: Экономика, 1970. – 85 с.
65. Мероприятия по борьбе с хищениями, растратами и злоупотреблениями в кооперации. – Казань, 1926. – 35 с.
66. *Маркелов Н.В., Романцов Е.Д.* О сохранении социалистической собственности в организациях потребительской кооперации / Сборник важнейших руководящих материалов. – Москва: Центросоюз, 1949. – 78 с.
67. *Мемешкин А.Н.* Злоупотребления в потребительской кооперации Урала и методы борьбы с ними (по материалам Орготдела Уралоблсоюза). – Свердловск: Уралоблсоюз, 1926. – 24 с.
68. *Макаренко А.П.* Теория и история кооперативного движения: учебное пособие. – Москва: Маркетинг, 1999. – 328 с.
69. *Озеров И.* Общества потребителей. Исторический очерк их развития в западной Европе, Америке и России. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Народная польза, 1899. – 327 с.
70. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. – Москва: Московский государственный университет, 1960. – 339 с.
71. О борьбе с растратами: сборник постановлений, приказов и инструкций, действующих на 15-е сентября 1942 года. – Москва: НКЮ СССР, 1942. – 96 с.
72. *Полянский Н.* Должностные растраты. Их уголовное преследование. – Москва: Правовая защита, 1926. – 42 с.
73. *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право. Т. 2: Особенная часть. – Москва – Ленинград: Госиздат, 1928. – 428 с.
74. *Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д., Чхиквадзе В.М.* Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. – Москва: Госюриздат, 1959. – 812 с.
75. *Полянский Н.Н.* Уголовная ответственность должностных лиц кооперативных товариществ. – Москва: Комитет сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ при М.О.С.Х; Типография Ф.Я. Пригорина, 1914. – 14 с.
76. *Познышев С.В.* Особенная часть русского уголовного права / Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложения. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Тип. В.М. Саблина, 1909. – 516 с.
77. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Особенная часть. Выпуск 1. – 2-е изд., испр. и доп. – Юрьев: Тип. К. МАТТИСЕНА, 1913. 414 с.
78. Постановление Президиума Центросоюза СССР и РСФСР от 7 мая 1948 года № 432 «О состоянии борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации Рязанской области» / Постановления пре-

зидиума и правления Центросоюза. – 3-е изд. – Москва: Центросоюз, 1948. С. 14-16.

79. Постановление правления Центросоюза. – 5-е изд. – Москва: Центросоюз, 1949. – 99 с.

80. Потребительская кооперация. Перестройка, Ускорение. – Москва: Экономика, 1988. – 231 с.

81. *Пасс А.А.* Война и кооперация (Промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941-1945 гг.): монография. – Челябинск, 2000. – 169 с.

82. Преступление и наказание: комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и проф. А.В. Наумова. – Москва: ДЕЮРЕ, 1993. – 304 с.

83. Потребительская кооперация России: современные тенденции развития и перспективы (отечественный и зарубежный опыт): монография. – Москва: ГНХВНИИЭСХ, 2013. – 184 с.

84. Российское законодательство X-XX веков: в 9-ти т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. – Москва: Юридическая литература, 1988. – 432 с.

85. *Ривкин К.Е.* Правовые и организационно-тактические основы борьбы с преступлениями, совершаемыми в кооперации: учебное пособие. – Москва: УМЦ при УРЛС МВД СССР, 1991. – 56 с.

86. *Северский Я.Г.* Особенная часть русского уголовного права. Краткий обзор начал от Уложения царя Алексея Михайловича до Уложения о наказаниях. 1885. – Санкт-Петербург: А.Ф. Цинзерлинг, 1892. – 164 с.

87. *Слобожанин М.* Смотр кооперативным силам. По печатным материалам и личным впечатлениям на 1-м Всероссийском съезде кооперативов. – Санкт-Петербург: Энергия, 1909. – 178 с.

88. Сборник определений Уголовной Кассационной Коллегии Верховного Суда РСФСР за 1924 г. – Москва: НКЮ РСФСР, 1925. – 140 с.

89. Систематический сборник решений Правительствующего сената по вопросам об ответственности должностных лиц административного ведомства за преступления по должности (1868-1896) / сост. В.И. Тимофеевский и С.П. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Типография Правительствующего сената, 1896. – 930 с.

90. Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. – Москва, 1917. – 4 с.

91. Сборник действующих законоположений, постановлений, инструкций и циркуляров по потребительской кооперации / сост.: А.Г. Бать и А.А. Баранов. – Москва: Центросоюз, 1928. – 676 с.

92. *Стельмахович А.* Борьба с растратами. Новая Москва. – Москва, 1925. – 24 с.

93. *Смолицкий Г.Р.* Должностные преступления. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Министерство юстиции СССР, 1947. – 68 с.

94. *Сахаров А.Б.* Ответственность должностные преступления по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1956. – 211 с.
95. Сборник Постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1944. – Москва: Министерство юстиции СССР, 1948. – 400 с.
96. Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик. – Москва: Министерство юстиции СССР, 1948. – 543 с.
97. *Сахарова Д.Б., Котов И.С.* История и теория кооперативного движения: учебное пособие. – Минск: Новое знание, 2005. – 248 с.
98. Справочник по правовым вопросам потребительской кооперации / сост.: С.М. Мальков, В.И. Финогенов; под ред. Н.А. Лупея. – Москва: Экономика, 1987. – 280 с.
99. Сборник Уставов организаций потребительской кооперации СССР. – Москва: Центросоюз СССР, 1985. – 69 с.
100. *Трайнин А.Н.* Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. – Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 256 с.
101. Творцы кооперации: сборник / сост. Л.А. Самсонов. – Москва: Московский рабочий, 1991. – 300 с.
102. *Тычинин С.В.* Основы законодательного регулирования потребительской кооперации в России: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. – 181 с.
103. *Теплова Л.Е.* Теория и история потребительской кооперации: учебник для вузов. – Белгород: Белгородский университет потребительской кооперации, 2009. – 441 с.
104. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. – Москва – Санкт-Петербург, 1924. – 1124 с.
105. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – 15-е изд. – Санкт-Петербург – Москва: Тип. М. Меркушева, 1910. – 910 с.
106. Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий / под ред. М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина и А.А. Жижиленко. – Москва: Право и жизнь, 1923. – 64 с.
107. *Утевский Б.С.* Общее учение о должностных преступлениях. – Москва: МЮ СССР, 1948. – 440 с.
108. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. – 6-е изд. – Санкт-Петербург – Москва: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. – 451 с.
109. *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861-1930. – Иваново: Иван. госуниверситет, 2002. – 600 с.
110. *Ширяев В.Н.* Взятничество и лихоительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. – Ярославль – Москва: Тип. Губ. правл., 1916. – 577 с.
111. *Ширяев В.И.* Дисциплинарная ответственность служащих. – Москва: Право и жизнь, 1926. – 68 с.

112. *Щепетов В.И.* История государственного управления в России: учебник. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2014. – 255 с.

113. *Эстрин А.* Должностные преступления. – Москва: НКЮ РСФСР, 1928. – 108 с.

Статьи

114. *Алексеевский С.* Пора перестать // Кооперативная мысль (орган Воронежского Губсоюза ЕПО). 1922. № 11 (24). С. 8.

115. *Альперт Н.* Растраты и хищения на базах потребкоопераций // Еженедельник Советской Юстиции. 1935. № 2. С. 18.

116. Больше коммунистов на кооперативный фронт // Уральский кооператор – Журнал Уральского Областного Союза кооператоров. 1924. № 2 (21). С. 17-18.

117. *Бабенышев В.* Наказание неотвратимо // Советская потребительская кооперация. 1986. № 11. С. 32-34.

118. Борьба с хищениями в потребительской кооперации. В прокуратуре СССР// Социалистическая законность. 1944. № 3-4. С. 41.

119. *Борисов Н.* Снижение преступности не предвидится // Советская потребительская кооперация. 1991. № 3. С. 38-39.

120. *Борисова Л.В.* НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84-97

121. *Борецкий А.* Расплата за беспечность // Советская потребительская кооперация. 1982. № 5. С. 26-27.

122. *Бродский Д.* Умелое собирание доказательств // Социалистическая законность. 1945. № 9. С. 44-45.

123. *Богаутдинов А.Б.* Преступность в кооперации и органы юстиции в Татарской Социалистической Советской Республике // Еженедельник Советской юстиции. 1925. № 42-43. С. 1333-1336.

124. *Бехтерева Л.Н.* Потребительская кооперация Удмуртии в период НЭП(а) (1921-1929гг.) // Отечественная история. 2008. № 3. С. 63-76.

125. Вестник потребительской кооперации (Еженедельный орган Пензенского Губернского Союза потребительских обществ). 1922. № 9. С. 4.

126. *Волженкин Б.В.* К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 73-81.

127. Воронежский кооператор и земледелец. 1918. № 5-6. С. 19.

128. *Вяткин К.* К понятию должностного лица // Рабочий суд. 1925. № 23-24. С. 987-992.

129. *Готман В.В.* Всякий ли кооперативный работник – должностное лицо? // Союз потребителей. 1926. № 8. С. 57-60.

130. *Гликин Я.* Бережно охранять кооперативную собственность // Советская юстиция. 1958. № 8. С. 6-10.

131. *Гурьев В.* Следствием установлено // Советская потребительская кооперация. 1989. № 10. С. 44-45.
132. *Гурьев В.* Под кооперативной вывеской // Советская потребительская кооперация. 1989. № 11. С. 38-40.
133. Дело сотрудников и посредников Центросоюза // Еженедельник Советской юстиции. 1923. № 11. С. 243-246.
134. Еженедельник Советской юстиции. 1926. № 50. С. 1415.
135. *Елютин О.* Кооперация в России – невостребованный опыт // Наука и жизнь. 2003. № 5. С. 59-65.
136. Законодательство о потребительской кооперации. Беседа с заместителем Председателя правления Центросоюза СССР Н.А. Лупей // Советская потребительская кооперация. 1991. С. 20-22.
137. *Зубарев В.И.* Борьба со взяточничеством в Петрограде в начале НЭП(а) (1921-1924 гг.) // Правоведение. 1975. № 6. С. 80-89.
138. *Коновалов И.Н.* Правовое регулирование кооперативного движения в дореволюционной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 4. С. 144-145.
139. *Корелин А.П.* Кооперативное законодательство в России и западный опыт // Отечественная история. 1996. № 2. С. 180-189.
140. Кооперативное дело под охранным надзором // Союз потребителей. 1917. № 9-10. С. 7-8.
141. Кооперация и администрация // Кооперативная жизнь. 1916. № 20. С. 946.
142. *Клименко В.А.* МЧК в борьбе со спекуляцией (1918-1920 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 181-185.
143. *Кулаков В.В.* Закон 20 марта 1917 г. «О кооперации» и его место в истории кооперативного права в России // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 123-129.
144. *Лаговьер Н.* Прокуратура и суд в борьбе с лжекооперативами // Советская юстиция. 1928. № 22. С. 647-650.
145. *Лейкина Н.С.* Субъект должностных преступлений в практике Верховного Суда СССР // Ученые записки ЛГУ. 1956. № 202. Вып. 8. С. 89-103.
146. *Ларьков А.Н.* Проблемы борьбы с должностными преступлениями. Борьба с должностными преступлениями: сборник научных трудов. – Москва, 1977. С. 5-24.
147. *Новиков И.* Злоупотребления в кооперации и борьба с ними // Союз потребителей. 1925. № 9. С. 37-43.
148. Никакой пощады с растратами (беседа с народным комиссаром юстиции Д.И. Курским) // Рабочий суд. 1925. № 25-26. С. 1041-1042.
149. *Нечаев А.* Хищения, растраты и недочеты в кооперации // Союз потребителей. 1925. № 9. С. 18-28.
150. *Островский В.* Новая петроградская «кооперация» // Вестник кооперации. 1918. № 3-4. С. 119-124.

151. Перекрыть каналы хищений. Беседа с заместителем Генерального Прокурора СССР О.В. Сорока // Советская потребительская кооперация. 1987. № 12. С. 18-19.

152. Приказ НКЮ РСФСР от 5 января 1937 года «О судебной практике по делам о должностных преступлениях (ст. 109, 110, 111 УК РСФСР)» // Советская юстиция. 1937. № 6. С. 56.

153. *Ривкин М.* Рабочий, служащий и должностное лицо // Рабочий суд. 1925. № 17-18. С. 765-768.

154. *Серигов А., Безелянский Ю.* Стяжателям – заслон // Советская потребительская кооперация. 1986. № 9. С. 34-36.

155. *Сидорков А.* Устранение причин хищений, злоупотреблений и недостач в системе государственной и кооперативной торговли (из практики Калужского областного суда) // Социалистическая законность. 1959. № 12. С. 61.

156. Союз потребителей. 1918. № 27. С. 26-27.

157. *Трайнин А.Н.* Общее учение о должностных преступлениях // Социалистическая законность. 1938. № 4. С. 16.

158. *Тычинин С.В.* Очерк развития законодательства о кооперации в СССР (РСФСР) в период с октября 1917 по 1929 гг. // История государства и права. 2004. № 2. С. 61-64.

159. *Тагер С.* Новые мысли о растратах и хозяйственных преступлениях: критический очерк о двух работах проф. Н.Н. Полянского // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 19. С. 570-571.

160. *Тагер С.* Борьба с растратами и примечание к ст. 105 УК // Рабочий суд. 1925. № 23-24. С. 975-982.

161. *Тагер С.* Борьба с растратами в кооперации // Союз потребителей. 1926. № 2-3. С. 133-141.

162. *Фрометт Б.* Служащие в потребительных обществах / Вестник кооперации. Книга третья. – Санкт-Петербург, 1911. С. 21-39.

163. *Федин С.А.* Преступления в системе потребительской кооперации в 1945-1953 гг. и борьба с ними правоохранительных органов (на материалах Нижнего Поволжья) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 4. С. 98-102.

164. Хроника союзов из жизни Губсоюза // Кооперативная жизнь. 1923. № 17. С. 71.

165. *Черняев М.* Неясность понятия «должностное лицо» и кассационная практика Верховного суда // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 44-45. С. 1369-1370.

166. *Черников О.А.* Из истории Рыльского общества потребителей (1895-1919 гг.) / Курский край в истории Отечества: материалы научно-практической конференции, посвященной 225-летию образования Курской губернии и 70-летию образования Курской области (Курск, 14 мая 2004 г.). – Курск: МУ ИЦ ЮМЭКС, 2004. Ч. 1. С. 102.

167. *Шаргородский М.* Субъект должностного преступления // Вестник советской юстиции. 1928. № 9 (115). С. 264-267.

168. *Юцис Е.И.* О должностном лице и представителе власти // Вестник советской юстиции. 1928. № 9 (115). С. 270-271.

Судебная практика

169. Судебная практика РСФСР. 1927. № 8. С.15.
170. Судебная практика РСФСР. 1927. № 3. С. 20.
171. Судебная практика РСФСР. 1927. № 7. С. 16.
172. Судебная практика РСФСР. 1928. № 12. С. 3.
173. Сборник определений Уголовного кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР за 1924 г. – Москва: НКЮ РСФСР, 1925. – 140 с.
174. Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР за 1924 г. – Москва: Наркомюст РСФСР, 1925. – 155 с.
175. Верховный Суд РСФСР. Сборник циркуляров Верховного Трибунала ВЦИКА за 1921, 1922 гг. и Верховного Суда РСФСР за 1923 г. – Москва: Наркомюст РСФСР, 1924. – 98 с.
176. Судебная практика Верховного Суда СССР 1945. Выпуск VI (XXII) / под ред. И.Т. Голякова. – Москва: Министерство юстиции СССР, 1946. – 32 с.
177. Сборник Постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944. – Москва: Министерство юстиции СССР, 1948. – 400 с.
178. Судебная практика Верховного Суда СССР. 1944. Выпуск X (XVI) / под ред. И.Т. Голякова. – Москва: НКЮ СССР, 1945. – 33 с.
179. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 2. С. 7.
180. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1990. № 3. С. 14.
181. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1961. № 4. С. 14.
182. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 6. С. 8-9.
183. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1983. № 9. С. 5-6.
184. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 10. С. 8-9.

Диссертации и авторефераты

185. *Изосимов С.В.* Теоретико-прикладной анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 546 с.
186. *Полосин Н.В.* Уголовно-правовая характеристика коммерческого подкупа: дис... канд. юрид. наук. – Москва, 2000. – 194 с.
187. *Филановский И.Г.* Борьба с злоупотреблениями по должности по советскому уголовному праву: дис... канд. юрид. наук. – Москва, 1952. – 444 с.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Лысак Николай Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент

**Должностные преступления в потребительской кооперации России
(1845-1996 гг.)**

Монография

Редактор *Е.А. Олейникова*
Техн. редактор *Т.Л. Ковалева*

Подписано в печать 20.11.2018 г., формат бумаги 60х90/16, уч.изд.л. 10,1,
бумага офсетная, печать трафаретная
Тираж 47 экз., заказ № 88

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-264-7

